

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 9(165)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8 ШАМАХОВ В. А.**
Разглядеть в прошлом уроки будущего
- 9 ХЛУТКОВ А. Д.**
Эффективность управления как императив победы

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Воспоминания о будущем: традиционные российские управленческие практики в новых внешнеполитических условиях. Статья четвертая. Между империей и федерацией (конец XIX — начало XX века)
- 18 ЖДАНОВ В. Л.**
Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты
- 29 ДОЛЖЕНКОВА Е., МОХОРОВА А. Ю.**
Реализация интересов «малых государств» в ЕС
- 40 КАМИНЧЕНКО Д. И.**
Имидж современного регионального лидера: результаты сетевого анализа

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 57 КВИНТ В. Л., НОВИКОВА И. В., АЛИМУРАДОВ М. К., САСАЕВ Н. И.**
Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики
- 68 МЕЖЕВИЧ Н. М., ШЕВЧУК Н. В., СЕНИК Н. М., ГО ШУХУН**
ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан
- 79 ЖИРЯЕВА Е. В., НАУМОВ В. Н.**
Является ли российская экономика рыночной?
- 95 ТЯПУХИН А. П.**
Структура принципов инновационного менеджмента
- 106 САСАЕВ Н. И.**
Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 116 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Русские философы о личностных истоках социальных концепций
- 125 ГАВРА Д. П., БАЙЕР Ю. П.**
Социальные типологии творческих практик

134 ПЛОТНИКОВ В. А., ШАМИНА О. А.

Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством

145 КЛУШИН А. В.

Практика применения учебного занятия в форме «деловой игры» по отработке действий при установлении уровней террористической опасности

A LINEA**151 ПЕТРОВА П. М.**

Стратегическое управление факторами противодействия чрезвычайному периоду на региональном рынке недвижимости

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**163 ЛИХТИН А. А.**

Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
See the Lessons of the Future in the Past
- 9** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Governance Efficiency as a Victory Imperative

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10** **NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Memories of the Future: Traditional Russian Administrative Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Four. Between Empire and Federation. End of the XIX — beginning of the XX century
- 18** **VLADISLAV L. ZHDANOV**
State Policy of Russia in the Field of Space Activities in the Light of Recent Global Challenges and Prospects: Goals, Principles, Objectives and Main Priorities
- 29** **EKATERINA DOLZHENKOVA, ANNA YU. MOKHOROVA**
Realization of the Interests of “Small States” in the European Union
- 40** **DMITRIY I. KAMINCHENKO**
The Image of the Modern Regional Leader: Network Analysis Results

POWER AND ECONOMY

- 57** **VLADIMIR L. KVINT, IRINA V. NOVIKOVA, MURAD K. ALIMURADOV, NIKITA I. SASAEV**
Strategizing the National Economy during a Period of Burgeoning Technological Sovereignty
- 68** **NIKOLAY M. MEZHEVICH, NINA V. SHEVCHUK, NIKITA M. SENIK, GUO SHUHONG**
SCO and Strategic Development Goals of the Republic of Uzbekistan
- 79** **ELENA V. ZHIRYAEVA, VLADIMIR N. NAUMOV**
Is the Russian Economy a Market Economy?
- 95** **ALEXEY P. TYAPUKHIN**
Structure of the Principles of Innovation Management
- 106** **NIKITA I. SASAEV**
Fundamentals of Industrial Strategizing: Formation of the Concept

SOCIETY AND REFORMS

- 116** **VLADIMIR B. ALEKSANDROV**
Russian Philosophers on Personal Origins Social Concepts

- 125** **DMITRII P. GAVRA, JULIA P. BAYER**
Social Typologies of Creative Practices
- 134** **PLOTNIKOV V. A., SHAMINA O. A.**
Media Project: Concept, Features, Aspects of Quality Management
- 145** **ARTEM V. KLUSHIN**
Practice of Using a Training Session in the Form of a “Business Game”
to Practice Actions When Establishing Levels of Terrorist Danger

HISTORY AND CULTURE

- 151** **POLINA M. PETROVA**
Strategic management during the contingency period in the regional
real estate market

SCIENTIFIC LIFE

- 163** **ANATOLY A. LIKHTIN**
Key Aspects of the Implementation of the Digital Municipality Project
at the North-Western Institute of Management of RANEPА

Разглядеть в прошлом уроки будущего

See the Lessons of the Future in the Past

В. А. Шамахов

Советник ректора РАНХиГС,
научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, главный редактор

Опыт исторических аналогий нельзя считать универсальным для поиска оптимальных управленческих решений. Однако нельзя отрицать то, что взгляд в прошлое в ряде случаев помогает понять настоящее или даже предвидеть будущее. История Восточной Европы и западных окраин Российской империи, а также история Советского Союза убедительно свидетельствуют о том, что все существующие конфликты от Балтики до Черного моря в той или иной форме, под теми или иными флагами существовали в активной или замороженной форме многие века.

Для решения оперативных, оперативно-тактических вопросов ни нам, ни нашим оппонентам не поможет знание истории западных рубежей России или восточных рубежей Австро-Венгерской империи.

Но за тактикой следует стратегия. Именно история подсказывает нам то, что любой военный конфликт рано или поздно переходит в стадию урегулирования, а вот уже урегулирование обязательно имеет пространственную форму и опирается на историческое содержание. Разумеется, этот тезис имеет прямое отношение к современной ситуации на востоке Европы. Именно сейчас, в текущих условиях экономической, политической и военной неопределенности, следует тщательно изучить те формы территориально-политического разграничения, которые уже существовали здесь на протяжении последних трех или даже шести веков.

Уподобимся археологам, которые делают выводы о современной цивилизации, раскапывая, к примеру, могильный курган. Для историков все происходящее не является оригинальным. Историк, взглянув на современный конфликт, в абсолютном большинстве случаев скажет — это уже было, и напомним, чем это закончилось. Важно, чтобы историка услышали.

Эффективность управления как императив победы

Governance Efficiency as a Victory Imperative

А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института
управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета

Политические и экономические процессы, идущие в настоящее время, следует оценивать как суровую проверку эффективности механизмов государственного управления. Если говорить о технических устройствах, о механизмах, так сказать, в классическом, а не политологическом смысле, то проверка эффективности практически никогда не является вопросом жизни и смерти. Можно заменить эскалатор в метро, после соответствующей проверки можно посчитать экономически и технологически неэффективным авиационный мотор и отказаться от него, в конце концов. Можно даже проверить на предельные нагрузки мост и сделать выводы о качестве строительства.

Однако перед нами задачи качественно нового масштаба и сложности. Сегодня в состоянии проверки весь механизм государственного управления. Будем реалистами: ситуация последних восьми месяцев показала, что определенная часть органов власти и управления со своими задачами справляется плохо.

Поставим вопрос иначе, — а могла ли в принципе сложиться ситуация, при которой система, испытывающая чрезвычайные нагрузки, показала бы абсолютную эффективность во всех звеньях? Ответим: это практически невероятная ситуация. Историки смогут подтвердить, что к конфликтам такого рода, как СВО, подготовиться на 100% невозможно в принципе. Неэффективная работа отдельных звеньев системы является доказанным фактом. При этом позволю себе аналогию с Крымским мостом. При всех нюансах, связанных с режимом охраны, никто не подвергает сомнению необходимость этого инфраструктурного объекта, его экономическую и политическую значимость, а также тот факт, что, несмотря на диверсию, мост продолжает работать. Экстраполируем этот тезис на государственную систему. Несмотря на очевидные сложности, проблемы и сбои в работе отдельных звеньев, государство продолжает пользоваться общественной поддержкой, а общество признает ценность государственных механизмов. Слабые звенья ремонтируются, меняются, а в ряде случаев формируются новые управленческие уровни и подходы.

Происходящие события позволяют нам говорить, что несмотря на все испытания, общественный договор между населением и государством сохраняет свою силу, а значит, и текущие проблемы любого характера в конечном счете будут решены.

Воспоминания о будущем: традиционные российские управленческие практики в новых внешнеполитических условиях

Статья четвертая

Между империей и федерацией (конец XIX — начало XX века)*

Межевич Н. М.^{1, 2, *}, Шамахов В. А.³

¹Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Территориально-политическое устройство Российской империи изучено достаточно хорошо. Проблемой является адаптация исторических знаний к текущей управленческой практике. Россия не была империей, но и классической федерацией также не являлась. Примерно 35% страны управлялось в особых режимах. Указанную конструкцию можно критиковать, но эта модель управления не стала катализатором катастрофы начала XX в. Причины кризиса были связаны с вопросами общественного управления. В свою очередь, изучение территориально-политического устройства позволит выявить не только слабые, но и сильные стороны управленческой модели имперской России.

Ключевые слова: государственное устройство (унитарное, федеративное), национально-территориальная организация государства, административно-территориальное деление, территориально-политическая организация общества, империя

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А. Воспоминания о будущем: традиционные российские управленческие практики в новых внешнеполитических условиях. Статья четвертая. Между империей и федерацией. Конец XIX — начало XX века // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 10–17.

Memories of the Future: Traditional Russian Administrative Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Four. Between Empire and Federation. End of the XIX — beginning of the XX century

Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}, Vladimir A. Shamakhov³

¹Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; *mez13@mail.ru

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The territorial-political structure of the Russian Empire has been studied quite well. The challenge is adapting historical knowledge to current management practices. Russia was not an empire, but it was also not a classical federation. Approximately 35% of the country was governed in special regimes. This design can be criticized, but this management model did not catalyze the disaster of the beginning of the 20th century. The causes of the crisis were related to public administration issues. In turn, the study of the territorial-political structure will

* Предыдущие статьи см. в журнале «Управленческое консультирование» № 4, 5, 6 за 2022 г.

reveal not only the weak, but also the strengths of the management model of imperial Russia.

Keywords: state structure (unitary, federal), national-territorial organization of the state, administrative-territorial division, territorial-political organization of society, empire

For citing: Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Memories of the Future: Traditional Russian Administrative Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Four. Between Empire and Federation. End of the XIX — beginning of the XX century // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 10–17.

В российской социальной науке есть обыкновение начинать едва ли не каждый текст указанием на особую актуальность затронутых в нем вопросов, и это становится признаком дурного вкуса [12, с. 55]. Это правда. Вместе с тем автором этого тезиса С. Каспэ как раз и написаны многочисленные работы по проблемам федерализма и централизации.

Стартовая предпосылка нашего анализа — признание объективно существующей ключевой проблемы российской цивилизации: «историческая западня вечно русского транзита „Смута — Империя — Смута...“» [14].

Исследования территориально-политического устройства сложно устроенных государств часто сопровождаются прогнозами. Император Австро-Венгрии Франц II говорил: «Мои народы чужды друг другу; тем лучше. Они не заболевают одновременно теми же болезнями. Когда во Францию является лихорадка, она охватывает всех вас в тот же день. Я ставлю венгерцев в Италию, итальянцев в Венгрию. Каждый сторожит своего соседа. Они не понимают и ненавидят друг друга. Из их нерасположения рождается порядок, из их вражды — общий мир» [21, с. 108]. Этот тезис можно было бы отлить в бронзе, если бы Австро-Венгерская империя не распалась сразу же после его провозглашения.

Николай II был менее склонен к публицистике, но Российская империя не пережила этот же конфликт, однако в отличие от Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Словении Российская Федерация и сейчас сложноустроенное национальное государство. Признаем как очевидное, но особо значимое: включение в состав любой империи территорий с иноязычным (инокультурным) населением каждый раз ставило перед властью проблему включения его в общую правовую и административную систему [6, с. 131]. Именно поэтому поиск новых управленческих решений в Империи никогда не заканчивался, вплоть до февраля 1917 г. [23].

В Российской империи рост национализма, в том числе на окраинах, проходил одновременно и в значительной степени параллельно с интеграционными процессами в экономической сфере. Противоречия носили объективный характер. Отсюда возникшее противостояние двух тенденций: националистической потребности в размежевании и экономической логики интеграции. В Российской империи, как и затем в СССР, дезинтеграционная тенденция победила. Однако эта победа была не линейной, две тенденции централизации — децентрализации постоянно конкурировали, имели своих влиятельнейших, хорошо известных и сегодня сторонников.

Начнем с интеграционной тенденции. Укажем на авторскую позицию: централизация и всеобщая дисциплина стали единственно возможной моделью политики Москвы. Согласимся (в этом вопросе) с И. А. Ильиным, который писал: «Императорская Россия не смотрела на свои племена как на дрова, подлежащие перебросу с места на место, она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания; это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания» [7, с. 26]. Об этом же писал профессор Будилович в статье, опубликованной в 1907 г., за десять лет до гибели Российской империи, и переизданной

в 1991 г. на окраине СССР, в Эстонии, за десять месяцев до распада СССР. А. С. Будилович писал: «Вообще следует отметить, что и федерация автономных областей, разграниченных по указаниям этнографии к истории, не вполне удовлетворяла еще наших освободителей, особенно социалистов, не признающих, как известно, ни народности, ни преданий. Потому и возник в конце этого оборота план превращения России в Соединенные Штаты Восточной Европы и т. п.» [3, с. 87]. Замечание абсолютно верное и подтверждающее то, что сама по себе проблема была известна.

Беспокойство власти проявилось еще в 1905 г.: «Ввиду усиливающихся беспорядков в населении Эстляндской губернии, для скорейшего водворения в сих губерниях порядка и для успешнейшей разработки всех общих вопросов местной жизни, оставление коих без удовлетворительного разрешения содействует распространению смуты, признали Мы за благо ввести меры к объединению деятельности всех существующих в означенных местностях властей и разработку законодательных предположений, касающихся интересов населения Прибалтийского края, сосредоточить на месте при участии местных людей. Для сего повелеваем: учредить должность временного прибалтийского генерал-губернатора <...>»¹. В 1906 г. это беспокойство было кодифицировано в новых статьях «Основных законов Российской империи», были поставлены четкие новые правовые рамки государства:

«Статья 1. Государство Российское едино и нераздельно.

1. Российское государство едино и неделимо.
2. Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.
3. Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных установлениях определяется особыми законами» [9, с. 141].

В 1907 г. было создано Особое совещание по делам Финляндии. Председателем был назначен Премьер-министр империи — П. А. Столыпин, членами — министры В. Н. Кокорцев, П. А. Харитонов, И. Г. Щегловитов и ряд других. В июне 1910 г. Дума приняла законопроект об общеимперском законодательстве. В законе были отмечены значимые полномочия, изымавшиеся из ведения финляндских органов власти и переходившие в ведение царского правительства.

Другой вопрос связан с тем, что до 1917 г. реально ввести в практику законодательные новации не успели.

Теперь перейдем к противоположной тенденции. Революционные события вынудили императора подписать Манифест 22 ноября 1905 г. «О предоставлении Финляндии автономии». Этот документ стал весьма важным шагом на пути трансформации России в де-юре федеративное государство. Почему де-юре? Потому что де-факто это уже состоялось. Н. Бердяев в работе «Судьба России» указывал: «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией» [2, с. 63]. Посмотрим на факты и цифры. В Империи ту или иную степень автономии в политической и экономической сфере имели земли, составляющие не менее 30–35% территории империи:

1. Великое княжество Финляндское.
2. Царство Польское.
3. Так называемые «Западные губернии».

¹ Указ императора Николая II об учреждении должности временного прибалтийского генерал-губернатора 28 ноября 1905 г. // Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. С.-Петербург, 1906. С. 269.

4. Остзейские (балтийские) губернии.
5. Хивинское ханство.
6. Бухарский эмират.
7. Киргизская и Калмыцкая орда.
8. Земли Всевеликого войска донского и другие казацки земли.

С нашей точки зрения, на «страшную централизацию» это не похоже. Исторический опыт, рассмотренный, к примеру, в этих фундаментальных работах [4; 20], подтверждает это. Об этом же убедительно свидетельствуют табл. 1, 2, приведенные ниже.

Таблица 1

Характеристика административно-территориального устройства Российской империи (на начало 1917 г.)

Table 1. Characteristics of the administrative-territorial structure of the Russian Empire (at the beginning of 1917)

Административно-территориальные единицы	Количество
Первый уровень:	
Генерал-губернаторства	7
Кавказское наместничество	1
Великое княжество Финляндское	1
Всего	9
Второй уровень:	
Губернии	78
Области	21
округа (самостоятельные)	2
Градоначальства	9
прочие (ханство, эмират, край)	3
Всего	113
Третий уровень:	
Уезды	812
Округа	35
Отделы	11
Районы городские	27
Прочие (приставства, участки)	4
Всего	889
Четвертый уровень:	
Волости	16 760

Таблица 2

Удельный вес основных национальных районов в населении России

Table 2. The share of the main national regions in the population of Russia

Районы	1795 г.	1897 г.
Всего по России (тыс. чел. обоих полов)	36 155,2	116 235,1
В том числе, %:		
Прибалтика	3,3	2,1
Литва	4,5	4,1
Белоруссия	6,6	4,6

Районы	1795 г.	1897 г.
Украина	21,9	21,6
Молдавия	–	1,7
Закавказье	–	4,7
Средняя Азия	–	4,6
Казахстан	–	2,0
Итого	36,3	45,4

Источник: [5, с. 200].

Серьезным специалистам эти обстоятельства были известны. Советолог и историк Доминик Ливен так оценивал вопрос о централизации в СССР: «При советском режиме централизация и однородность были значительно сильнее, чем при Романовых, не говоря уже о большинстве других имперских держав» [24, р. 609]. Прочитаем эту формулу в обратном порядке. По сути, это признание того, что реально централизация в Российской империи не была абсолютно доминирующей тенденцией. Причины этого многообразны. Одна из них — понимание того, что любая попытка уменьшить степень автономии национальных образований чревата серьезными потрясениями, что и показал 1917 год.

И. А. Ильин указывал: «Замечательно, что все расчленители России, чем бы они ни руководствовались, произносят одно и то же слово, одну и ту же директиву: „Россия должна быть федеральным государством“» [8, с. 55]. Некоторое преувеличение, вероятно, есть. Однако во взгляде с «Запада» и у его российских сторонников такой подход преобладает [10; 15; 17; 19; 22; 24; 25]. Более того, даже лучшие из лучших историков-советологов живут в этой парадигме [11].

Разрушение Российской империи стало результатом роста национальной ограниченности, сумевшей победить объективную логику экономики. Очевидно и то, что это было связано с падением эффективности управленческих методов, которые применялись в империи.

С одной стороны, постоянно возрастал экономический потенциал как собственно «русских» губерний и областей, так и национальных окраин, но одновременно более четко обозначилась тенденция к их политической и организационной самоорганизации [16]. Развивающееся местное самоуправление также способствовало сепаратизации экономического и политического пространства страны. Более того, национальные движения, оформившиеся на думских трибунах, катализировали развитие процессов федерализации, за которыми последовал распад [18]. Осмысливая итоги революции, видный российский промышленник П. П. Рябушинский писал уже в эмиграции в 1921 г.: «Основная сила России была во владении необъятными пространствами земли, этим неразрушимым капиталом, и численности населения. Последние годы до войны показали, что продуктивные силы русского народа стали явно расти. В достаточной мере неиспользованный земельный капитал, с его надземными и подземными богатствами, и не прекращавшийся рост населения, способного к просвещению, явно предвещали те необъятные возможности, которые стояли перед Россией»¹.

¹ «Общественная мысль за рубежом» январь–февраль 1992. Ежемесячный критико-библиографический бюллетень. Труды общего съезда представителей Русской промышленности и торговли в Париже. 17–23 мая 1921 г. Париж, 1921. С. 58.

Удивительно, насколько правильными выводами приходили лучшие умы России... уже находясь в эмиграции. Обратимся к уникальному документу: «Основы Конституции Российского государства», написанному в Праге в 1920 г. доктором К. П. Крамаржем — политическим деятелем и ученым Чехословацкой Республики. Проект обсуждали П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Б. В. Савинков, М. М. Винавер, кн. Г. Е. Львов, М. А. Стахович, П. Долгоруков и другие видные деятели русской эмиграции. В проекте конституции отмечено: «Мне кажется, что для будущего развития России было бы большой опасностью, если бы внутреннему ее устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обеспечить свободное развитие разных национальностей и таким способом уничтожить их сепаратизм. Из такой тенденции вышло бы недопустимое, для будущности особенно опасное устройство государства. Все не русское в России было бы, как бы нарочно, подчеркнуто. При беглом взгляде на карту России становилась бы ясной вся опасность, угрожающая ей от окраин» [1, с. 352].

Подведем краткие итоги. Ключевой вопрос — организация эффективной власти в стране. Какая власть эффективная? Та, которая обеспечивает стабильный тыл для решения любых, в том числе военно-политических задач. Территориально-политическое устройство для России важный, но далеко не единственный фактор самосохранения и развития. «...Властно-правовой контекст, в который вписан данный регион, настолько важен, что может перевешивать даже материальные детерминанты» [13, с. 42]. Благосостояние — важный критерий общественного развития, но его значение становится определяющим при решении всех внутренних и внешних угроз.

Известнейший историк-советолог Д. Ливен прав дважды. Во-первых, когда указывает на то, что империя означает авторитарное государство. Во-вторых, когда отмечает, что оно может приносить пользу своим подданным и быть уважаемым большинством из них. Россия — не империя, Россия — федерация, которая должна приносить пользу своим гражданам. Подчеркнем. Форма государственного устройства — это не более чем условие эффективности страны во внешней и внутренней сфере. Эффективность первична, нюансы формы сугубо вторичны. Имплементация исторического опыта и его привязка к новым внешнеполитическим реалиям важна для стратегии страны на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Архив *русской* революции. Т. 1. М., 1991.
2. Бердяев Н. Судьба России. М., 1918.
3. Будилович А. С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? // Ревель. Русский исторический журнал. 1991. № 1. С. 50–94.
4. Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / сост. В. Б. Каширин. М. : Издательский дом «Регнум», 2012.
5. Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973.
6. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.
7. Ильин И. А. О России. М., 1991.
8. Ильин И. А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск, 1991.
9. Калинин Ф. И. Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957.
10. Камерон Р. Республиканизация России: федерализм и демократизация в переходный период // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 4. С. 9–16.
11. Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000.

12. Каспэ С. И. Конструировать федерацию — *Renovatio Imperii* как метод социальной инженерии // Политические исследования. 2000. № 5. С. 55–69.
13. Ландабасо-Ангуло А. К вопросу о теории регионального развития // Федерализм. 1998. № 1.
14. Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя и Смута — инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.
15. Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика / под общ. ред. А. Б. Юнусовой. Уфа : МЭИ УНЦ РАН, 2011.
16. Национальная политика в императорской России: Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Сред. Азия) : [Документы] / Рос. акад. наук, Центр по изучению межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост., ред. и авт. вступ. ст. Ю. И. Семенов. М. : Старый сад, 1997.
17. Перспективы российского федерализма в XXI веке / под ред. Рафаэля Хакимова. Казань : КЦФПП ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.
18. Ремнев А. В., Савельев П. И. Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / Отв. ред. П. И. Савельев. М. : МОНФ, 1997.
19. Россия в пути. Новая Федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма и регионализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. Казань : Фэн, 1998.
20. Россия и ее «колонии». Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России. М. : ДАРЪ, 2007.
21. Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.-Л., 1947.
22. Хакимов Р. С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань : Институт истории АН РТ, 2009.
23. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья первая // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 10–17.
24. Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30, N 4. P. 607–635.
25. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. By John P. LeDonne. New York: Oxford University Press, 1997. XIX, 394 p.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Archive of the Russian Revolution. Vol. 1. M., 1991.
2. Berdyaev N. Fate of Russia M., 1918 (in Rus).
3. Budilovich A. S. Can Russia give its outskirts to foreigners? // *Revel. Russian Historical Journal*. 1991. N 1. P. 50–94 (in Rus).
4. Greatness and sores of the Russian Empire: International scientific collection for the 50th anniversary of O. R. Airapetov / comp. V. B. Kashirin. M.: Publishing house "Regnum", 2012 (in Rus).
5. Drobizhev V. Z., Kovalchenko I. D., Muravyov A. V. Historical geography of the USSR. M., 1973 (in Rus).
6. Dyakin V. S. National question in the domestic policy of tsarism: (XIX century) // *Questions of history [Voprosy istorii]*. 1995. N 9. P. 130–142 (in Rus).
7. Ilyin I. A. About Russia. M., 1991 (in Rus).
8. Ilyin I. A. On Russian nationalism. What promises the world the dismemberment of Russia. Novosibirsk, 1991 (in Rus).

9. Kalinichev F.I. State Duma in Russia in documents and materials M., 1957 (in Rus).
10. Cameron R. Republicanization of Russia: Federalism and Democratization in Transition // Constitutional Law: Eastern European Review [Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie]. 1999. N 4. P. 9–16 (in Rus).
11. Kappeler A. Russia — multinational empire: Emergence. History. Disintegration. M., 2000.
12. Caspe S.I. Construct a federation — Renovatio Imperii as a method of social engineering // Political research [Politicheskie issledovaniya]. 2000. N 5. P. 55–69 (in Rus).
13. Landabaso-Angulo A. On the question of the theory of regional development // Federalism [Federalizm]. 1998. N 1 (in Rus).
14. Marchenya P.P., Razin S.Yu. Empire and the Troubles — invariants of Russian history // Federalism [Federalizm]. 2010. N 3. P. 121–134 (in Rus).
15. Nationalism and the national-state structure of Russia: history and modern practice / under the general. ed. A.B. Yunusov. Ufa: MPEI UNC RAS, 2011 (in Rus).
16. National policy in imperial Russia: Civilized outskirts (Finland, Poland, Baltic States, Bessarabia, Ukraine, Transcaucasia, Sverdlovsk. Asia): [Documents] / RAS, Center for the Study of International relations In ethnology and anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay; Comp., Rev. Yu. I. Semenov. M.: Old Garden, 1997 (in Rus).
17. Prospects for Russian federalism in the 21st century / ed. Rafael Khakimov. Kazan: CCFPP; Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013 (in Rus).
18. Remnev A.V., Savelyev P.I. The imperial system of Russia in the regional dimension (XIX — early XX centuries) / Ex. ed. P.I. Savelyev. M.: MONF, 1997 (in Rus).
19. Russia is on the way. New Federation and Western Europe. Comparative study on the problems of federalism and regionalism in the Russian Federation and Western Europe. Kazan: Fen, 1998 (in Rus).
20. Russia and its “colonies”. As Georgia, Ukraine, Moldova, the Baltic States and Central Asia became part of Russia. M.: DAR, 2007 (in Rus).
21. Trainin I.P. National contradictions in Austria-Hungary and its collapse. M.-L., 1947 (in Rus).
22. Khakimov R. S. Russian federalism in conditions of socio-political transformation. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009 (in Rus).
23. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Why the reasons for the collapse of the USSR should be sought before the formation of the USSR. Article One // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 10. P. 10–17 (in Rus).
24. Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30, N 4. P. 607–635.
25. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. By John P. LeDonne. New York: Oxford University Press, 1997. XIX, 394 p.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты

Жданов В. Л.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; vl.zhdanov@yahoo.com

РЕФЕРАТ

В статье исследуются ключевые факторы, влияющие на трансформацию космической деятельности России. В настоящее время Россия столкнулась с глобальным политическим кризисом, что наталкивает на необходимость пересмотра ряда принципов и задач осуществления космической деятельности, а также дальнейших перспектив, связанных с освоением Космоса. Целью данного исследования является выявление влияния глобальных вызовов на цели, принципы, задачи и основные приоритеты государственной политики России в области космической деятельности. Методологическую основу исследования составили системный, функциональный, сравнительный, нормативно-ценностный, а также прогностический методы. Автор также пришел к выводу о том, что меняющаяся геополитическая обстановка требует корректировки основных элементов российской космической политики в контексте национальных интересов.

Ключевые слова: космос, космическая политика, международные конвенции, международное сотрудничество, национальный престиж, национальные интересы

Для цитирования: Жданов В. Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18–28.

State Policy of Russia in the Field of Space Activities in the Light of Recent Global Challenges and Prospects: Goals, Principles, Objectives and Main Priorities

Vladislav L. Zhdanov

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation; vl.zhdanov@yahoo.com

ABSTRACT

The article examines the key factors influencing the transformation of Russia's space activities. At present, Russia is faced with a global political crisis, which makes it necessary to revise a number of principles and tasks for the implementation of space activities, as well as further prospects related to space exploration. The purpose of this study is to identify the impact of global challenges on the goals, principles, tasks and main priorities of the state policy of Russia in the field of space activities. The methodological basis of the study was systemic, functional, comparative, normative-value, as well as prognostic methods. The author also came to the conclusion that the changing geopolitical situation requires adjustment of the main elements of the Russian space policy in the context of national interests.

Keywords: space, space policy, international conventions, international cooperation, national prestige, national interests

For citing: Zhdanov V.L. State Policy of Russia in the Field of Space Activities in the Light of Recent Global Challenges and Prospects: Goals, Principles, Objectives and Main Priorities // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 18–28.

Введение

Освоение космоса открывает новые перспективы для глобальной цивилизации. «Космос является четвертой областью человеческой деятельности после суши, моря и воздуха. Сфера космической деятельности простирается от околоземного пространства до Луны, астероидов, Марса и других объектов дальнего космоса» [20]. В Российской Федерации исследование и использование космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, является одним из важнейших приоритетных направлений деятельности в интересах граждан, общества и государства.

Космическая политика в последнее время приобрела большую значимость благодаря своей способности решать глобальные проблемы, такие как климатический кризис и кризис биоразнообразия, а также благодаря растущей зависимости экономики и общества в целом от космической инфраструктуры, услуг и данных.

Успех России в космической деятельности вплотную зависит от правильной постановки целей, принципов и задач, которые необходимо решить в ближайшее будущее. Основными приоритетами при этом являются отечественные разработки, научные исследования, кадровый потенциал, а также развитие инвестиционной деятельности. Будущий успех и мировое лидерство России в космической отрасли будут во многом определяться также инвестициями и инновациями в научных исследованиях и технологиях.

Однако в связи с нарастающей геополитической неопределенностью требуется пересмотр не только основных целей и задач осуществления космической деятельности Россией, но и принципов осуществления такой деятельности, а также основных приоритетов развития космической отрасли.

Сотрудничество между странами по Космосу всегда было отличительной чертой того, как страны могут объединяться, несмотря на политические разногласия. Даже в разгар холодной войны СССР и США подписали Договор о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г., который запрещает испытания ядерного оружия в космическом пространстве, и Договор о космосе 1967 г., в котором излагаются фундаментальные принципы исследования и использования пространства.

Несмотря на то что у СССР и США были серьезные разногласия, космонавты с обеих сторон обменялись рукопожатием в космосе после стыковки кораблей «Союз» и «Аполлон», исторический момент, провозглашенный «открытием на Земле новой эры в истории человечества».

Методы и материалы

Всякая сознательная и целенаправленная активность, выступающая как средство производства и приращения знания, научного в особенности, подчиняется определенным правилам и нормам, регулирующим эту активность. Они складываются в специфическую для каждой области исследований систему алгоритмов — средств, приемов и процедур получения информации, ее регистрации, верификации и теоретического осмысления. Эта совокупность методов и методик данного направления и есть ее методология.

Методология, будь то обще- или конкретно научная, представляет систематический свод принципов организации теоретической и практической научной деятельности. Если теорию определяют как результирующий итог познавательного процесса, то методология предоставляет исследователю соответствующий арсенал средств и приемов познания. Каждый раз, выбирая определенную операцию из этого арсенала, чтобы применить ее на практике, ученый должен сопоставить ее с конкретными целями данного исследования и задачами, которое оно призвано решить.

Поскольку, само собой разумеется, цель и задачи различных исследовательских проектов варьируются, в каждом из них могут использоваться различные методы и их комбинации. Так, множество методов, потенциально применимых для исследования космической политики, в целом могут быть тождественны политологическим методам «per se».

Инициатором и проводником космической политики, а также конечным потребителем ее плодов и результатов от военного, правового, экономического ракурса до таких пока экзотических направлений, как «туристическое», являются государственные и общественные институты, общество в целом.

Политологическая парадигма позволяет анализировать космическую политику как целостное общественно-политическое явление, в то время как интерпретация ее в других измерениях дает более узкий обзор. Собственно, это, по мнению автора, как раз и предопределяет преимущества политологического подхода к оценке и анализу космической политики как знакового социального явления, заведомо включающего в свои рамки проблематику экономики и экологии, научно-технического прогресса и культуры, морали и этики.

Результаты и обсуждение

Космическая деятельность осуществляется в целях содействия благополучию граждан Российской Федерации, развития Российской Федерации и обеспечения ее безопасности, а также решения глобальных проблем человечества. В частности, в Законе РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-I «О космической деятельности» указано, что «целями космической деятельности являются: содействие экономическому развитию государства, повышению благосостояния населения Российской Федерации путем рационального и эффективного использования космической техники, космических материалов и космических технологий, а также расширения масштабов их использования; укрепление и развитие научно-технического и интеллектуального потенциала космической индустрии и ее инфраструктуры; содействие укреплению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации; дальнейшее совершенствование и накопление научных знаний о Земле, космическом пространстве и небесных телах; развитие и расширение международного сотрудничества Российской Федерации в интересах дальнейшей интеграции Российской Федерации в систему мировых хозяйственных связей и обеспечения международной безопасности»¹.

Таким образом, основными целями космической деятельности является развитие космической науки, технологий и данных, которые могут прямо или косвенно способствовать достижению всех целей в области устойчивого развития России. Космические технологии часто относятся к спутниковому наблюдению Земли, спутниковой связи и спутниковому позиционированию. Такие технологии, как прогнозирование погоды, дистанционное зондирование, системы глобального позиционирования, спутниковое телевидение и системы связи, а также более широкие области науки, такие как астрономия и науки о Земле, полагаются на космическую науку и технологии. Они поддерживают политические решения, предоставляя информацию в режиме реального времени.

Помимо этого, главными целями космической деятельности также является обеспечение безопасности и обороны страны. Космос в наше время является отдельной областью по обеспечению безопасности государства, требующей изменений в политике, стратегиях, операциях, инвестициях, возможностях и экспертных зна-

¹ Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-I «О космической деятельности» // Российская газета. № 186. 06.10.1993.

ниях в глобальных масштабах для новой стратегической среды. Космос жизненно важен для безопасности, процветания и научных достижений России. Стоит также отметить, что «в государственной политике нашей страны ракетно-космическая промышленность является одним из приоритетных направлений, так как является частью оборонно-промышленного потенциала России» [15, с. 48]. Не стоит при этом забывать, что «в настоящее время активной космической деятельностью занимается свыше 60 стран» [3, с. 46].

Наравне с безопасностью, ключевую роль играет и международное сотрудничество. Международное сотрудничество всегда было стратегическим направлением всех космических программ, поскольку на отношения с другими странами влияют не только политические, экономические, культурные и человеческие факторы, но и научные, и технологические. Россия поддерживает двусторонние и многосторонние отношения с космическими агентствами и космическими организациями с целью построения и укрепления существующих связей между странами, решения новых научных и технологических задач, уточнения космической политики и определения международных рамок для исследования космического пространства в мирных целях. Как писал К. Э. Циолковский, «общество будущего можно построить только тогда, когда будет мир на Земле» [6, с. 300]. Именно поэтому «сейчас все больше и больше возрастает опора на космические системы, именно поэтому безопасность на Земле напрямую образом зависит от безопасности в космосе» [5, с. 23].

Тем не менее российская космическая политика отражает основные принципы, связанные с рядом целей, которые необходимы для информирования о деятельности, которая будет осуществляться в рамках официальной российской космической деятельности. А именно: «космическая деятельность осуществляется в соответствии с такими принципами, как: содействие поддержанию мира и международной безопасности путем использования достижений космической науки и техники; поощрение привлечения внебюджетных средств в космическую деятельность при сохранении государственного контроля за их использованием и обеспечения гарантий соблюдения государственных интересов Российской Федерации; обеспечение безопасности космической деятельности и охраны окружающей среды; равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества Российской Федерации в области космоса; международной ответственности Российской Федерации за осуществляемую космическую деятельность; рационального сочетания и сбалансированного развития космической техники и космических технологий, применяемых в научных, социально-экономических целях, в интересах обороны и безопасности Российской Федерации. Не допускается космическая деятельность, запрещенная международными договорами Российской Федерации»¹.

Несмотря на эти имеющиеся нормативное закрепление принципы, В. А. Давыдов, являющийся статс-секретарем — заместителем руководителя Федерального космического агентства «Роскосмос», предлагает: «при организации национальной космической деятельности исходить из следующих основных принципов: соответствия уровню развития экономического потенциала страны и сохранения роли космической деятельности в стимулировании создания новейших технологий; развития как освоенных, так и новых направлений космической деятельности с учетом их вклада в экономику страны; независимости и партнерства; обеспечения независимого доступа в космос со своей территории и территории других стран; взаимовыгодного сотрудничества на основе формирования стратегических партнерств; развития ракетно-космической промышленности, способной разрабатывать и производить космическую технику мирового уровня; развития государственно-частного партнерства, поощрения инновационно ориентированного предпринимательства

¹ Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности».

в части предоставления услуг с использованием результатов космической деятельности; рационального сочетания ускоренного восстановления и приоритетного развития отечественных технологий с закупкой передовых технологий за рубежом; разработки и осуществления масштабных проектов с целью создания задела на будущее для решения задач пространственной экспансии и расширения сферы присутствия в космосе» [8, с. 160].

Все указанные выше принципы коррелируются с международными актами, ратифицированными большинством стран. Однако некоторые статьи, например ст. 1 «Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (далее — Договор по космосу)¹, которая гласит: «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, свободно для научных исследований, и государства действуют и поощряют международное сотрудничество в таких исследованиях», нарушаются некоторыми странами, что может повлечь серьезные проблемы, связанные с безопасностью и с организацией космической деятельности не только на Международной космической станции (далее — МКС), но и в Космосе в целом.

«Космическая гонка и борьба за превосходство в космосе стали причиной множества научных открытий и заложили основу для развития технологий, без которых сегодня трудно представить себе жизнь современного человека. Однако значительный скачок в космических исследованиях последних десятилетий показал, что космос — это не только новые возможности, но и разного рода угрозы» [4, с. 21].

Все это указывает на то, что в настоящее время необходимо сделать уточнение в принципах, на которые опирается вся космическая деятельность России. Именно тогда, данные принципы, будут более четко и структурированно представлять те позиции, благодаря которым космическая политика будет способствовать усилению лидерства России в космическом секторе.

Однако помимо принципов не менее важным является вопрос постановки основных задач при реализации космической политики. На наш взгляд, основными задачами являются, в частности: удовлетворение растущих потребностей страны в социально-экономической сфере, науке, обороне и безопасности с использованием отечественных космических аппаратов; сохранение лидирующих позиций по важнейшим направлениям фундаментальных космических исследований (астрофизика, изучение солнечно-земных отношений и др.); достижение лидирующих позиций в исследованиях Луны, Марса и других тел; участие в международных проектах, включая миссии на другие планеты; сохранение лидирующих позиций в ракетах-носителях; поддержание независимой системы космических запусков; разработка эксплуатационных и технических характеристик отечественных космических аппаратов мирового уровня; создание эффективной высокотехнологичной аэрокосмической отрасли; сохранение лидирующего места России на мировом космическом рынке. Именно в этом ключе говорится во всех стратегических планах о развитии государственной политики в области космической деятельности России.

Несмотря на то, что экономические преобразования изменили приоритеты России в XXI в. и привели к недостаточному предоставлению космических услуг, что стало препятствием для развития таких областей, как связь, телекоммуникации, навигация, дистанционное зондирование и другие, но основной приоритет, являющийся незыблемым, это сохранение за Россией статуса как ядерной, так и космической державы.

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1 ноября 1967 г. № 44. Ст. 588.

В конце XX в. основные приоритеты государственной политики в космической области сводились к двум направлениям: «стремление к мировому лидерству и приоритет военных задач» [7, с. 3].

В настоящее время преимущественными направлениями космической политики являются: развитие внутреннего и внешнего космического рынка товаров и услуг, совершенствование нормативной правовой базы и системы подготовки и повышения квалификации специалистов в области использования результатов космической деятельности. Не последнее место в этом списке занимает развитие частного бизнеса. Так, «в настоящее время стратегия Японии по освоению космоса базируется на двух составляющих — военной и коммерческой, что соответствует современным глобальным тенденциям в космической отрасли» [14, с. 64].

В частности, в п. V «Основ государственной политики в области использования результатов космической деятельности в интересах модернизации экономики Российской Федерации и развития ее регионов на период до 2030 года» указывается: «приоритетами государственной политики в области использования результатов космической деятельности являются: гарантированное удовлетворение потребностей органов исполнительной власти в космических продуктах и услугах; совершенствование нормативно-правовой базы в интересах ускорения создания и повышения эффективности внедрения космических продуктов и услуг; проведение единой технической политики при создании и функционировании элементов инфраструктуры использования результатов космической деятельности в рамках государственных, региональных, ведомственных проектов и программ, проектов и программ органов местного самоуправления и компаний с государственным участием; развитие конкурентоспособного внутреннего рынка космических продуктов и услуг; расширение экспорта российских космических продуктов и услуг; создание системы непрерывного образования в сфере подготовки и повышения квалификации специалистов в области использования результатов космической деятельности»¹.

Несмотря на то, что Россия в настоящий момент является доминирующей космической державой, быстрое увеличение числа новых участников, осуществляющих космическую деятельность, увеличение числа активных спутников и космических объектов, а также растущий потенциал конфликтов создают как возможности, так и проблемы, требующие ответных мер политики. На Западе существует мнение, что «суть современной российской космической политики сосредоточена не на гегемонии, а на достижении равного статуса, движении вдогонку, конкурентоспособности и укреплении независимого доступа в космическое пространство» [17, с. 32].

Именно поэтому в настоящее время России необходимо приложить все усилия для коррекции приоритетных направлений деятельности по освоению космического пространства с учетом меняющейся космической и политической ситуации.

Несмотря на наличие четко сформулированных задач, принципов и приоритетов развития космической отрасли, многие эксперты отмечают, что «не ясна целостная картина преимуществ и проблем российской космической программы, ее возможностей и рисков. Даже эксперты затрудняются выделить ключевые приоритеты и стратегические цели российской космонавтики» [13, с. 21]. Именно поэтому необходимо пересмотреть ключевые направления деятельности органов государственной власти по освоению космического пространства. Тем не менее «в осно-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 01.09.2015 № 1698-р «Об утверждении плана мероприятий на 2015–2020 годы по реализации Основ государственной политики в области использования результатов космической деятельности в интересах модернизации экономики Российской Федерации и развития ее регионов на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 14.09.2015. № 37. Ст. 5161.

ве космических проектов, как правило, лежат прорывные теории, фундаментальные исследования, инновационные технологии» [1, с. 53].

В связи с бурным развитием технологий на первое место выходят не только научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, но и наука в целом. Космическая наука включает в себя научные дисциплины, связанные с исследованием космоса и изучением космических природных явлений и физических тел, помимо этого, она включает такие дисциплины, как астрономия, аэрокосмическая техника, космическая медицина и астробиология. Чтобы преобразовать российский космический сектор и совершить скачок в новые области, соответствующие более широким интересам в области экономики и безопасности, России необходимо поощрять и поддерживать исследования, которые будут способствовать развитию и преобразованию космического сектора. В частности, большее внимание следует уделять таким направлениям, как ракетные технологии, высокотехнологичные материалы, космическая медицина, синтетическая биология, квантовая связь, обслуживание на орбите и технологии оптической беспроводной связи.

Так, Т. О. Усатенко отмечает, что «для производства сложной высокотехнологичной космической техники требуются значительные финансовые затраты на проведение НИОКР. В контексте исследования прорывных инноваций космической отрасли важным моментом является изучение реализации инновационного потенциала на конкретном коммерческом примере. Им может стать разработка, производство и эксплуатация коммуникационных спутников высокой пропускной способности, которые сочетают в себе такие передовые технологии, как: ионные двигатели; повторное использование частот; расширенный спектр; фокусировка и бортовая обработка сигналов и т. д. для достижения высшей технико-экономической эффективности связи» [13, с. 21].

На примере космической политики США можно отметить, что «благодаря притоку венчурных и частных инвестиций в космический сектор США, происходящим в нем процессам коммерциализации разработок и реализации крупных государственно-частных программ интенсивность НИОКР в данной сфере существенно возросла. Это позволило достичь прогресса в ряде областей и перейти к практическому внедрению перспективных технологий» [10, с. 214].

Чтобы быть лидерами на мировом космическом рынке, предприятия ракетно-космической отрасли должны быть активны в НИОКР на мировом уровне, они должны быть полноценными игроками на мировом космическом рынке.

Кроме этого, все большую популярность набирает робототехника и автоматизация процессов как на Земле, так и в космосе. Такие системы становятся более доступными из-за снижения затрат на доступ к космическому пространству. Фундаментальные исследования необходимы как для освоения дальнего космоса и расширения его возможностей, так и для практического использования результатов космической деятельности для нужд экономики и социальной сферы, в первую очередь телекоммуникаций, транспорта, обрабатывающей промышленности, образования и медицины. В связи с чем необходимо также обратить внимание и на реструктуризацию предприятий ракетно-космической промышленности. Это связано в первую очередь с целью повышения эффективности и конкурентоспособности ракетно-космической техники на предприятиях ракетно-космической отрасли. «В современных быстро меняющихся условиях рыночной экономики предприятия ракетно-космической отрасли нуждаются в корректировке своей деятельности с учетом требований внешней среды для сохранения конкурентоспособности продукции на мировом космическом рынке» [2].

Центральное место также занимает цифровизация. Цифровая революция оказала сильнейшее влияние на космическую отрасль. В частности, произошло улучшение качества связи и спутниковой навигации, расширение возможностей метеоро-

логических наблюдений и мониторинг окружающей среды, включая дистанционное управление строящимися крупными объектами инфраструктуры и безопасность дорожного движения.

С момента создания отличительной чертой космической программы России были ученые, инженеры и операторы высочайшего уровня. Устойчивое совершенство в научных и инженерных дисциплинах имеет важное значение для будущего космической программы и национальной безопасности. Именно поэтому государство должно уделять первоочередное внимание активизации инвестиций в карьерный рост, образование и обучение для развития и поддержания кадров высококвалифицированных и мотивированных специалистов по космосу.

Не менее значимое место занимают частные инвестиции в космический сектор. Так, «экономическое стимулирование развития традиционных отраслей промышленности путем привлечения частных инвестиций в крупные проекты является одной из основных тенденций государственной политики России. В качестве таких проектов можно рассматривать проекты и программы ракетно-космической промышленности, которые являются наукоемкими, а также серьезно связаны с естественным участием государства» [9, с. 41].

Самое главное, на что необходимо обратить пристальное внимание и приложить максимальные усилия, — это реализация таких проектов, как пилотируемые полеты на Луну и в перспективе на Марс, а в дальнейшем и создание обитаемых станций. Тем не менее «расширяющаяся космическая деятельность, новые технические и технологические возможности, даже робкое пока еще движение в неизвестные просторы околоземного и околосолнечного пространства, связаны с возрастанием различных рисков и появлением многочисленных новых проблем, особенно экологических и военных, которые требуется учитывать, в том числе в правовой политике» [12, с. 15].

Несмотря на все это, многими экспертами отмечается, что «растущие возможности для частных инвесторов внести более заметный вклад в исследование космоса также связаны с экосистемой „Новый космос“, отраслевой трансформацией, характеризующейся значительным увеличением частных инвестиций и появлением коммерческих предприятий по разработке революционных концепций и выходу на новые рынки» [18].

В 2021 г. руководители космических агентств Китая и России подписали Меморандум о совместной работе над созданием «научной» станции на Луне. Согласно этому меморандуму, две страны будут сотрудничать в создании «Международной лунной научной станции» и планируют пригласить к участию другие страны. Цель заключалась в том, чтобы создать на Луне долгосрочные беспилотные объекты, а также создать возможности для присутствия там людей. Стоит также отметить, что «Китай сегодня становится все более заинтересованным в коммерциализации (экономической и политической) своей роли и результатов собственных космических разработок на растущем рынке частных коммерческих услуг» [11, с. 22], что делает Китай таким же конкурентноспособным, как и США. К тому же в большинстве стран Запада «акцент делается на значении симбиотического сотрудничества между государственными учреждениями и частными компаниями относительно взаимной выгоды» [19, с. 20].

Помимо науки и исследований, эти усилия направлены на обеспечение национального престижа, стимулирование новых технологий и промышленности, создание основы для других миссий на Марс с перспективой исследования дальнего космоса.

Таким образом, можно выделить наиболее перспективные и значимые области государственной политики по освоению космического пространства, а именно: развитие научного (инновационного) потенциала; развитие и совершенствование производственно-технической базы; развитие кадрового потенциала; развитие

инвестиционной деятельности; реализация как Лунных программ, так и программ по освоению дальнего космоса.

Помимо этого, некоторые эксперты также выделяют такие ключевые моменты, как «разделение функций заказчика, оператора и аудитора товаров и услуг, приобретаемых Космическим агентством „Роскосмос“; повышение управленческой самостоятельности организаций космической отрасли. Создание возможностей для перераспределения ресурсов и средств по собственному решению; разделение технических, научных и административных функций в структуре управления космического агентства» [16, с. 12–13].

Все эти меры, а именно: «сочетание исследовательской, научно-технической, инвестиционной и производственной деятельности в комплексе мер по коммерциализации космических технологий» «способны обеспечить прорывной характер развития отрасли, стратегия которой — выступать составляющей инновационного развития страны» [13, с. 21].

Российская космическая политика в ближайшие годы должна быть более сосредоточена на практических потребностях не только государственных органов, но и предприятий, а также частных лиц. Сегодня хорошо функционирующее общество зависит от технологий, применяемых в космической отрасли.

Заключение

Любая космическая политика должна идти в ногу с темпами изменений и переосмысления технологий и общества. Мы стоим на пороге последовательных технологических революций, в которых космос будет играть ключевую роль. В связи с этим, несмотря на наличие поставленных задач и целей, а также принципов и приоритетов в деятельности государственной власти по освоению космического пространства, необходимо внести ряд изменений в задачи и принципы осуществления космической деятельности, а также необходим постоянный мониторинг ситуации, складывающейся в сфере космической политики.

Отечественная космическая политика руководствуется всеми существующими международными космическими конвенциями, договорами и соглашениями, касающимися космического сектора, в частности теми, участником которых является. Все эти акты также имеют закрепление в национальных правовых системах, во многом реализующих национальные интересы. Но стоит отметить, что зачастую многие государства, и Россия в частности, сталкиваются с проблемой в проведении своей космической политики, в связи с невозможностью обеспечения своих национальных интересов.

Меняющаяся геополитическая обстановка требует корректировки основных элементов российской космической политики, с целью соответствия национальным интересам. В частности, основными направлениями деятельности государственной власти по освоению космического пространства должны быть такие сектора, как наука и инновации, производственно-техническая база, кадры, инвестиции, международное сотрудничество.

Литература

1. Батанов А. Ф., Хаханов Ю. А. Космические проекты — наука, политика, экономика, прогресс (50 лет пионерскому проекту «Луноход-1») // Научное значение трудов К. Э. Циолковского: история и современность. Материалы 55-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. 2020. С. 53–55.
2. Беляков Г., Дмитриева М., Карачева Г., Савельева М. Разработка стратегии реструктуризации предприятий ракетно-космической отрасли [Электронный ресурс]. URL: elib.

- sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/129032/505_developing_a_strategy_to_restructure.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
3. Денисова Н. А., Филиппенко А. М. Финансирование затрат на космические программы: мировая практика и перспективные направления // Вестник Екатеринбургского института. 2021. № 3 (55). С. 46–50.
 4. Кабушко Н. В. Геокосмическая безопасность: российский и американский опыт // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 13 (47). С. 21–23 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42946632_78866097.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
 5. Карабещая А. Г., Сен-Дун-Шен А. В., Войтович А. С. Милитаризация космоса как аспект проблематики международных отношений // Вестник современных исследований. 2020. № 1–3 (31). С. 18–25.
 6. Коробушин Д. В., Сергеев В. Е., Дадашян А. Е. Освоение космоса: от прогнозов К. Э. Циолковского до современной космической политики ведущих государств // К. Э. Циолковский. Проблемы и будущее российской науки и техники. Материалы 52-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. 2017. С. 300–302.
 7. Малей М. Д. Парламентский доклад «Космическая политика России». М., 1991.
 8. Давыдов В. А. О стратегии развития Космической деятельности России до 2030 года и на дальнейшую перспективу // Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013. Т. 8. С. 159–165.
 9. Панов Д. В., Бутров В. А. Анализ экономических рисков космических проектов с учетом современных тенденций и приоритетов государственной политики России // Научград: наука, производство, общество. 2017. № 4 (14). С. 41–45.
 10. Прокопенкова И. О. Трансформация космической политики США в XXI в.: промежуточные итоги и вызовы для администрации Дж. Байдена // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 195–220.
 11. Рыбаков А. В. Политика коммерциализации космической деятельности США: основные этапы и уроки для России // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 21–29.
 12. Ударцев С. Ф. Правовая политика и космическая деятельность: взгляд в обозримое будущее // Государственно-правовые исследования. 2019. № 2. С. 13–30.
 13. Усатенко Т. О. Современное состояние и перспективы развития ракетно-космической отрасли // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 9 (111). С. 21–27.
 14. Уханова Э. В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса // Японские исследования. 2020. № 2. С. 63–81.
 15. Чернышова А. Г. Анализ моделей и практики управления социальной политикой на предприятиях ракетно-космической промышленности на основе контент-анализа коллективных договоров // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 1 (13). С. 48–54.
 16. Edelkina A., Karasev O., Velikanova N. Space policy strategies and priorities in Russia: basic research program // National research university «Higher school of economics», 2015.
 17. Eriksson J., Privalov R. Russian space policy and identity: visionary or reactionary? // Journal of International Relations and Development, 2021. DOI: 10.1057/s41268-020-00195-8.
 18. Iacomino C. Commercial space exploration: potential contributions of private actors to space exploration programmes. European Space Policy Institute, Vienna, Austria, 2019, 57 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15751-7.
 19. Kolczynski P. The new European Union space policy in order to maintain Europe's position among space leaders // Space exploration. 2019. N 2. DOI: 10.7256/2453-8817.2019.2.32162
 20. Weiren W., Dengyun Y. Key issues of modernization of space governance // Chinese Science Bulletin. 2021. DOI: 10.1360/TB-2020-1680.

Об авторе:

Жданов Владислав Леонидович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук, профессор; vl.zhdanov@yahoo.com

References

1. Batanov A. F., Khakhanov Yu. A. Space projects — science, politics, economics, progress (50 years of the pioneer project «Lunokhod-1») // The scientific significance of the works of

- K. E. Tsiolkovsky: history and modernity. Materials of the 55 Scientific Readings in Memory of K. E. Tsiolkovsky. P. 53–55 (in Rus).
2. Belyakov G., Dmitrieva M., Karacheva G., Savelyeva M. Development of a strategy for restructuring enterprises in the rocket and space industry [Electronic source]. URL: [http:// elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/129032/505_developing_a_strategy_to_restructure.pdf](http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/129032/505_developing_a_strategy_to_restructure.pdf) (accessed: 20.03.2022) (in Rus).
 3. Denisova N. A., Filipchenko A. M. Space cost funding: world practice and prospective directions // Bulletin of the Ekaterininsky Institute [Vestnik Ekaterininskogo instituta]. 2021. N 3 (55). P. 46–50 (in Rus).
 4. Kabushko N. V. Space security: Russian and American experience // Scientific electronic journal Meridian [Nauchnyi elektronnyi zhurnal Meridian]. 2020. N 13 (47). P. 21–23 [Electronic source]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42946632_78866097.pdf (accessed: 20.03.2022) (in Rus).
 5. Karabetskaya A. G., Sen-Dun-Shen A. V., Voitovich A. S. Militarization of Space as an aspect of international relations // Bulletin of Modern Research [Vestnik sovremennykh issledovaniy]. 2020. N 1–3 (31). P. 18–25 (in Rus).
 6. Korobushin D. V., Sergeev V. E., Dadashyan A. E. Space exploration: From C. E. Tsiolkovsky's predictions to the modern space politics of leading states // K. E. Tsiolkovsky. Problems and the future of Russian science and technology. Materials of 52 scientific readings in memory of K. E. Tsiolkovsky. 2017. P. 300–302 (in Rus).
 7. Maley M. D. Parliamentary report «Space policy of Russia». Moscow, 1991. P. 3 (in Rus).
 8. Davydov V. A. On the strategy for the development of Space Activities of Russia until 2030 and for the future // Federal reference book. Defense-industrial complex of Russia. 2013. Vol. 8. P. 159–165 (in Rus).
 9. Panov D. V., Butrov V. A. Analysis of economic risks of Space projects taking into account the current trends and priorities of the state policy of Russia // Science City: Science, Production, Society [Naukograd: nauka, proizvodstvo, obshchestvo]. 2017. N 4 (14). P. 41–45 (in Rus).
 10. Prokopenkova I. O. Transformation of the U. S. Space Policy in the XXth century: Provisional results and challenges for the J. Biden Administration // Problems of National Strategy [Problemy natsional'noi strategii]. 2021. N 3 (66). P. 195–220 (in Rus).
 11. Rybakov A. V. Policy of commercialization of US Space Activity: Main stages and lessons for Russia // POISK: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture [POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura]. 2019. N 1 (72). P. 21–29 (in Rus).
 12. Udartsev S. F. Legal Policy and Space activities: A view for the foreseeable future // State Legal Research [Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya]. 2019. N 2. P. 13–30 (in Rus).
 13. Usatenko T. O. Current state and development prospects of the rocket and space industry // Science and business: ways of development [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2020. N 9 (111). P. 21–27 (in Rus).
 14. Ukhanova E. V. Japan's space policy: state support for commercial sector // Japanese Studies [Yaponskie issledovaniya]. 2020. N 2. P. 63–81 (in Rus).
 15. Chernyshova A. G. Analysis of management models and practices of social policy at the enterprises of rocket and space industry based on the content analysis of collective agreements // Social and Humanitarian Technologies [Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii]. 2020. N 1 (13). P. 48–54 (in Rus).
 16. Edelkina A., Karasev O., Velikanova N. Space policy strategies and priorities in Russia: basic research program // National research university «Higher school of economics», 2015.
 17. Eriksson J., Privalov R. Russian space policy and identity: visionary or reactionary? // Journal of International Relations and Development, 2021. DOI: 10.1057/s41268-020-00195-8.
 18. Iacomino C. Commercial space exploration: potential contributions of private actors to space exploration programmes. European Space Policy Institute, Vienna, Austria, 2019, 57 p., DOI: 10.1007/978-3-030-15751-7.
 19. Kolczynski P. The new European Union space policy in order to maintain Europe's position among space leaders // Space exploration, 2019, № 2, doi: 10.7256/2453-8817.2019.2.32162
 20. Weiren W., Dengyun Y. Key issues of modernization of space governance // Chinese Science Bulletin, 2021. DOI: 10.1360/TB-2020-1680.

About the author:

Vladislav L. Zhdanov, National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation), Candidate of Political Sciences, Professor; vl.zhdanov@yahoo.com

Реализация интересов «малых государств» в ЕС

Долженкова Е. *, Мохорова А. Ю.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *skinx@inbox.lv

РЕФЕРАТ

За прошедшие несколько лет в Европейском союзе произошли определенные сдвиги в пользу национальной повестки. Подобные расхождения с основной целью ЕС наблюдаются и в Великобритании, и в Польше. Пандемия COVID-19 также проявила несовпадения интересов объединенной Европой и национальных предпочтений стран-участниц. Цель статьи заключается в определении возможности/невозможности реализации национальных интересов «малых государств» — членов ЕС при формировании и реализации единой политики сообщества. Для достижения цели необходимо установить наличие различных интересов государств в рамках ЕС, возможность влияния стран-участниц на выработку политики Союза в целом, роль «малых государств» в рассматриваемом процессе. Применяя региональный подход и суживая исследование до отдельной страны (Латвийской Республики), а также применяя методы анализа и сравнения, выявляется характер зависимости между политикой Евросоюза и отдельными странами. Опыт Латвийской Республики показал, что государство, которое наиболее зависимо от экономики и общей политики союза, выстраивает собственные отношения с ЕС, опираясь в основном на интересы «стран-доноров». Данная динамика проявляется и в международных коммерческих отношениях, оказывая влияние на состояние некоторых отраслей экономики, а также на экономическое положение отдельных городов. Несмотря на некоторые отрицательные моменты, связанные в основном с экономическими показателями отдельных отраслей промышленности, страны-участницы не отступают от политики евроинтеграции. Гражданское общество, в большинстве своем, также выбирает те возможности, которые предоставляет Евросоюз. Те вызовы, которые встали перед европейским сообществом, со временем разрешаются. Правительство Европейского союза открыто высказывается о существующих проблемах, связанных также с решением общих проблем, и старается своевременно и всеобщими усилиями их разрешить.

Ключевые слова: евроинтеграция, кризис, вызовы, Европейский союз, страны Балтии

Для цитирования: Долженкова Е., Мохорова А. Ю. Реализация интересов «малых государств» в ЕС // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 29–39.

Realization of the Interests of “Small States” in the European Union

Ekaterina Dolzhenkova *, Anna Yu. Mokhorova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *skinx@inbox.lv

ABSTRACT

Over the past few years, there have been certain shifts in favor of the national agenda in the European Union. Similar divergences from the main goal of the EU are observed in the UK and Poland. The COVID-19 pandemic also revealed the mismatch between the interests of a united Europe and the national preferences of the participating countries. The purpose of the article is to determine the possibility / impossibility of realizing the national interests of “small states” — EU members in the formation and implementation of a single community policy. To achieve the goal, it is necessary to establish the existence of different interests of states within the EU, the possibility of the participating countries to influence the development of the policy of the Union as a whole, the role of “small states” in the process under consideration. Applying a regional approach and narrowing the study to a single country (the Republic of Latvia), as well as applying methods of analysis and comparison, the nature of the relationship

between the policies of the European Union and individual countries is revealed. The experience of the Republic of Latvia has shown that the state, which is most dependent on the economy and the general policy of the union, builds its own relations with the EU, relying mainly on the interests of “donor countries”. This dynamics is also manifested in international commercial relations, influencing the state of some sectors of the economy, as well as the economic situation of individual cities. Despite some negative points, mainly related to the economic indicators of individual industries, the participating countries do not deviate from the policy of European integration. Civil society, for the most part, also chooses the opportunities provided by the European Union. The challenges that the European community faced over time are being resolved. The Government of the European Union speaks openly about the existing problems, which are also related to the solution of common problems, and tries to solve them in a timely manner and by common efforts.

Keywords: European integration, crisis, challenges, the European Union, the Baltic countries

For citing: Dolzhenkova E., Mokhorova A.Yu. Realization of the Interests of “Small States” in the European Union // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 29–39.

Введение

За прошедшие несколько лет в некоторых странах — участницах Европейского союза (ЕС), на первый взгляд, по мнению евроскептиков, произошел уход от политики евроинтеграции [13] в сторону усиления национальной политики, что послужило началом дискуссии о том, что ЕС переживает внутренний кризис, способный подорвать единство европейского сообщества. Рассматривая данную дискуссию, необходимо отметить четыре главные составляющие, которые и послужили началом этого процесса: европейский миграционный кризис (2015 г.), Brexit (проведение референдума 2016 г.), национальная политика Польши (победа на выборах консервативной партии «Право и справедливость» — 2019 г.; победа на выборах президента ее лидера А. Дуды — 2020 г.), борьба с пандемией COVID-19 (2020 г.) [7].

Кризис с мигрантами показал разобщенность стран — участниц ЕС [14] в вопросах, которые касаются союза в целом. В частности, если характеризовать миграционный кризис как вызов, то данная ситуация показала, что страны-участницы не прислушиваются к рекомендациям и не объединяются перед общей проблемой. В данном случае необходимо обратить внимание именно на страны Восточной Европы и Балтии, правительства которых принимали единоличные решения, чтобы не принимать мигрантов, а также создавали общественный запрос на собственные действия, создавая неблагоприятные условия для мигрантов. В частности, Латвия урегулировала положение мигрантов благодаря принятому законодательству¹, которое ограничивало возможности мигрантов, а также создала условия, которые не позволили мигрантам получить достаточную государственную финансовую поддержку. Созданные условия, с одной стороны, позволили правительству Латвии после длительных переговоров стран-участниц ЕС заявить, что они присоединяются к общим требованиям ЕС по принятию мигрантов в рамках квоты. С другой стороны, на практике создали неблагоприятные условия для мигрантов, вынуждая их либо покинуть территорию Латвии, либо не стремиться туда.

Как показали события после 2020 г., страны Балтии заинтересованы в мигрантах с постсоветского пространства, а именно в высококвалифицированных мигрантах, а также правительства Латвии и Эстонии стараются создавать выгодные

¹ Imigrācijas likums // Likumi.lv. 2002. 31 October [Электронный ресурс]. URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> (дата обращения: 10.05.2021).

условия для перемещения коммерческих структур. На протяжении всего периода, когда наблюдался массовый исход бизнес-структур из Республики Беларусь, Латвия стремилась создать выгодные условия на упрощенной основе, чтобы быть наиболее благоприятной для «входа» юридических лиц на свою территорию. С одной стороны, наблюдается ситуация, когда происходит перемещение уже рабочих коммерческих структур, способных приносить прибыль, а также дающих возможность предоставить вакансии для собственного населения, что, безусловно, является вкладом в развитие экономики государства. С другой стороны, по данному подходу в страну прибывает экономически активное население, которое будет работать и будет платежеспособным. От перемещенных по данной программе лиц ожидается низкий уровень угрозы безопасности страны. В 2020 г. перемещались в основном IT-компании, сотрудники которых, как правило, владеют английским языком. Немаловажное значение имеет и тот факт, что в Республике Беларусь русский язык является одним из государственных языков, что позволяет мигрантам перемещаться на территорию стран Балтии, в частности, в Латвию, без дополнительных трудностей. Соответственно, принимающей стороне — латвийскому обществу — проще взаимодействовать на русском и английском языках, чем на языках других регионов.

С точки зрения общественной психологии, принятие мигрантов с постсоветского пространства воспринимается населением Латвии более благоприятно, чем принятие мигрантов иных регионов. Внешнее сходство, отсутствие языкового барьера, а также общее историческое прошлое делают подобное перемещение лиц наиболее благоприятным и положительно встречается обществом.

Brexit (как само событие, произошедшее только в 2021 г., так и предшествующие этому события, связанные с общественным дискурсом), проведение референдума, создали положение, при котором общество разделилось не только внутри Британии, но и в странах — участницах ЕС [10]. Евроскептики не только в Британии праздновали победу по результатам референдума, но и правительства стран-участниц, отстаивающие национальные идеи государства, стали продвигать идеи о том, что Европейский союз уже не так силен, и, возможно, сама идея единого европейского пространства (такого, как оно существует сегодня — «углубленная евроинтеграция», т. е. страны-участницы не только связаны экономическими составляющими, но и отдали часть суверенитета под контроль правительству ЕС) противоречит национальным идеям [12] некоторых государств. Тем самым правительство Британии создало международный прецедент [6], которым в дальнейшем смогут воспользоваться другие страны [8].

В частности, сейчас наблюдается весьма интересная ситуация в Польше [9], где национальное правительство, представленное большинством консервативной партии и ее лидером А. Дудой, создает общественный запрос на продвижение идеи отдаления от общей политики Европейского союза, требуя большей самостоятельности. В случае с Польшей пока нет идеи о выходе из состава ЕС. Но тот факт, что правящая партия не готова следовать общим идеям и правилам, которые декларирует Европейский союз, а только лишь принимает во внимание экономические выгоды, которые дает членство в союзе, показывает, что Польша стремится к большей самостоятельности в ЕС. Безусловно, данная ситуация позволяет европейскому правительству ставить условия Польше, но пока безрезультатно.

Ситуация с COVID-19 и с решениями проблем [1], связанных с пандемией, также позволила евроскептикам говорить, что в ЕС существуют проблемы с единством [11]. Главы стран-участниц длительное время не могли договориться о мерах, направленных на борьбу с пандемией [15]. Также диспут вызывали вопросы распределения средств и вакцины. Безусловно, вопросы о распределении вакцины оспаривались и с выходом Великобритании тем, что на ее территории располагаются

производственные мощности, соответственно, поскольку Великобритания вышла из состава ЕС, то смогла самостоятельно вести переговоры и заключать контракты на поставку вакцины, ориентируясь лишь на национальные интересы. То есть здесь наблюдается ситуация, когда страна «в одиночку» справляется с вызовами гораздо лучше, чем в составе ЕС.

Кратко рассмотренные ситуации и страны являются весьма серьезными предпосылками к тому, чтобы евроскептики могли говорить о реальной угрозе и о реальном кризисе Европейского союза. Безусловно, Великобритания представляет страны «старой» Европы. Польша [5] — страны Восточной Европы, со сложной историей и длительным путем вхождения в ЕС. Также данные страны, помимо того, что они представляют разные части европейского пространства, различаются и экономическими, и социально-политическими возможностями. С одной стороны, это является показателем того, что не только страны-участницы со стабильной и сильной экономикой могут создавать и отстаивать национальные интересы в ЕС, вступая в противоречия с основными требованиями и идеями союза.

Но ввиду того, что европейское пространство и Европейский союз объединяют множество стран, а также являются целью государств, которые еще не являются участниками, говорить о кризисе Европейского союза, который может привести к разобщению с последующим прекращением существования союза, пока рано. Скорее наоборот: в целых регионах проводится углубленная политика интеграции, которая со временем приобретает смешанный характер, т. е. одновременно затрагивает экономические, культурные, социальные и прочие сферы [2]. Представляется, что реальное положение в ЕС возможно рассмотреть на примере «малых государств». Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: какова роль «малых государств» в ЕС? Какие национальные экономические и социально-политические составляющие не реализуются «малыми государствами» посредством следования единой европейской политике? Каким образом внутренняя и внешняя политика «малых государств» влияет на положение Европейского союза?

Методология

Применяя региональный подход, выделены страны постсоветского пространства. А именно государства, которые стали полноправными участниками ЕС в 2004 г. — Латвия, Эстония, Литва [4]. За данными государствами условно закреплена роль «малых государств» в ЕС. Страны Балтии имеют общие границы, развитую транзитную инфраструктуру с Российской Федерацией и Республикой Белоруссией. Также между ними существовали ранее и существуют сейчас экономические связи, которые постоянно ослабевают и влияют на экономические показатели отдельных отраслей и целых городов. Особое внимание в данной статье будет уделяться Латвийской Республике. Применяя общенаучные методы исследования, такие как метод сравнения и анализа, рассмотрению подлежат экономические показатели отдельных отраслей экономики Латвии. Для решения поставленных вопросов экономический блок рассматривается отдельно. Самостоятельному анализу подлежит работа представителей Латвии в Европейском парламенте.

Результаты

Экономический блок. Латвийская Республика граничит с Россией и Белоруссией. От импорта сырья зависели крупные порты Латвии, а именно Рижский и Вентспилский. Такая же зависимость наблюдалась с поставками сырья по железной дороге из Республики Беларусь. До национализации Вентспилского торгового порта вви-

ду напряженных отношений с Россией грузопоток начал постепенно снижаться¹. Вентспилский торговый порт переваливал такие грузы, как уголь, нефть, калийные удобрения и т.д. Порт являлся основным местом занятости населения, где были сосредоточены большие ресурсы трудоспособного населения. Географическое расположение и инфраструктура порта также были интегрированы в логистику, связанную в основном с транзитным грузопотоком из Российской Федерации, что позволяло переваливать большую часть грузопотока на территорию Европейского союза и другие регионы. Несмотря на то что основные активы Вентспилского торгового порта принадлежали частным лицам, проблем с заключением долгосрочных контрактов не наблюдалось либо они решались в достаточно сжатые сроки, что позволяло обеспечивать порт грузами. Безусловно, экономический и внешнеполитический кризис ослабили отношения между Российской Федерацией и Латвией, что повлекло за собой снижение грузопотоков. Заметную роль в уменьшении грузопотоков сыграл и тот факт, что Российская Федерация в качестве альтернативы стала вводить в эксплуатацию порт Усть-Луга, что сказалось на объемах переваливаемых грузов во всех портах Латвии. Затем, после перехода в ответственность государства, грузопоток сократился еще больше, что повлекло за собой стремительное сокращение расходов на обслуживание порта и, как следствие, сокращение персонала на всех уровнях. Латвийская железная дорога² также подверглась сокращению грузопотока из Белоруссии, что повлекло за собой сокращение штата. Латвийская железная дорога высвободила огромные трудовые ресурсы, которые в условиях экономического кризиса с последующим сокращением вакансий не смогли быть задействованы, как минимум, — в рамках своих профессиональных компетенций. Обещания правительства привлечь грузы с других направлений не привели к изменению ситуации, также ситуация с сокращением производственных мощностей и персонала показывает, что в ближайшей перспективе выход на новые рынки не предвидится.

Между тем зависимость Латвии от дотаций ЕС возрастает. Латвийская Республика не совершает действий на восстановление двусторонних отношений с ближайшими соседними государствами Россией и Белоруссией, тем самым не противоречит общей политике ЕС. Латвия присоединяется к общей внешнеполитической повестке союза. Но в своей роли. А именно в роли постсоветского государства, которое имеет общие границы с Россией, что также позволяет говорить об опасности на периферии ЕС.

Внешняя и внутренняя политическая повестка Латвии носит весьма агрессивный и наступательный характер в адрес России и Белоруссии, что весьма опростетливо с точки зрения экономики, но весьма продуктивно с точки зрения той роли, которую Латвия играет в ЕС. Интеграция Латвийской Республики, в частности ее экономического блока в Европейское сообщество, безусловно, была неминуема, но какое-то время продолжалось весьма выгодное сотрудничество со структурами Российской Федерации и странами постсоветского пространства. Использовалась как созданная инфраструктура (на примере Вентспилского торгового порта — градообразующая инфраструктура), так и общие границы. Помимо инфраструктуры важное значение приобретает и отсутствие языкового барьера для ведения коммерческих отношений, что позволяло находить либо рынки сбыта, либо поставщиков сырья, товаров и услуг на взаимовыгодных условиях. С нарастающей внешнеполитической агрессивной ри-

¹ Osta skaitļos // Ventspils Brīvoštas pārvalde [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portofventspils.lv/lv/par-ostu/osta-skaitlos> (дата обращения: 10.05.2021).

² Galvenie darba rādītāji 2020 // VAS "Latvijas dzelzceļš" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldz.lv/sites/default/files/Latvijas-Dzelzceļš-darba-raditaji-2020.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

торикой экономические связи претерпевают значительное ухудшение, что сказывается на благосостоянии общества. Переориентироваться на другой рынок и/или рынок Европейского союза может быть достаточно сложно. Проблема может заключаться в том, что европейские стандарты отличаются от российских, а также большая конкуренция на рынке Европейского союза может пагубно сказаться на новых поставщиках. Если же говорить о таких градообразующих гигантах, как порты, то ввести их в логистические цепочки, которые уже работают, почти не представляется возможным.

Социально-политический блок. Латвия и Польша стали странами-участницами ЕС в 2004 г. Но в их внутренних действиях есть явные противоречия. Польша заявляет о своей самоидентификации и стремится сотрудничать с ЕС как сильное государство с сильным союзом. Внутренние законодательные акты, принятые в 2019–2020 гг., касающиеся общественных вопросов, противоречат ценностям Европейского союза. Польша отказывается придерживаться европейских ценностей и продвигает консервативную повестку, которая противоречит устоям Европейского союза. Консервативные, граничащие с религиозными, нормы, которые польское правительство пропагандирует как перед, так и после выборных кампаний, создают общественный резонанс как внутри польского общества, так и внутри европейского общества, которое придерживается иных взглядов. Создание и продвижение законопроектов, которые нарушают права и свободу женщин, права и свободу меньшинств, вызывают общественный резонанс, который, казалось бы, привлекает внимание всей Европы, но никак не мешает восхождению к правлению консервативной партии в Польше и не оказывает негативного влияния на ее популярность внутри страны. Тем самым показывая, что польское общество заинтересовано только в экономической стабильности, которую способно обеспечить европейское общество, но никак не в общей политически-нравственной составляющей. То давление, которое старается оказать европейское правительство на политическую элиту Польши (например, штрафы), не приносит значительных или каких-либо результатов, которые оказывали бы влияние на текущее положение.

Латвия, в свою очередь, не осуществляет резонансных действий. Латвийская Республика стремится стать, с точки зрения ЕС, безопасной страной-участницей. Что проявляется в создании национального государства, где вопросы неграждан, русскоязычных жителей канут в лету. Так, в 2020 г. вступили в силу поправки к «Закону о гражданстве»¹, запрещающие регистрировать новорожденных в статусе негражданина. Наличие института негражданина в Латвии широко обсуждалось еще на пути вступления Латвийской Республики в состав Европейского союза, но, несмотря на все проблемные вопросы, связанные с данным статусом (а именно, наличие дискриминации по данному статусу у значительной части населения), латвийскому правительству все же удалось убедить ЕС в том, что оно приложит усилия для снижения числа неграждан. Но также и в том, что проживающие в республике неграждане и русскоязычные жители Латвии могут представлять угрозу национальной и европейской региональной безопасности в том случае, если Латвийская Республика не будет принята в Европейский союз. Дальнейшие действия правительства Латвии были направлены на скорейшую интеграцию русскоязычных жителей в латвийское общество. Точнее, на распространение использования латвийского языка среди русскоязычных слоев населения, а также на повышение интереса в приобретении гражданства Латвии. Это выражалось, с одной стороны, в необходимости получения гражданства для продолжения трудовой деятельности в определенных структурах и на определенных должностях, в частности, в государственном секторе. С другой стороны, в создании условий как для получения

¹ Pilsnības likums // Likumi.lv. 1994. 22 July [Электронный ресурс]. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums> (дата обращения: 10.05.2021).

навыков государственного языка, так и в получении гражданства по заявлению без каких-либо ограничений (была отменена система «окон»-квот на количество заявлений на получение гражданства).

Продолжая тему социально-политического блока, необходимо отметить, что Латвийская Республика обозначает российскую пропаганду как действия России, направленные на дестабилизацию ситуации как в самой Латвии, так и на всей территории ЕС [3]. Подобная риторика не выходит за рамки политики Европейского союза, в частности Североатлантического альянса. Данная проблема вызвана, прежде всего, значительным количеством русскоязычного населения на территории Латвии, а также значительным количеством (до 2022 г.) русскоязычных средств массовой информации. Латвийское правительство и Европейский союз, а также Эстония и Литва выступают с похожей риторикой о том, что необходимо создать собственное информационное пространство для русскоязычной аудитории, что позволит, сохранив права значительной части населения на получение информации на определенном языке (в данном случае на русском языке), создать единую информационную площадку в Европейском союзе. В рамках развития данной идеи представляется возможным предоставлять информацию как о ситуации в отдельных регионах, так и о ситуации в мире в рамках европейской повестки, что, по мнению латвийского и европейского правительства, будет благоприятно влиять на общественную безопасность.

Перечисленные выше действия правительства Латвии демонстрируют те линии, по которым происходил наиболее чувствительный разрыв отношений с Российской Федерацией. Представляется, что наиболее благоприятным сценарием для Латвии было бы стремление политических сил на выстраивание доверительных отношений и с ближайшими соседями. Это повлекло бы за собой экономический рост, а также удовлетворенность населения действиями правительства. Здесь же необходимо отметить, что выстраивание доверительных отношений выгодно всем трем сторонам (Россия, Белоруссия и Латвия (ЕС)) также ввиду обострения ситуации в области безопасности. Отсутствие диалога может повлечь за собой немотивированную эскалацию, которая может перерасти в вооруженный конфликт. Безусловно, расширение контингента НАТО на территории Латвийской Республики, а также на территории других стран ЕС, которые имеют общие границы как с Российской Федерацией, так и с Республикой Беларусь, могут носить угрозу «случайной» эскалации конфликта.

Внешиполитический блок — Европарламент. Представляется важным рассмотреть и действия латвийских политических элит в Европейском парламенте. Здесь особое внимание необходимо уделить дебатам и выступлениям латвийских представителей по вопросам положения на постсоветском пространстве, поскольку страны Балтии занимают активную позицию по данному направлению, и их роль как «малых государств» с частью советской истории наиболее убедительна в общеевропейской повестке по внешнеполитическим вопросам в данном направлении.

Депутат в Европейском парламенте И. Иджабс (партия Latvia — Attīstībai/Par!) участвовал в совместной Резолюции Европарламента «О российском законе об иностранных агентах»¹ от 2019 г., где отмечено негативное отношение к данному закону. Причина заключалась в том, что, по мнению депутатов Европарламента, российский закон об иностранных агентах нарушает Европейскую конвенцию о правах человека, международное соглашение Совета Европы, что противоречит свободе слова и СМИ. И, таким образом, происходит нарушение условий членства в Совете Европы и ОБСЕ. В рамках обсуждения данной Резолюции также были сделаны призывы к Российской Федерации в части соблюдения

¹ European Parliament resolution on the Russian 'foreign agents' law // European Parliament. 2019. 18 December [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0258_EN.html (дата обращения: 17.06.2021).

обязательств в рамках Совета Европы и уважения права на свободу мысли и выражения мнений¹.

И. Иджабс также участвовал в дебатах по Резолюции Европейского парламента «О недавних действиях Российской Федерации против литовских судей, прокуроров и следователей, участвующих в расследовании трагических событий 13 января 1991 г. в Вильнюсе»², где отмечено, что посредством контролируемых государством средств массовой информации в России происходит пропагандистская и дезинформационная кампания, которая является частью гибридных угроз против ЕС и демократии в целом. В рамках данной Резолюции отмечено, что действия российских политических элит противоречат добрососедским отношениям и подрывают возможность сотрудничества.

Особое внимание уделяется и темам истории. Так, И. Иджабс, участвуя в дебатах Европейского парламента, высказался³ о том, что Российская Федерация стремится подорвать единство Европы посредством пропагандистских кампаний по искажению истории Европы XX в. И здесь была отсылка к прошлому стран Балтии (оккупация) и Польши (раздел) в рамках пакта Молотова — Риббентропа.

Депутаты от Латвии в Европейском парламенте высказывались и по ситуации в Республике Беларусь — в частности, по ситуации с посадкой самолета, отмечая, что это было нападением и на граждан Европы и необходимо защитить интересы и ценности ЕС⁴.

Ситуация в Казахстане также привлекла внимание депутатов Европарламента, где участниками от Латвийской Республики были С. Калниете, А. Америкс⁵. Отмечено, что Европейский союз стремится сотрудничать с регионом Центральной Азии, оказывая всестороннюю поддержку, в том числе экономическую и гуманитарную. Но, несмотря на оказываемую поддержку, парламентарии указали в Резолюции на несоблюдение в Казахстане демократических принципов при проведении выборов 2021 г., также отмечено, что отсутствует политическая конкуренция, оппозиционные движения переходят в ранг «экстремистских» организаций. Обозначены и проблемы цензуры, контроль средств массовой информации и интернета, проблемы цензуры в интернете для обычных граждан, запрет на проведение мирных протестов.

Обсуждение

«Малые государства» с собственной историей (отдельной от ЕС) имеют важное значение для продвижения общей европейской повестки как внутри ЕС, так и за его пределами. Особое значение в данном случае носит их роль «кураторов» для стран, которые стремятся к вступлению в Европейский союз (например, Украина),

¹ European Parliament resolution on the Russian 'foreign agents' law // European Parliament. 2019. 17 December [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0263_EN.html (дата обращения: 17.06.2021).

² European Parliament resolution on recent actions by the Russian Federation against Lithuanian judges, prosecutors and investigators involved in investigating the tragic events of 13 January 1991 in Vilnius // European Parliament. 2019. 26 November [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0182_EN.html (дата обращения: 17.06.2021).

³ Ivars Ijabs. Eiropas vēstures sagrozīšana un Otrā pasaules kara atceršanās (debates par aktuāliem jautājumiem) // European Parliament. 2020. 15 January [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2020-01-15-INT-3-425-0000_LV.html (дата обращения: 17.06.2021).

⁴ Parliamentary questions. Subject: Belarusian state-sponsored air piracy and terrorism // European Parliament. 2021. 25 May [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2021-002777_EN.html (дата обращения: 17.06.2021).

⁵ European Parliament resolution on the Russian 'foreign agents' law // European Parliament. 2019. 17 December [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0263_EN.html (дата обращения: 17.06.2021).

или к более тесному сотрудничеству с ЕС (например, Казахстан, Грузия). «Малые государства», в частности, страны Балтии и Польша, присоединяются к общей антироссийской повестке, апеллируя к собственному прошлому. Страны Балтии сильны в отстаивании европейских ценностей, подчеркивая, что им удалось привести собственные внутривластные процессы и институты к общим требованиям ЕС. Также страны данного региона делают громкие заявления по защите собственного и европейского информационного пространства. Это позволяет привлекать финансовые средства для тех или иных программ, которые пролоббированы отдельными государствами и благодаря продолжительным усилиям национальных правительств отвечают запросам гражданского общества.

Несмотря на то, что экономическая ситуация в некоторых странах, в частности в Латвии, требует большей самостоятельности от ЕС, а также, возможно, и изменения внешней политики, данные страны не стремятся отойти от общей европейской политики, иногда конфронтационной. На данную ситуацию не влияет и недовольство отдельных слоев населения уровнем жизни. Экономические показатели некоторых отраслей промышленности, безусловно, пострадали еще во время вступления в ЕС, затем экономические проблемы были вызваны как конфронтацией с отдельными странами, так и общеевропейской политикой по отношению к третьим государствам. Но возможности свободного передвижения внутри союза с одновременной возможностью трудоустройства на территории стран-участниц, а также более высокий уровень социальной защищенности граждан по сравнению с третьими странами делает европейское пространство и идею продолжения евроинтеграции гораздо более приемлемой, чем ее отсутствие.

В целом, наблюдая ситуацию в ЕС на примере Латвии, можно утверждать, что та роль, которая отведена отдельным странам, позволяет ЕС проводить весьма успешную политику по продвижению собственных ценностей, а также осуществлять слаженную общую внешнюю и внутреннюю политику Европейского союза.

Заключение

Возможные предположения, что в ЕС возник кризис, который может разрушить союз, на примере Латвии, являются обоснованными. «Малые государства» Европейского союза, которые не обладают собственными экономическими ресурсами и которые экономически и политически зависимы от союза, будут и дальше стремиться к сохранению ЕС, увеличению его мощи, к продвижению общих интересов. Между тем в Европейском союзе наблюдается ситуация, когда «малые государства» назначены ответственными за продвижение тех идей, которые они могут отстаивать, используя собственное положение. Тот факт, что европейское пространство обладает большими экономическими ресурсами, дает ему возможность быть «центром притяжения» для стран-участниц и третьих стран. Помимо экономических возможностей существуют политические и гражданские свободы, которые также активно продвигаются в положительном ключе, что делает ЕС привлекательным для граждан всего мира. Для граждан Европейского союза это прежде всего возможности передвижения, повышения качества жизни, расширения свобод и пр. И если рассматривать граждан как электорат, то, безусловно, в каждой отдельной стране большинство избирателей будут голосовать именно за эти возможности, а следовательно, и за общий путь ЕС.

Литература

1. *Вирккунен Й.* Борьба с распространением вируса и закрытие внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19: пример Финляндии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 83–102. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-5.

2. Пальмовский Т. Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря и ее реализация // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 138–152. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-8.
3. Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 53–67. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-4.
4. Смирнов В.А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 26–39. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.
5. Томашевский В. Институциональная подготовка Польши к вступлению в Европейский союз // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 98–108. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-2-7.
6. Abramson B., Shayo M. International integration and social identity // Journal of International Economics. 2022. N 137. P. 103577. DOI: 10.1016/j.jinteco.2022.103577.
7. Bulmer S. Germany, the Eurozone crisis and the Covid-19 pandemic: Failing forward or moving on? // Comparative European Politics. 2022. N 20 (2). P. 166–183. DOI: 10.1057/s41295-022-00278-5.
8. Barnard C., Fraser Butlin S., Costello F. The changing status of European Union nationals in the United Kingdom following Brexit: The lived experience of the European Union Settlement Scheme // Social and Legal Studies. 2022. N 31 (3). P. 365–388. DOI: 10.1177/09646639211032337.
9. Cadier D. Populist politics of representation and foreign policy: evidence from Poland // Comparative European Politics. 2021. N 19 (6). P. 703–721. DOI: 10.1057/s41295-021-00257-2.
10. De Vries C.E. Analysing how crises shape mass and elite preferences and behavior in the European Union // European Union Politics. 2022. N 23 (1). P. 161–168. DOI: 10.1177/14651165211044086.
11. De la Porte C., Heins E. Introduction: EU constraints and opportunities in the COVID-19 pandemic — the politics of NGEU // Comparative European Politics. 2022. N 20 (2). P. 135–143. DOI: 10.1057/s41295-022-00276-7.
12. Ginsburgh V., Moreno-Ternero J.D. Brexit and multilingualism in the European Union // Metroeconomica. 2022. N 73 (2). P. 708–731. DOI: 10.1111/meca.12379.
13. Hloušek V., Fiala P. The future of European and the role of Eastern Europe in its past, present, and future 2. A new critical juncture? Central Europe and the impact of European integration // European Political Science. 2021. N 20 (2). P. 243–253. DOI: 10.1057/s41304-020-00265-y.
14. Hutter S., Kriesi H. Politicising immigration in times of crisis // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2022. N 48 (2). P. 341–365. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853902.
15. Tesche T. Pandemic Politics: The European Union in Times of the Coronavirus Emergency // Journal of Common Market Studies. 2022. N 60 (2). P. 480–496. DOI: 10.1111/jcms.13303.

Об авторах:

Долженкова Екатерина, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; skinx@inbox.lv

Мохорова Анна Юрьевна, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; mokhorova@list.ru

References

1. Virkkunen J. Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during Covid-19 pandemic: the case of Finland // Baltic region [Baltiyskiy region]. 2020. Vol. 12, N 4. P. 83–102. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-5 (in Rus).
2. Pal'movskiy T. European Union Strategy for the Baltic Sea Region and its Implementation // Baltic region [Baltiyskiy region]. 2021. N 1. P. 138–152. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-8 (in Rus).
3. Romanova T.A., Sokolov N.I., Kolotaev Y.Y. Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania // Baltic region [Baltiyskiy region]. 2020. N 1. P. 53–67. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-4 (in Rus).
4. Smirnov V.A. The transformation of the Baltic countries political elites: general and specific features // Baltic region [Baltiyskiy region]. 2020. N 3. P. 26–39. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-2 (in Rus).

5. Tomashevskiy V. *Institutsional'naya podgotovka Pol'shi k vstupleniyu v Yevropeyskiy soyuz* [Institutional preparation of Poland for accession to the European Union], Baltic region [Baltiyskiy region]. 2015. N 2 (24). P. 98–108. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-2-7 (in Rus).
6. Abramson B., Shayo M. *International integration and social identity* // Journal of International Economics. 2022. N 137. P. 103577. DOI: 10.1016/j.jinteco.2022.103577.
7. Bulmer S. *Germany, the Eurozone crisis and the Covid-19 pandemic: Failing forward or moving on?* // Comparative European Politics. 2022. N 20 (2). P. 166–183. DOI: 10.1057/s41295-022-00278-5.
8. Barnard C., Fraser Butlin S., Costello F. *The changing status of European Union nationals in the United Kingdom following Brexit: The lived experience of the European Union Settlement Scheme* // Social and Legal Studies. 2022. N 31 (3). P. 365–388. DOI: 10.1177/09646639211032337.
9. Cadier D. *Populist politics of representation and foreign policy: evidence from Poland* // Comparative European Politics. 2021. N 19 (6). P. 703–721. DOI: 10.1057/s41295-021-00257-2.
10. De Vries C. E. *Analysing how crises shape mass and elite preferences and behavior in the European Union* // European Union Politics. 2022. N 23 (1). P. 161–168. DOI: 10.1177/14651165211044086.
11. De la Porte C., Heins E. *Introduction: EU constraints and opportunities in the COVID-19 pandemic — the politics of NGEU* // Comparative European Politics. 2022. N 20 (2). P. 135–143. DOI: 10.1057/s41295-022-00276-7.
12. Ginsburgh V., Moreno-Tertero J. D. *Brexit and multilingualism in the European Union* // Metroeconomica. 2022. N 73 (2). P. 708–731. DOI: 10.1111/meca.12379.
13. Hloušek V., Fiala P. *The future of European and the role of Eastern Europe in its past, present, and future 2. A new critical juncture? Central Europe and the impact of European integration* // European Political Science. 2021. N 20 (2). P. 243–253. DOI: 10.1057/s41304-020-00265-y.
14. Hutter S., Kriesi H. *Politicising immigration in times of crisis* // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2022. N 48 (2). P. 341–365. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853902.
15. Tesche T. *Pandemic Politics: The European Union in Times of the Coronavirus Emergency* // Journal of Common Market Studies. 2022. N 60 (2). P. 480–496. DOI: 10.1111/jcms.13303.

About the authors:

Ekaterina Dolzhenkova, Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Politic Science; skinx@inbox.lv

Anna Yu. Mokhorova, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Politic Science, Associate Professor; mokhorova@list.ru

Имидж современного регионального лидера: результаты сетевого анализа

Каминченко Д. И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; dmitkam@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Работа посвящена анализу процесса политической коммуникации в условиях сетевизации публичного пространства. Рассматривается знаково-символический уровень политической коммуникации на примере содержательно-смыслового наполнения имиджа регионального политического лидера.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать содержание политического имиджа регионального лидера и выявить наличие либо отсутствие в нем проявления эффекта сетевизации. Задачами исследования является изучение целевых установок, принципов их реализации и черт коммуникации с другими представителями власти и обществом, которые представлены в содержании имиджа политического руководителя.

В работе использован комплекс эмпирических методов, включающих в себя ненаправленный количественный контент-анализ, сетевой анализ данных и лингвистический анализ. Результаты проведения контент-анализа отображены на облаке тегов, а результаты сетевого анализа — на тематическом графе. Теоретическую основу исследования составили теория информационного общества и такие концепты, как «имидж», «имиджево-ролевой конструкт».

По результатам исследования текстового массива, включавшего в себя два больших, развернутых интервью губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина в 2019 и 2020 гг., сделан вывод о том, что одними из наиболее распространенных имиджево-ролевых конструктов в интервью 2019 г. стали следующие: «лидер-промышленник» (нацелен на развитие промышленного производства); «лидер-строитель» (готовность развивать строительную отрасль области); «лидер-организатор» (открыт к новым проектам и вызовам, нацелен на успешную организацию и проведение праздничных мероприятий, посвященных юбилею Нижнего Новгорода), «лидер-спортсмен» (выступает за развитие спорта в регионе). Наиболее распространенным имиджево-ролевым конструктом в интервью 2020 г. стал такой содержательно-смысловой конструкт, как «лидер-управленец» (эффективный управленец, который осуществляет руководство регионом посредством координации действий с различными структурными подразделениями правительства и муниципалитетов). По итогам обобщающего анализа сформулирован вывод о том, что в содержании имиджа политического лидера произошло определенное изменение в проявлении эффекта сетевизации с политематичности и гетерархии ключевых тем (в 2019 г.) к децентрализации символического субъекта принятия и реализации решений (в 2020 г.).

Ключевые слова: политическая коммуникация, сетевое общество, политический имидж, государственное управление, сетевой анализ, интернет

Для цитирования: Каминченко Д. И. Имидж современного регионального лидера: результаты сетевого анализа // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 40–56.

The Image of the Modern Regional Leader: Network Analysis Results

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; dmitkam@inbox.ru

ABSTRACT

The paper is devoted to the analysis of the process of political communication in the conditions of networkization of public space. The sign-symbolic level of political communication is

considered on the example of the content-semantic filling of the image of a regional political leader.

The purpose of this research is to analyze the content of the political image of the leader and to identify the presence or absence of manifestation of the effect of networking in it. The objectives of the study are to study the goals, the principles of their implementation and the features of communication with other representatives of power and society, which are presented in the content of the image of a political leader.

The study uses a set of empirical methods, including non-directional quantitative content-analysis, network data analysis and linguistic analysis. The results of the content analysis are displayed on the tag cloud, and the results of the network analysis are displayed on the thematic graph. The theoretical basis of the study was the theory of the information society and such concepts as “image”, “image-role construct”.

According to the results of the study of the text array, which included two large, detailed interviews with the governor of the Nizhny Novgorod region G. S. Nikitin in 2019 and 2020, it was concluded that one of the most common image-role constructs in an interview in 2019 were the following: “leader-industrialist” (aimed at the development of industrial production); “leader-builder” (in particular, he is ready to develop the construction industry of the region); “leader-organizer” (open to new projects and challenges, focused on the successful organization and holding of festive events dedicated to the anniversary of Nizhny Novgorod), “leader-athlete” (advocates for the development of sports in the region). The most common image-role construct in an interview in 2020 was such a meaningful and semantic construct as “leader-manager” (an effective manager who manages the region by coordinating actions with various structural divisions of the government and municipalities). Based on the results of a generalizing analysis, the conclusion was drawn that in the content of the image of a political leader, there was a certain change in the manifestation of the effect of networkization from the polythematic and heterarchy of key topics (in 2019) to the decentralization of the symbolic subject of decision-making and implementation (in 2020).

Keywords: political communication, network society, political image, public administration, network analysis, Internet

For citing: Kaminchenko D.I. The Image of the Modern Regional Leader: Network Analysis Results // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 40–56.

Введение

Современное публичное пространство претерпевает существенные изменения в условиях сетевизации общества. Сетевые структуры оказываются более эффективными в процессе обмена информацией, чем иерархические, влияя на организацию коллективных действий индивидов [4, с. 196], в том числе благодаря «мультимодальному» или «поликодовому» характеру распространяемого с их помощью контента (прагматический потенциал информационного воздействия которого выше, чем у контента традиционных медиа [12, с. 138]). При этом, с одной стороны, сетевые технологии создают благоприятные возможности для политической мобилизации граждан (например, благодаря мгновенному обмену сообщениями), с другой — ослабляют ее (например, когда офлайн активность зачастую трансформируется в активность онлайн (в так называемый «слактивизм») [17, с. 48]. Более того, ученые сегодня обращают внимание на стирание границ «между активностью киберсимулякров, основанных на искусственном интеллекте, и деятельностью реальных людей, в результате чего человек теряет субъективность в цифровом пространстве» [3, с. 47].

Сегодня интернет-пространство (в котором коммуницируют индивиды и группы с той или иной идентичностью [10, с. 210]) становится ареной конструирования смыслов и нарративов (в частности — об исторических событиях) [6, с. 192], формируя при этом противоположную традиционным СМИ политическую картину мира [9, с. 101]. Учитывая обозначенные закономерности складывающейся системы полити-

ческой коммуникации, необходимо отметить изменяющуюся роль государства и лиц, принимающих решения, являющихся неотъемлемыми субъектами коммуникативного поля. Как пишут ученые, государство вынуждено «считаться с интернет-аудиторией, о чем свидетельствует постоянное совершенствование правовых и технологических мер информационного контроля» [20, с. 264–265]. Впрочем, общего мнения относительно степени интеграции государства как ключевого политического актора, принимающего решения, в сетевое пространство пока не сложилось. Н. А. Рябченко, О. П. Малышева и И. В. Мирошниченко в одной из своих работ, говоря об активном использовании обществом современных интернет-технологий, обращают внимание на то, что государство, в свою очередь, использует главным образом традиционные способы коммуникации, что нередко выводит его активность за технологические рамки общественной повестки дня [13, с. 143]. Вместе с тем А. Ю. Сунгуров и Д. А. Аркатов указывают на появление в системе государственного управления механизмов электронного участия [18, с. 59], а Л. В. Сморгун, отмечая сохраняющееся доминирование горизонтальных связей в сфере государственного управления, указывает на то, что подобный тип связей становится все менее устойчивым, подчеркивая при этом возрастающую значимость цифровых технологий [16, с. 15].

Органы государственной власти как важнейший актор политической коммуникации оказываются под серьезным воздействием стремительно набирающих популярность сетевых технологий. Неслучайно ученые сегодня обращают внимание на трансформацию самого феномена политического лидерства в условиях горизонтально выстроенной сетевой самоорганизации граждан [1, с. 21]. Это влияние проявляется как на акторно-деятельностном (сфера принятия решений), так и на символическом уровне (политический имидж). В рамках нашей работы мы постараемся проанализировать именно символический уровень политического лидерства, а цель данного исследования — охарактеризовать содержательно-смысловые черты политического имиджа одного из современных лидеров. Главными задачами являются выявление доминирующих в смысловом содержании имиджа лидера тематических интенций (т. е. целевых направлений деятельности, которые ретранслируются в самом имидже), характера способов реализации целевых установок (т. е., с выполнением каких действий связана реализация формулируемых целей) и преобладающих черт коммуникации с обществом и представителями власти (т. е. способы взаимодействия на субъектно-объектном уровне). Анализ содержательно-смыслового наполнения имиджа политического лидера позволит сделать вывод о том, насколько в структуре и содержании имиджа отражены сетевые эффекты, например, такие, как изменчивость, динамичность, политематичность, ситуативность и т. д.

Теоретические основания

Отметим, что изучению политического имиджа уделен немалый объем внимания как со стороны отечественных ученых [2; 5; 7; 8; 14; 15; 19; 21; 29], так и иностранных [23; 24; 25; 26; 27; 28; 30; 31].

В научном сообществе активно разрабатывается сама дефиниция понятия «имидж». В частности, по мнению Т. Н. Пищевой, имидж зачастую трактуется, как «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т. д.)» [11, с. 47]. О. Ю. Шмелева полагает, что имидж можно «интерпретировать как технологический конструкт, подверженную воздействию внешних социальных механизмов систему ценностей и представлений» [22, с. 25]. Как пишет Н. А. Синеокая, имидж политического лидера являет собой «совокупность его образов как личности и профессионала» [15, с. 236]. В целом, говоря об имидже, М. Д. Альварес и С. Кампо отмечают сложившийся в научной литературе консенсус,

согласно которому имидж представляет собой двухкомпонентную конструкцию, состоящую из аффективных и когнитивных элементов, содержательно указывающую на различные поведенческие интенции [23, с. 71].

Одним из наиболее значимых научно-исследовательских направлений в данной предметной области является анализ формирования и изменения политического имиджа. К. Северт и Дж. Дж. Хэм в одной из своих работ пытаются установить, может ли крупное политическое событие привести к изменению имиджа государства путем оценки возможных различий в поведенческих интенциях индивидов до и после выборов. В своем исследовании они также стремятся (1) оценить различия в восприятии имиджа штата Алабамы в период избирательной кампании в зависимости от политической принадлежности индивидов (республиканцы, демократы или независимые), (2) изучить мнения об имидже данного штата тех, кто когда-либо посещал или не посещал штат Алабама, а также тех, кто планирует или не планирует его посетить среди представителей различных политических взглядов и (3) выявить, как с течением времени изменились когнитивные и эмоциональные компоненты содержания имиджа штата Алабамы и поведенческие интенции американского общества по отношению к указанному штату [28]. М. Д. Альварес и С. Кампо анализируют процесс формирования и изменения аффективных и когнитивных компонентов имиджа под влиянием различных политических событий [23].

Еще одно перспективное направление изучения политического имиджа связано с анализом восприятия индивидами и группами имиджево-ролевых конструкторов различных политических субъектов, в частности, представленных при помощи различных символично-смысловых единиц. К. Уоррен, Ш. Шнайдер, К. Б. Смит и Дж. Р. Хиббинг провели эксперимент, в ходе которого они демонстрировали его участникам на экране два блока изображений: один посвящен политическим акторам, другой — универсальным положительным или отрицательным изображениям. Эксперимент проводился в США, а одной из его целей являлось выявление отношения представителей разных политических убеждений к тем или иным политическим фигурам. Ученые выбрали изображения видных политиков-демократов и республиканцев и предположили, что демократы с большей вероятностью будут положительно относиться к изображениям Хиллари Клинтон, Барака Обамы и Берни Сандерса и отрицательно относиться к изображениям Дональда Трампа, Теда Круза и Митча МакКоннелла; республиканцы — наоборот [30].

Одним из результатов исследования, проведенного К. Уоррен, Ш. Шнайдером, К. Б. Смитом и Дж. Р. Хиббингом, стало то, что, как выяснилось, 55 участников эксперимента, сторонников республиканцев, приложили больше всего усилий, чтобы пролистнуть (нажав на специальную клавишу) два изображения Хиллари Клинтон, за которыми следуют Билл Клинтон, Берни Сандерс и Нэнси Пелоси. С другой стороны, они не прилагали особых усилий для ускоренного пролистывания экранного изображения с Джо Байденом. Более того, они были нацелены скорее на продление, чем сокращение времени просмотра изображений Барака и Мишель Обама. Эти же участники-республиканцы приложили усилия, чтобы продлить просмотр изображений почти всех республиканских лидеров, включая Меланию Трамп, Джона Маккейна, Теда Круза, Дональда Трампа, Майка Пенса, Дж. Буша-старшего и П. Райана [30].

На изучение особенностей общественного восприятия имиджа политического лидера нацелено и исследование Дж. Д. Райта и М. Ф. Томлинсон «Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics» [31], в котором они анализируют мнение 354 американцев относительно персоналистских черт Д. Трампа и Х. Клинтон, сравнивая позиции тех, кто голосовал за того или иного из указанных лидеров. Ученые выдвинули предположение о том, что те, кто поддерживал на выборах Трампа, оценят его как более открытого к новому опыту, более добро-

совестного, более приемлемого и эмоционально стабильного по сравнению с Клинтон и по сравнению с политически умеренно настроенными индивидами [31, с. 21]. Результаты данного исследования продемонстрировали, что показатели Трампа, по мнению его избирателей, по всем обозначенным выше качествам более высокие по сравнению с Клинтон, в то время, как избиратели Клинтон, в свою очередь, считали ее более приемлемым, добросовестным, эмоционально стабильным и открытым ко всему новому политиком, но воспринимали Трампа как более экстраверсивного политического лидера [31, с. 23].

Р. Т. Бирд, Х. Л. Хики, М. Дж. Ливитт и Дж. Л. Робинсон, изучая политический ландшафт современных США, анализируют авторитарные черты левого и правого идейно-политического крыла американского общества. Ученые убеждены в том, что, исследуя эмоциональный стиль наряду с личностными характеристиками и политическими концепциями возможно достижение более точного понимания того, как авторитарные установки проявляются внутри отдельных индивидов и групп в американском политическом пространстве [24].

Изучение особенностей восприятия индивидом и группами структурных и содержательно-смысловых компонентов политического имиджа перекликается с направлением изучения близкого по смыслу концепта — «образ», анализу которого также уделено немало внимания со стороны ученых. В частности, М. А. Соловьева, исследуя идеальный и реальный образ российского государства, распространённый среди разных возрастных категорий жителей России, пишет о том, что образ государства как основного общественно-политического института является значимым компонентом мировоззрения граждан любой страны, на основе которого строится модель взаимодействия «гражданин — государство». При этом, она отмечает, что формирование образа — это активный процесс, в котором содержание образа обогащается, уточняется и корректируется [29, с. 15–16].

В научных исследованиях используются и смежные с концептом «образ» понятия, например, «образ-схема» («образ-рамка»). Обозначенный термин активно используется в работе А. Лу «Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse» [27], в которой автор, рассматривая события так называемой «Революции зонтиков», происходившие в Гонконге в 2014 г., задается вопросом о том, как именно зонт превратился в объект, наделенный таким значимым политическим смыслом [27, с. 89]. Он отмечает, что наполнение того или иного артефакта явным эпистемологическим и идеологическим содержанием может трансформировать образно-схематические паттерны изображаемого объекта, при этом новый «образ-схема» сохраняет некоторое концептуальное сходство с оригиналом [27, с. 81].

Завершая краткий обзор научной литературы по теме изучения политического имиджа и смежных с ним концептов, отметим еще одно направление подобных исследований — сравнительно-исторический анализ имиджа политических лидеров. Дж. Гэффни в своей работе «Imagined relationships: Political leadership in contemporary democracies» сравнивает имидж таких политических лидеров, как У. Черчилль, Дж. Кеннеди, Ш. де Голль, М. Тэтчер, Т. Блэр. По мнению ученого, когда речь заходит о появлении лидера национального уровня, политика, стремящегося руководить большим сообществом людей, параллельно продуцируются и разнообразные парадигмы лидерства, что, в свою очередь, способствует возникновению неизученных ранее научно-исследовательских проблем. Данные проблемы находят свое воплощение в следующих исследовательских вопросах: Как лидеры убеждают своих последователей и какова роль риторики, имиджа и стиля лидерства в этом убеждении? Какие элементы составляют имидж лидера? Что представляет собой стиль лидерства? О каких реальных или воображаемых отношениях между компонентами имиджа и стиля политика идет речь в том или ином случае? И т. д. [25, с. 122].

В одной из своих работ Х. М. Кепплингер изучает проблему падения имиджа политической элиты ФРГ, начиная с 1960-х до середины 1990-х годов. Он анализирует тексты известных в ФРГ средств массовой информации за период с 1951 по 1995 гг. и делает вывод о том, что причиной падения имиджа политической элиты стало возросшая доля негативного освещения деятельности ее представителей в проанализированных им СМИ. Еще одной дополнительной причиной стало то, что именно сами политики, критикуя друг друга в СМИ, способствовали падению собственного имиджа среди населения страны [26, с. 72, 76].

Несмотря на сложившийся существенный пласт научных исследований в области изучения политического имиджа, необходимо отметить, что анализ имиджа лидера по-прежнему остается крайне актуальным направлением для научной рефлексии. Актуальность данному направлению придают изменения публичного поля политики, связанные с его сетевизацией. Под сетевизацией публичного поля политики в данном случае целесообразно понимать трансформацию сложившихся коммуникативных практик, заключающуюся в усилении горизонтальных связей между субъектами публичного пространства. Это способствует появлению так называемых «эффектов сетевизации», среди которых можно выделить изменчивость, высокую динамичность, ситуативность коммуникативных актов, а также — изменение понимания центра, ядра коммуникации. Центр становится полисубъектным, ядро коммуникативного процесса (как источник значимой для коммуникантов информации) может изменяться в зависимости от конкретной ситуации, что, в свою очередь, способствует размыванию традиционных иерархических, моноцентричных структур политического взаимодействия. Анализ сетевизации знаково-символического поля публичной политики будет осуществлен при помощи изучения политического имиджа одного из современных российских лидеров (губернатора Нижегородской области — Г. С. Никитина).

Материалы и методы

Основными эмпирическими методами, используемыми в проводимом исследовании, являются контент-анализ, сетевой анализ данных и лингвистический анализ. Проведение сетевого анализа данных отобранного текстового массива позволит осуществить тематическое моделирование с построением соответствующих графов. Благодаря тематическому моделированию, как предполагается, мы сможем выявить ключевые темы и целевые установки, представленные в содержании имиджа политического лидера, а также установить характер основных способов реализации выделенных целевых установок лидера. Лингвистический анализ, по нашему мнению, необходим, в первую очередь, для более тщательного изучения используемых лидером слов с точки зрения преобладающих черт его коммуникации с другими субъектами.

Перед применением двух указанных методов будет проведен количественный контент-анализ ненаправленного типа, который позволит установить перечень наиболее часто используемых слов: имен существительных и глаголов (выбор для анализа двух конкретных частей речи обусловлен обозначенными в работе научно-исследовательскими задачами). Аналитической единицей контент-анализа выбрано слово, а результаты его проведения будут представлены в форме облака тегов, где размер шрифта, его цвет и яркость, а также месторасположение (близость или удаленность от центра облака) свидетельствуют о степени частотности использования того или иного слова: чем крупнее шрифт и ярче цвет слова, представленного на облаке тегов, и чем ближе оно расположено к центру облака, тем чаще оно используется в изучаемом текстовом массиве. Результаты контент-анализа,

на наш взгляд, также, как сетевой анализ данных, позволит выявить наиболее значимые целевые установки лидера и основные особенности и принципы для их достижения.

Текстовую выборку составили два больших интервью Г. С. Никитина средствам массовой информации: интервью государственному информационному агентству ТАСС 2019 г. (состоящее из трех частей)¹ (далее — интервью 2019 г.) и 2020 гг. (далее — интервью 2020 г.). В первом интервью освещается широкий круг вопросов как личных, так и профессиональных, касающихся как различных автобиографических аспектов, так и текущего периода времени. Второе интервью также содержит автобиографические вопросы, но при этом сделан больший акцент на особенностях текущей профессиональной деятельности главы региона.

Изучение содержательно-смыслового наполнения имиджа именно губернатора Нижегородской области обусловлено целями и задачами исследования, связанными с анализом сетевизации содержания имиджа современных политических лидеров. Г. С. Никитин — молодой и активный руководитель региона, назначенный на должность ВРИО губернатора области 26 сентября 2017 г. и набравший 67,75% голосов избирателей спустя чуть больше года на выборах главы региона в 2018 г. Он обладает опытом работы в Правительстве РФ, интенсивно взаимодействует как с представителями федеральных министерств, так и с региональными руководителями других субъектов РФ. Г. С. Никитин активно использует современные социальные медиа для коммуникации с обществом и коллегами по работе, в частности 2 марта 2022 г. он открыл персональную страницу на интернет-платформе «ВКонтакте»². В рамках указанной страницы глава региона рассказывает о текущей деятельности, принимает обращения от граждан (в форме комментариев от пользователей «ВКонтакте») и координирует работу представителей других структурных подразделений регионального правительства и муниципалитетов (например, подключает руководителей различных подразделений (посредством ссылки на их официальные страницы в «ВКонтакте») к решению того или иного вопроса, поднимаемого в комментариях пользователей). Это свидетельствует о том, что губернатор активно использует сетевые технологии как минимум по трем ключевым направлениям деятельности: 1) публичное освещение текущей работы; 2) обработка обращений граждан; 3) координация (причем — открытая) работы с другими представителями власти. Учитывая обозначенные аспекты деятельности главы региона, мы полагаем, что именно анализ содержания его имиджа позволит выявить характер имиджа современного политического лидера в условиях сетевизации публичного пространства.

Сетевой анализ текстовых данных произведен при помощи программы «PolyAnalyst 6.5» благодаря Центру коллективного пользования (ЦКП) платформой «PolyAnalyst» на базе Томского государственного университета (ТГУ) и компании-разработчику данной платформы — «Megaputer Intelligence».

Результаты

В ходе проведенного мониторинга выбранного информационного массива проанализирован информационный массив, включающий в себя тексты развернутых интервью государственному информационному агентству ТАСС 2019 и 2020 гг. По итогам проведенного контент-анализа интервью Г. С. Никитина 2019 г. составлены

¹ Официальный интернет-сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: / https://tass.ru/interviews/8994391?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.04.2022).

² Официальная интернет-страница губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина в «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.megaputer.ru> (дата обращения: 12.04.2022).

два облака тегов (отдельно для слов-имен существительных и слов-глаголов). Результаты отображены на рис. 1.

Согласно представленным облакам тегов, наиболее распространенными словами среди имен существительных стали: «сила», «столица», «школа», «дорога», «глава», «разговор», «процесс», «управление», «правительство», «структура», «академия», «юбилей», «стадион», «спорт», «результат», «промышленность», «университет», «подготовка», «губернатор» и т. д. Можно выделить ряд содержательно-смысловых направлений, которым посвящены выявленные, наиболее популярные слова. Во-первых — ключевые направления деятельности: развитие промышленности, спорта, образования (хотя, отметим, что одни из наиболее часто используемых слов — «школа» и «дорога» — ввиду большого количества автобиографических вопросов, во многом затрагивали воспоминания губернатора о прошлом), подготовка к празднованию 800-летнего юбилея Нижнего Новгорода в 2021 г. Во-вторых, сделан акцент и на сфере управления, в частности использованы такие слова, как «глава», «правительство», «управление», «губернатор» и т. д. В-третьих, важнейшее внимание уделено целедостиженческой задаче, что проявляется в использовании таких слов, как «сила», «результат», «амбиция» и т. д. В-четвертых, обращается внимание на значимые принципы реализации существующих задач, например, используются такие слова, как «история», «традиция» и т. д. В-пятых, уделяется внимание и семейным вопросам (используются такие лексемы, как «семья», «жена», «детство»).

Отметим и наиболее распространенные глаголы, выявленные при помощи контент-анализа: «понять», «действовать», «получиться», «сохраниться», «ехать», «оказаться», «достигнуть», «стоять» «выбраться» «открыть», «узнать», «взять» и т. д. Обратим внимание, что среди перечисленных, наиболее популярных глагольных форм, представлены в основном глаголы совершенного вида. Это может свидетельствовать об акценте как на том, что уже сделано либо на том, что должно быть сделано (т. е. — о целепологании и целедостижении). С точки зрения содержательно-смыслового наполнения, отметим, что значительное внимание отводится (1) процессам приобретения и распространения знания (глаголы «понять», «узнать», «убедить», «подтвердить» и т. д.), (2) выполнению поставленных целей и задач («достигнуть», «получиться», «действовать» и т. д.), (3) созданию и началу чего-либо («открыть», «создать» «начаться» и т. д.).

Сетевой анализ текстовых данных интервью 2019 г. позволил построить тематический граф, представленный на рис. 2. Отметим, что в текстовом анализе использовались имена существительные, прилагательные и глаголы.

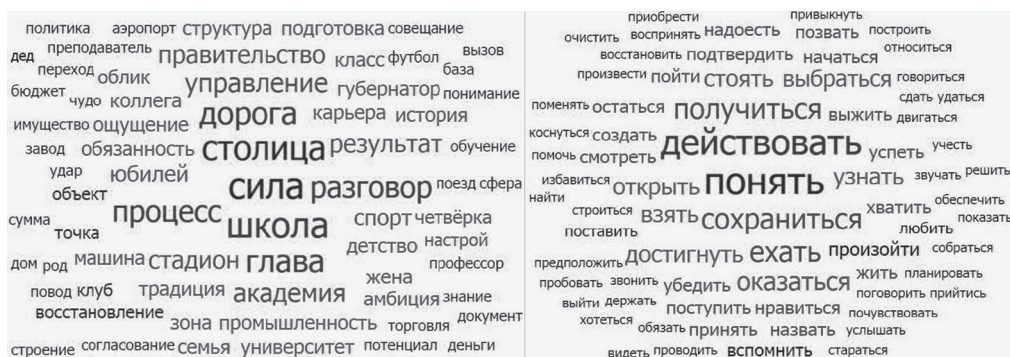

Рис. 1. Облако тегов с именами существительными и глаголами в тексте интервью Г. С. Никитина 2019 г.

Fig. 1. Tag cloud with nouns and verbs in the text of the interview with G. S. Nikitin, 2019

при отсутствии одной доминирующей темы, что во многом говорит о сетевом, гетерархичном характере содержания имиджа политического лидера.

На основе анализа облака тегов и тематического графа интервью 2020 г. можно также выявить особенности содержательно-смыслового наполнения имиджа главы региона. По сравнению с содержанием имиджа 2019 г. в наполнении имиджа 2020 г. произошли определенные изменения. В содержании данного имиджа руководитель региона представлен, в первую очередь, как эффективный управленец («лидер-управленец»), который осуществляет руководство регионом посредством координации действий с различными структурными подразделениями правительства и муниципалитетов (что демонстрирует единство управления в регионе под руководством главы области) с опорой на имеющиеся полномочия и законодательную базу. По-прежнему важнейшим принципом управления является четкое понимание ситуации (с опорой на знания), а также — конкретные процедуры по применению этих знаний на практике. В имидже руководителя сохраняется определенная политематичность (вновь представлено промышленное направление, но к нему еще добавляются экономика и политика), однако конкретные тематики не так ярко представлены в имидже лидера 2020 г. (единственное исключение — это господствующая в содержании имиджа тематика государственного управления). Лидер остается открытым к новым изменениям и вызовам и готов планировать и проводить эти изменения («лидер-организатор»), но это направление представлено в содержании имиджа 2020 г. уже не так активно, как в 2019 г. В содержании имиджа 2020 г. по-прежнему представлена готовность опираться на традиции прошлых лет («лидер, опирающийся на традиции и историю»), а также — представлена и тема семьи («лидер-семьянин»).

Ключевым отличием наполнения имиджа политического лидера 2020 г. от содержания имиджа 2019 г. стал доминирующий акцент на теме эффективного государственного управления («лидер-управленец») при снижении доли внимания другим темам (представленным в таких имиджево-ролевых конструктах, как «лидер-промышленник», «лидер-организатор» и т. д.). В результате можно было бы сделать вывод о том, что в данном контексте (появление доминирующей темы при сохранении политематичности имиджа) целесообразно говорить о снижении доли эффекта сетевизации в содержании имиджа лидера. Вместе с тем, в перечне облака тегов и тематическом графе интервью 2020 г. отражено немало слов (причем, представляющих особое значение во всем текстовом массиве), связанных со сферой управления. В смысловом содержании имиджа сфера управления представлена посредством существенного набора различных структурных единиц, а в основе их работы находится понимание и взаимодействие, что сдвигает центр внимания с главы региона на всю взаимодействующую систему. В результате центральный акцент смещается в сторону разнообразия участников процесса управления, т. е. в содержательно-смысловом значении в имидже происходит, своего рода, децентрализация объектов внимания. Внутри имиджа лидера фокус внимания смещается с центральной фигуры главы региона на всю систему взаимодействующих субъектов управления. В определенной степени это также свидетельствует о некотором сетевом эффекте, но уже применительно к главному, символическому субъекту принятия и реализации решений в представленном содержании имиджа политического лидера.

Изменения содержательно-смыслового наполнения имиджа политического лидера вызывают вопросы об их возможных причинах. Причиной появления в содержании имиджа руководителя доминирующей тематики сферы государственного управления при снижении степени проявления других тематик может выступать то, что, например, целедостиженческая интенция (ярко представленная в имидже политического лидера в 2019 г.) и набор разных тематик были несколько пере-

осмыслены и частично преобразованы именно в тематику эффективного управления (а вернее — в необходимость построения такой эффективной, разветвленной системы управления, которая позволила бы достигать поставленных целей и задач в разных направлениях деятельности губернатора области). Кроме того, интервью 2019 г. было одним из первых крупных интервью Г. С. Никитина, будучи уже избранным на должность губернатора области, поэтому в нем он, вероятно, постарался охватить более широкий набор тематических направлений, а в интервью 2020 г. (уже по прошествии определенного периода времени) — постарался акцентировать внимание на главной, по его мнению, теме. При интерпретации полученных выводов не следует также забывать и о характере информационного массива анализируемых данных: текстовую выборку составили два интервью, когда лидер области отвечал на задаваемые вопросы, что влияло на ход дискуссии и конкретные тематики освещаемых вопросов (хотя, учитывая характер и большой объем обоих интервью, они безусловно содержат в себе и программные заявления политического лидера).

Заключение

Информатизация и сетевизация современного пространства публичной политики приводят к серьезным изменениям как непосредственно самих действий политических акторов, так и содержательно-смысловых особенностей их репрезентации. Обозначенные тенденции делают актуальной задачу всестороннего изучения политического имиджа различных акторов коммуникации. В данном исследовании при помощи комплексного использования трех эмпирических методов на основании изучения текстовой выборки, составленной из двух развернутых интервью губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина, данных им в 2019 и 2020 гг., рассмотрено содержательно-смысловое наполнение имиджа руководителя региона. В 2019 г. в имидже политического лидера отражены различные тематики его деятельности без наличия доминирующей темы, а сам глава области демонстрирует свою активность и готовность ставить перед собой амбициозные цели и стремиться к их реализации. Он представлен сильным руководителем, сила которого заключается в понимании и основанных на нем четких действиях. В 2020 г. в имидже лидера происходят определенные изменения, главными из которых являются: (1) появление господствующей темы — эффективное государственное управление — а сам лидер в содержании имиджа представлен, в первую очередь, как «лидер-управленец»; (2) снижение доли внимания другим темам при сохранении политематичности содержания имиджа лидера. С одной стороны, обозначенные изменения свидетельствуют о снижении сетевого эффекта в содержании имиджа руководителя, с другой стороны, доминирующая в контенте имиджа политического лидера тема содержательно крайне детализирована, т. е. сфера государственного управления с помощью лексических элементов имиджа лидера представлена как структура, состоящая из большого числа системно связанных компонентов, среди доминирующих принципов которых представлены понимание и взаимодействие, что придает содержанию имиджа определенный эффект децентрализации (как один из признаков сетевизации). Таким образом, в содержательно-смысловом значении в имидже политического лидера произошел некоторый переход в плане проявления эффекта сетевизации: от демонстрации политематичности и гетерархии как отсутствия иерархически выстроенной структуры тем с наличием одной ключевой и доминирующей темы (в 2019 г.) к выражению полицентричности (децентрализации) субъекта принятия и реализации решений (в 2020 г.).

Литература

1. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: К агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45.
2. Василенко С. А., Дебольская А. А. Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 33–36.
3. Володенок С. В., Федорченко С. Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции Интернета: Особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. 2021. № 3. С. 37–53.
4. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: Сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 185–209.
5. Головченко А. В. Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2018. № 4. С. 457–462.
6. Долгов А. Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: Социальные сети как альтернативные арены споров об СССР // Политическая наука. 2022. № 1. С. 191–204.
7. Канюков А. Н. Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 124–146.
8. Курманина Т. С. Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров // Вестник науки и образования. 2017. № 8(32) С. 44–46.
9. Носиков А. А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности: Интерфейсы, вызовы и политические дизайны // Политическая наука. 2021. № 4. С. 92–116.
10. Пинюгина Е. В. Политическая идентичность и этика социальных сетей в современной Америке // Политическая наука. 2021. № 3. С. 205–228.
11. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.
12. Рябченко Н. А., Гнедаш А. А., Малышева О. П., Катермина В. В. Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.? // Политическая наука. 2021. № 4. С. 135–160.
13. Рябченко Н. А., Малышева О. П., Мирошниченко И. В. Дискурс «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: Агитация vs сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 2. С. 142–155.
14. Селиверстова Ю. А. Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация // Власть. 2011. № 1. С. 71–73.
15. Синеокая Н. А. Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии) // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева. Материалы конференции. Тверь : ООО «СФК-офис», 2017. С. 235–242.
16. Сморгуню Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36.
17. Стукал Д. К., Беленков В. Е., Филиппов И. Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 46–75.
18. Сунгуров А. Ю., Аркатов Д. А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. 2021. № 3. С. 54–71.
19. Толкалов А. С. Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. № 2. С. 72–75.
20. Тормошева В. С. Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: Онлайн-масса или глобальный политический актор? // Политическая наука. 2021. № 4. С. 261–278.
21. Шелекасова Н. П. Бессознательные аспекты имиджа политического лидера // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 130–131.

22. Шмелева О. Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. № 4. С. 23–36.
23. Alvarez M. D., Campo S. The influence of political conflicts on country image and intention to visit: A study of Israel's image // Tourism Management. 2014. Vol. 40. P. 70–78. DOI: 10.1016/j.tourman.2013.05.009.
24. Bird R. T., Hickey H. K., Leavitt M. J., Robinson J. L. The dark authoritarians: Profiling the personality, emotional style, and authoritarian attitudes of the major American parties // Personality and Individual Differences. 2022. Vol. 186. DOI: 10.1016/j.paid.2021.111298.
25. Gaffney J. Imagined relationships: Political leadership in contemporary democracies // Parliamentary Affairs. 2001. Vol. 54. P. 120–133.
26. Kepplinger H. M. The declining image of the German political elite // The Harvard International Journal of Press / Politics. 2000. Vol. 5 (4). P. 71–80.
27. Lou A. Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse // Journal of Pragmatics. 2017. Vol. 122. P. 77–90. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.07.002.
28. Severt K., Hahm J. J. Impact of political event and political affiliation on destination image and a longitudinal approach of image change // Journal of Destination Marketing & Management. 2020. Vol. 15. DOI: 10.1016/j.jdmm.2019.100406.
29. Solovyeva M. A. Image of the «real» and «ideal» state at representatives of youth and «adult» political subcultures in Russia // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 140. P. 15–20.
30. Warren C., Schneider Sh., Smith K. B., Hibbing J. R. Motivated viewing: Selective exposure to political images when reasoning is not involved // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 155. DOI: 10.1016/j.paid.2019.109704.
31. Wright J. D., Tomlinson M. F. Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 128. P. 21–24. DOI: 10.1016/j.paid.2018.02.019.

Об авторе:

Каминченко Дмитрий Игоревич, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат политических наук; dmitkam@inbox.ru

References

1. Akhremenko A. S., Petrov A. P., Zheglov S. A. How information and communication technologies change trends in modelling political processes: Towards an agent-based approach // Political science [Politicheskaya nauka]. 2021. N 1. P. 12–45. (in Rus).
2. Dolgov A.YU. Online memory of the soviet past: social networks as alternative arenas for debates about USSR // Political science [Politicheskaya nauka]. 2022. N 1. P. 191–204. (in Rus).
3. Glukhova A. V., Kolba A. I., Sokolov A. V. Political conflict interactions of urban communities: network aspects // Political science [Politicheskaya nauka]. 2021. N 4. P. 185–209. (in Rus).
4. Golovchenko A. V. Image inversions of liberal leadership in modern Russia // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya]. 2018. N 1. P. 64–68. (in Rus).
5. Kanyukov A. N. To convince the russians. structure of persuasive influence in shaping image characteristics of St. Petersburg Legislative Assembly deputies // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2018. N 2. P. 124–146. (in Rus).
6. Kurmanina T. S. Peculiarities of forming image of regional political leaders // Herald of Science and Education [Vestnik nauki i obrazovaniya]. 2017. N 8(32). P. 44–46. (in Rus).
7. Nosikov A. A. Connecting network space and political reality: Interfaces, challenges, and political designs // Political science [Politicheskaya nauka]. 2021. N 4. P. 92–116. (in Rus).
8. Pinyugina E. V. Political identity and social media ethics in nowadays America // Political science [Politicheskaya nauka]. 2021. N 3. P. 205–228. (in Rus).
9. Pishcheva T. N. Political images: Problems of research and interpretation // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 2. P. 47–52. (in Rus).

10. Ryabchenko N. A., Gnedash A. A., Malysheva O. P., Katermina V. V. Managing political content in the online space of modern states: How Twitter prevented D. Trump from winning the 2020 presidential election? // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 4. P. 135–160. (in Rus).
11. Ryabchenko N. A., Malisheva O. P., Miroshnichenko I. V. “Constitutional amendments” and “coronavirus pandemia” discourses in the digital political agenda of 2020: Agitation vs inhibition in the state media // *Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]*. 2021. Vol. 15. N 2. P. 142–155. (in Rus).
12. Seliverstova Yu. A. Image of a political leader: creation, implementation, update // *Vlast [Vlast’]*. 2011. N 1. P. 71–73. (in Rus).
13. Shelekasova N. P. Unconscious aspects of the image of a political leader // *Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]*. 2000. N 4. P. 130–131. (in Rus).
14. Shmeleva O. Yu. “The image of the State” as a category of political science: theoretical and methodological aspects of studying // *Political expertise: POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*. 2017. N 4. P. 23–36. (in Rus).
15. Sineokaya N. A. The image of a politician formed in modern electronic media (on the example of female politicians in Germany) / in: Domanskii Yu. V., Berdnikova M. A. (eds.): *Philology and enlightenment. Scientific, pedagogical, local history heritage of N. M. Lebedev. Conference proceedings*. 2017. P. 235–242. (in Rus).
16. Smorgunov L. V. Digitalization and network effectiveness of public governability // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 3. P. 13–36. (in Rus).
17. Stukal D. K., Belenka V. E., Philippov I. B. Data science methods in political science research: Analyzing protest activity in social media // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 1. P. 46–75. (in Rus).
18. Sungurov A. Yu., Arkatov D. A. Electronic and traditional public participation in modern public policy // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 3. P. 54–71. (in Rus).
19. Tolkalov A. S. Content of the political image: Russian and foreign experience of theoretic comprehension // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya]*. 2013. N 2. P. 72–75. (in Rus).
20. Tormosheva V. S. International audience in the network political space: An online mass or a global political actor? // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 4. P. 261–278. (in Rus).
21. Vasilenko S. A., Debol’skaya A. A. Woman in politics: evolution of the image based on the example of Theresa May and Yulia Tymoshenko // *Azimuth of Scientific Researches: Economics and Management [Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie]*. 2020. Vol. 9. N 3 (32). P. 33–36. (in Rus).
22. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Subjectness of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: Features and transformation scenarios // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 3. P. 37–53. (in Rus).
23. Alvarez M. D., Campo S. The influence of political conflicts on country image and intention to visit: A study of Israel’s image // *Tourism Management*. 2014. Vol. 40. P. 70–78. DOI: 10.1016/j.tourman.2013.05.009.
24. Bird R. T., Hickey H. K., Leavitt M. J., Robinson J. L. The dark authoritarians: Profiling the personality, emotional style, and authoritarian attitudes of the major American parties // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 186. DOI: 10.1016/j.paid.2021.111298.
25. Gaffney J. Imagined relationships: Political leadership in contemporary democracies // *Parliamentary Affairs*. 2001. Vol. 54. P. 120–133.
26. Kepplinger H. M. The declining image of the German political elite // *The Harvard International Journal of Press / Politics*. 2000. Vol. 5 (4). P. 71–80.
27. Lou A. Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 122. P. 77–90. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.07.002.
28. Severt K., Hahm J. J. Impact of political event and political affiliation on destination image and a longitudinal approach of image change // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2020. Vol. 15. DOI: 10.1016/j.jdmm.2019.100406.
29. Solovyeva M. A. Image of the «real» and «ideal» state at representatives of youth and «adult» political subcultures in Russia // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 140. P. 15–20.

30. Warren C., Schneider Sh., Smith K. B., Hibbing J. R. Motivated viewing: Selective exposure to political images when reasoning is not involved // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 155. DOI: 10.1016/j.paid.2019.109704.
31. Wright J. D., Tomlinson M. F. Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 128. P. 21–24. DOI: 10.1016/j.paid.2018.02.019.

About the author:

Dmitriy I. Kaminchenko, Associate Professor of the Chair of Political Science of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Political Sciences; dmitkam@inbox.ru

Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики*

Квинт В. Л. *, Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *vlkvint@gmail.com

РЕФЕРАТ

Актуальность. Растущая нестабильность экономических систем, переход глобального рыночного пространства из стационарного состояния в чрезвычайный период в значительной степени сопровождаются обострением межрегиональной и международной конкуренции за ресурсы и факторы расширенного воспроизводства. С этим связаны столь значительные структурные преобразования и трансформации, что они актуализируют поиск и обоснование новых стратегических векторов развития национальных социально-экономических систем на период «постнормальности», более длительный чрезвычайный период и период «постчрезвычайной новой нормальности». Именно применение эффективной методологии стратегирования позволяет концентрировать внимание разработчиков любой из стратегий на поиске новых стратегических возможностей и прорывных преобразований, ориентирует на определение и выбор верного и долгосрочного вектора развития объекта стратегирования. Авторы подчеркивают, что стратегии «новых горизонтов» или стратегии инновационного развития, основанные на технологических конкурентных преимуществах, являются наиболее эффективными, что в условиях сокращения и ограничения доступа к импорту высокотехнологичных разработок и невозможности их трансграничного трансфера, в частности, в Россию и ряд других стран, формируют преобладающую ориентацию на новейшие отечественные технологические разработки при обосновании стратегических приоритетов. Это обуславливает активизацию процессов формирования технологического суверенитета национальных экономик и подчеркивает его стратегическую значимость.

Цель. Определить базовые направления стратегирования технологического суверенитета национальной экономики.

Задачи. Обозначить стратегическую роль научно-индустриальных отраслей в процессе перехода национальной экономики к усилению технологической независимости, сформулировать инновационные, финансовые и трудовые аспекты стратегирования технологического суверенитета национальной экономики.

Методология. В основу научного исследования легла общая теория стратегии и методология стратегирования, разработанная в Центре стратегических исследований института математических исследований сложных систем и на кафедре экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова под научным руководством академика, иностранного члена РАН В. Л. Квинта.

Результаты. Авторами обоснована взаимосвязь стратегирования и процессов формирования технологического суверенитета национальной экономики, уточнена роль отраслевого стратегирования технологического суверенитета национальной экономики, сформулированы ключевые аспекты финансовой стратегии и стратегии развития трудового потенциала технологического суверенитета национальной экономики.

Выводы. Процесс формирования технологического суверенитета национальной экономики должен соответствовать методологии стратегирования, следовать долгосрочным регламентированным этапам и методологическим принципам разработки и реализации соответствующей национальной стратегии перехода к технологической независимости. Особое внимание должно уделяться отраслевому и финансовому стратегированию перехода к технологической независимости и стратегированию развития трудового потенциала, обеспечивающего технологический суверенитет национальной экономики.

Ключевые слова: стратегия, стратегирование, технологическая независимость, отраслевое стратегирование, финансовая стратегия, стратегия развития трудового потенциала

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем».

Для цитирования: Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 57–67.

Strategizing the National Economy during a Period of Burgeoning Technological Sovereignty

Vladimir L. Kvint*, Irina V. Novikova, Murad K. Alimuradov, Nikita I. Sasaev
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; vlkvint@gmail.com

ABSTRACT

Topicality. The growing instability of economic systems, the transition of the global market space from a stationary state to a large extent during an extraordinary period are accompanied by an intensification of interregional and international competition for resources and factors of expanded reproduction. This is associated with such significant structural changes and transformations that they actualize the search and justification of new strategic vectors of socio-economic development of national economies for the period of “post-normality” and a longer extraordinary period. It is the application of an effective strategizing methodology that allows the developers of any strategy to focus on the search for new strategic opportunities and breakthrough transformations, focuses on determining and choosing the right and long-term vector of development of the strategizing object. The authors emphasize that “new horizons” strategies or innovative development strategies based on technological competitive advantages are the most effective, which, in the context of limited access to imports of high-tech developments and the impossibility of their cross-border transfer, in particular to Russia, forms a predominant focus on the avant-garde domestic technological developments in the justification of strategic priorities. This causes the activation of processes to form the national economy technological sovereignty and emphasizes its strategic importance.

Aim. Determine the basic directions of strategizing the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty.

Tasks. Designate the strategic role of scientific and industrial sectors in the process of national economy transition to technological independence, formulate the financial and the human resources development aspects of strategizing the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty.

Methods. The scientific research is based on the general theory of Strategy and strategizing methodology developed by the Center for Strategic Research at the Institute of Mathematical Research of Complex Systems and the Economic and Financial Strategy Department at Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University with the leadership of Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, professor Vladimir L. Kvint.

Results. The authors have shown the relationship between strategizing and the processes of formation the national economy technological sovereignty, clarified the role of industrial strategizing in the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty, formulated key aspects of the financial strategy and the labor potential development strategy of the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty.

Conclusions. The process of forming the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty must comply with the strategizing methodology, follow the long-term regulated stages and methodological principles for the development and implementation of an appropriate national strategy for the transition to technological independence. Particular attention should be paid to industrial and financial strategizing of the transition to technological independence and strategizing the labor potential development of the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty.

Keywords: strategy, strategizing, technological sovereignty, industrial strategizing, financial strategy, labor potential development strategy

For citing: Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K., Sasaev N. I. Strategizing the National Economy during a Period of Burgeoning Technological Sovereignty // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 57–67.

Взаимосвязь стратегирования и процессов формирования технологического суверенитета национальной экономики

Растущая нестабильность глобальной, международных, региональных и национальных экономических систем [3; 13] сопровождаются обострением межрегиональной и межнациональной конкуренции за ресурсы и факторы расширенного воспроизводства [1]. Эта нестабильность вызывает также структурные преобразования и трансформации в экономике и обществе [6], актуализирующие поиск и обоснование новых перспективных векторов социально-экономического развития национальных экономик на период «постнормальности», чрезвычайные периоды и следующие за ними периоды формирования «постчрезвычайной новой нормальности» [17].

Особенности кризисных периодов с точки зрения использования финансовых инструментов для сглаживания и сокращения кризисов глубоко изучены и отображены известными учеными в ряде важнейших научных трудов [19; 20 и др.], авторы же настоящей статьи обращают внимание на вышеописанные периоды прежде всего с позиции теории стратегии. Именно методология стратегирования [21; 22], в основе которой лежат законы стратегирования и принципы стратегического мышления [5; 8; 23], призванные концентрировать разработчика любой из стратегий на поиске стратегических возможностей и прорывных преобразований, позволяет определять и выбирать наиболее эффективные векторы развития объекта стратегирования, прежде всего, в вышеназванные периоды. Наиболее результативными в эти периоды повышенного динамизма являются стратегии «новых горизонтов» или стратегии инновационного прорыва и развития, реализующие стратегические приоритеты на основе авангардных технологий и разработок, способствующих выводу объекта стратегирования на принципиально новые инновационные траектории развития. Это формирует долгосрочную ориентацию на новейшие отечественные технологические разработки в процессах обоснования стратегических приоритетов [11].

В условиях ограничения или самоограничения доступа к импортным высокотехнологичным изделиям, продуктам и разработкам, невозможности по ряду причин их трансфера из-за рубежа и одновременно зависимости от них на стратегических направлениях, особенно на фоне необходимости усиления роли экономики знаний и ускорения темпов инноваций, обуславливается активизация процессов по формированию технологического суверенитета национальной экономики. Исключительная значимость технологической трансформации, ориентированной на ускорение поиска и внедрения отечественных инновационных решений, отмечается прежде всего в наукоемких производствах и отраслях — энергетической, в том числе атомной, авиационно-космической и других наиболее плотно связанных с экономикой знаний.

Между тем процесс формирования технологической независимости не является одномоментным и краткосрочным. Бесспорно, он имеет долгосрочный характер и затрагивает широкий спектр факторов, придавая ему стратегическое значение. Этот процесс должен быть сопряжен со стратегиями развития всех уровней (национального, регионального, отраслевого, корпоративного) и, помимо этого, в первую очередь нацелен на обеспечение общественной полезности через повышение всех характеристик качества жизни населения, что и предопределяет целесообразность новаторских научно-технологических разработок [10]. Вместе с тем это требует организации одновременно прочной и в то же время гибкой системы, способствующей во всем многообразии вызовов и структурных изменений, начиная от локального внутрикорпоративного до глобального масштаба, обнаруживать стратегические возможности создания необходимых и уникальных отечественных разработок, продуктов и технологий, а также их своевременному и успешному имплементированию в те или иные сферы национальной экономики с целью многократного повышения ее жизнеспособности и конкурентоспособности на глобальном экономическом рынке.

Это предполагает, что и сам процесс формирования технологического суверенитета национальной экономики должен соответствовать методологии стратегирования, разработанной в МГУ под научным руководством В. Л. Квинта [21]. Использование данной методологии регламентирует этапы и предопределяет принципы разработки и реализации соответствующей национальной стратегии перехода к технологической независимости и последующему технологическому суверенитету.

Отметим, что процесс стратегирования должен начинаться с глубокого анализа интересов на каждом из уровней системы (общественном, национальном, региональном, отраслевом, корпоративном, международном), гармонизация которых позволяет обеспечивать взаимосвязь общезначимых интересов технологического развития и эффективно интегрировать всех участников в процессы разработки соответствующей стратегии и последующей реализации ее стратегических приоритетов, целей и задач.

Важнейшим этапом должен стать детальный стратегический анализ динамики появления новых и характер развития продолжающих свое воздействие трендов (глобальных, межнациональных, национальных, региональных, отраслевых, корпоративных) с позиций поиска и выявления стратегических возможностей, влияющих или способных оказать влияние на инновационные процессы развития экономики.

Следующим этапом является обоснование и оценка стратегических возможностей усиления технологической независимости национальной экономики с использованием методики OTSW-анализа, способствующей эффективному выбору векторов долгосрочного развития. Все это будет являться фундаментом разработки полноценной и практичной стратегии, ведущей в конечном счете к обеспечению технологического суверенитета национальной экономики.

Тем не менее вопрос формирования технологического суверенитета носит многоаспектный и обширный характер, что требует детального изучения различных аспектов его стратегирования, в том числе изучение роли отраслей промышленности и экономики в целом в этом процессе, финансовых и трудовых аспектов стратегирования национального технологического суверенитета¹.

Роль отраслевого стратегирования в обеспечении технологического суверенитета национальной экономики

Отрасли экономики — и прежде всего промышленность — создают технологическое ядро экономической системы. Исходя из этого, особое внимание в период формирования технологического суверенитета национальной экономики необходимо уделять отраслевому стратегированию. Сбалансированная система отраслевой экономики концентрирует различные интересы на образовании прочных взаимосвязей между своими структурными элементами.

В частности, в результате вертикальной интеграции реализуются национальные и региональные интересы отраслевого уровня, что обеспечивает трансляцию общенационального вектора развития и открывает новые возможности для эффективного удовлетворения общественных и корпоративных потребностей.

Горизонтальная интеграция, в свою очередь, синхронизирует стратегии и производственные процессы смежных отраслей. Этот этап стратегирования начинается с анализа конкурентных преимуществ и оценки необходимых ресурсов для реализации общественных, отраслевых и корпоративных стратегий.

¹ Авторы настоящей статьи принимали активное участие в разработке ряда стратегий в ЦСИ ИМИСС МГУ им. М. В. Ломоносова, среди которых можно отметить «Стратегию социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года и более длительную перспективу», «Стратегию водоснабжения, водоотведения и водного баланса Республики Узбекистан на период до 2035 года и более длительную перспективу».

Глубокая интеграция отраслей в единую национальную экономическую систему создает новые возможности ускоренного обеспечения технологического суверенитета. Например, реализация ряда важнейших стратегических приоритетов газовой отрасли Дальнего Востока России в контексте социально-экономического развития субъектов федерального округа и макрорегиона в целом сопровождается активным сотрудничеством между компаниями-лидерами смежных отраслей («Атомэнергомаш», «Газпром», «Группа ГМС», «Севергрупп», «Тяжмаш», «Росатом», «Роскосмос», «Ростех», «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“» и др.) [18]. В свою очередь, появление нестандартных и передовых технологий в результате такого стратегического сотрудничества предполагает реализацию масштабных высокотехнологичных проектов по широчайшему спектру направлений, обеспечивающих переход не только к технологической независимости, но и к технологическому лидерству через формирование устойчивых технологических конкурентных преимуществ.

Наличие стратегического межотраслевого сотрудничества и глубокая интегрированность в общую систему внутринациональных стратегий позволяют эффективно использовать накопленный научно-технический потенциал и имеющиеся стратегические факторы технологического развития в выстраивании (на базе отраслей-драйверов) фундаментальной основы технологической независимости национальной экономики [12], а также инициировать дальнейшее генерирование уникальных технологических разработок, способствующих выводу экономики государства на принципиально новые долгосрочные траектории социально-экономического развития [17].

Финансовое стратегирование обеспечения технологического суверенитета национальной экономики

Наличие базовых факторов, формирующих ресурсный потенциал реализации долгосрочных стратегических приоритетов, является важнейшим условием обеспечения технологического суверенитета национальной экономики. В системе стратегических экономических факторов в первую очередь учитываются базовые ресурсы, наличие которых обуславливает отраслевую специализацию национальной и региональной экономики [1]. К таким факторам, безусловно, относятся природные ресурсы (в том числе полезные ископаемые и климатические условия), инфраструктура и, частично, рабочая сила. Поскольку данные ресурсы характеризуются низкой мобильностью, а их отсутствие требует существенных расходов, связанных с транспортировкой и перемещением, то их использование в национальных и региональных экономиках, характеризующихся дефицитом, приводит к снижению эффективности или к неспособности реализации соответствующих стратегических приоритетов. В результате страны и регионы, не обладающие ресурсами данного типа, вынуждены либо нести существенные дополнительные расходы по приобретению необходимых ресурсов в других странах, либо отказываться от реализации соответствующих приоритетов.

Выделяется и другая группа экономических факторов, которые характеризуются относительно высокой мобильностью, — технологии и капитал. Глобальное рыночное пространство создает возможности, связанные с перетоком капитала между странами и регионами, обеспечивает многие национальные и региональные стратегии финансовыми ресурсами для реализации обоснованных стратегических приоритетов. Однако формирование технологического суверенитета в условиях ускоряющихся процессов смены технологических укладов и высокой степени зависимости от инновационных преобразований, происходящих на глобальном рыночном пространстве, существенно повышает зависимость национальных экономик от технологических преобразований экономик других стран. В подобных условиях важ-

нейшим стратегическим приоритетом становится обеспечение условий для формирования высокого уровня технологического потенциала и инновационного развития национальной экономики. Обеспечение технологического суверенитета требует от участников экономических процессов концентрации финансовых ресурсов на разработке и развитии технологий, формирующих условия устойчивого долгосрочного технологического превосходства как в целом национальной, так и отдельных региональных и отраслевых экономических систем [2].

Таким образом, важнейшими приоритетами финансового стратегирования обеспечения технологического суверенитета национальной экономики являются:

- формирование фонда обеспечения технологического суверенитета;
- повышение доли расходов национального и региональных бюджетов на проведение фундаментальных и прикладных исследований и разработок;
- финансирование национальных проектов коммерциализации научных исследований и трансфера технологий;
- стимулирование корпораций, функционирующих в наукоемких отраслях, финансировать расходы на научные исследования и разработки посредством расширения налоговых льгот;
- формирование региональных фондов поддержки малых инновационных предприятий.

Опыт стран — лидеров технологического развития, в которых уровень технологического суверенитета является одним из самых высоких в мире, демонстрирует, что расходы национального и региональных бюджетов, а также инвестиции корпораций в проведение научных исследований и разработок существенно выше, чем в странах, развитие которых определяется возможностью получения технологий у мировых лидеров. Яркими примерами являются расходы глобальных технологических компаний, инвестиции которых в НИОКР исчисляются миллиардами долларов, а доля бюджетных затрат на науку и образование существенно превышает показатели других стран. Так, расходы компании Apple на исследования и разработки в 2021 г. составили 21,9 млрд долл., а фармацевтической корпорации Pfizer — 13,8 млрд долл.¹ А по показателю расходов на науку в процентах от ВВП лидерами являются Израиль (4,9%) и Южная Корея (4,8%), что во многом и определяет высокий технологический суверенитет этих стран². В России данный показатель составляет лишь 0,9%, что требует принятия в стране в качестве важнейшего стратегического приоритета повышение уровня концентрации финансовых ресурсов на обеспечении условий роста интенсивности и качества научных разработок, коммерциализации и трансфера технологий для обеспечения технологического суверенитета в приоритетных отраслях национальной экономики.

Согласно методологии стратегирования, используемой в данной статье, разработка приоритетов развития должна основываться на учете ценностей и интересов, реализуемых в социально-экономической системе страны и регионов [4]. Стратегические тенденции, наблюдаемые в большинстве государств мира, демонстрируют стремление к национальному технологическому превосходству и стратегическому технологическому лидерству посредством существенной концентрации ограниченных ресурсов на приоритетах инновационного развития [9]. Безусловно, необходимо учитывать, что поддержка наукоемких производств, обеспечение высоких темпов и эффективности коммерциализации результатов научных исследований требуют привлечения финансирования, для обеспечения которого и следует

¹ Источник: финансовые отчеты компаний. URL: <https://finance.yahoo.com/quote/PFE/financials?p=PFE>

² UNESCO Institute for Statistics: Research and Development Expenditure 2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure>

принимать и последовательно реализовывать стратегические приоритеты обеспечения технологического суверенитета.

Принципы стратегирования трудового потенциала обеспечения технологического суверенитета

Эффективный технологический суверенитет страны возможен при наличии соответствующего трудового потенциала, который включает все уровни подготовки кадров — от рабочих до управленцев и стратегических лидеров. Стратегия развития трудового потенциала является неотъемлемой частью общей стратегии технологического суверенитета национальной экономики, одним из ее базисов.

Стратегия развития трудового потенциала, ориентированного на достижение технологического суверенитета, может основываться на следующих принципах:

1. **Правомерность.** Стратегия обеспечения технологического суверенитета требует пересмотра национального законодательства и достижения соглашений об уточнении ранее ратифицированных международных договоров, норм и стандартов. Трудовой потенциал реализуется в определенных отраслях, в связи с этим необходимо при разработке стратегии его развития учитывать новые отраслевые тренды, ориентированные на достижение технологического суверенитета и законодательное регулирование [15].
2. **Согласованность.** Эффективность реализации стратегических инициатив обеспечения технологического суверенитета достигается в том числе за счет согласованности всех элементов системы стратегий, т.е. национальной, региональных, отраслевых, корпоративных и личностных. Противоречия в стратегических интересах между субъектами стратегирования технологического суверенитета приводят к дополнительным сложностям достижения поставленных целей и задач [7].
3. **Долгосрочность.** Подготовка высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих технологический суверенитет, занимает продолжительный период времени. Для формирования необходимого трудового потенциала требуется стратегия научно-технологического развития минимум на 10 лет. Распространенный тезис о несоответствии системы подготовки кадров потребностям в инновационных преобразованиях экономики не может быть полностью правомерен, так как образовательные организации должны иметь перспективное видение развития экономики с ориентацией на разработку и внедрение инновационных учебных программ и подготовку научно-технологического персонала [14].
4. **Пролонгация.** Неэффективным является отказ от предыдущих образовательных стандартов и установок в силу повышенного кумулятивного эффекта развития образовательных систем. Это приводит к демотивации получения профессиональных навыков и в целом к отрицательному отношению к системе подготовки кадров. Поэтому создание инновационных образовательных программ, ориентированных на обеспечение технологического суверенитета, необходимо осуществлять с учетом имеющегося передового опыта подготовки востребованных кадров.
5. **Непрерывность.** Подготовка профессиональных кадров является непрерывным процессом. При этом система образования проводит мониторинг изменений и оперативно, не останавливая процесс подготовки кадров, корректирует свою деятельность с ориентацией на обеспечение технологического суверенитета экономики.
6. **Гуманность.** Формирование трудового потенциала предполагает развитие человека с учетом его личных потребностей и интересов. Поэтому профессиональные навыки, необходимые для реализации технологического суверенитета, должны быть не только востребованы экономикой, но и интересны самому человеку, вовлеченному в процессы разработки и реализации инноваций.

7. **Свобода.** Принудительный труд запрещен. В связи с этим стратегическое управление трудовым потенциалом обеспечения технологического суверенитета должно включать инструменты мотивации формирования у человека определенных профессиональных навыков и их эффективную реализацию [16].
8. **Соразмерность.** Затраты на развитие трудового потенциала обеспечения технологического суверенитета должны быть сопоставимы с ожидаемыми общественными результатами. Какие затраты несет государство и какой эффект оно получит? Какие затраты (финансовые, временные, моральные и т. д.) несет человек, развивая свой трудовой потенциал, и какой результат он получит? Какие затраты несут система образования и предприятия, формируя данный потенциал?
Интеграция разработанных и уже функционирующих инициатив в единую стратегию развития трудового потенциала обеспечения технологического суверенитета национальной экономики на основе предложенных принципов позволит повысить эффективность разрабатываемых мер и оптимизировать трудовые и финансовые ресурсы.

Заключение

Таким образом, стратегирование технологического суверенитета национальной экономики должно быть методологически обосновано, следовать регламентированным этапам и принципам разработки и реализации соответствующей национальной стратегии по переходу к технологическому суверенитету. Отдельное внимание должно быть уделено отраслевому и финансовому стратегированию перехода к технологической независимости, а также стратегированию трудового потенциала обеспечения технологического суверенитета национальной экономики.

Литература

1. *Алимурадов М. К.* Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1, № 2. С. 163–172. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172.
2. *Алимурадов М. К.* Элементы и этапы разработки региональных финансовых стратегий // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2, № 2. С. 199–211. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-2-199-211.
3. *Бодрунов С. Д.* Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 146–157. DOI: 10.31857/S013216250009808-1.
4. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2020. 170 с.
5. *Квинт В. Л.* Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. 2016. № 1(85). С. 15–21.
6. *Квинт В. Л., Бодрунов С. Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, нономика. Санкт-Петербург : Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований „Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте“», 2021. 351 с.
7. *Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К.* Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 900–909. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.
8. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Теория и практика взаимосвязи категорий «хорошая жизнь» и «качество жизни» // Экономика качества. 2013. № 4. С. 1–16.
9. *Квинт В. Л., Трачук А. В., Дзгоев В. Д.* Стратегирование национальных и региональных инновационных систем. Москва : Издательский Дом «Бюджет», 2021. 199 с.
10. *Квинт В. Л., Хворостяная А. С., Сасаев Н. И.* Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. 2020. № 11. С. 1170–1179. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179.

11. *Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива* / В. Л. Квинт, М. К. Алимуратов, Г. В. Задорожная [и др.]. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»). DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3.
12. *Леонидова Е. Г., Сидоров М. А.* Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9.
13. *Максимцев И. А., Межевич Н. М.* Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 года: старые проблемы в новых условиях // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020. № 3 (123). С. 22–27.
14. *Новикова И. В.* Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 254 с. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»). DOI: 10.21603/978-5-8353-2609-9.
15. *Новикова И. В.* Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // *Стратегирование: теория и практика*. 2021. № 1. С. 57–65.
16. *Новикова И. В.* Стратегическое управление трудовыми ресурсами : учебник. Москва : КНОРУС, 2022. 180 с.
17. *Сасаев Н. И.* Роль отраслевого стратегирования в период постнормальности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 3(135). С. 107–110.
18. *Сасаев Н. И.* Стратегический анализ трендов развития газовой отрасли Дальнего Востока // *Экономический анализ: теория и практика*. 2022. Т. 21. № 3 (522). С. 416–441. DOI: 10.24891/ea.21.3.416.
19. *Bernanke Ben S.* Essays on the Great Depression. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 320. <https://doi.org/10.1515/9781400820276>
20. *Diamond Douglas W., and Raghuram G. Rajan.* The Credit Crisis: Conjectures about Causes and Remedies // *American Economic Review*. 2009. 99 (2): 606–610.
21. *Kvint V. L.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
22. *Kvint V. L.* The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009. 488 p.
23. *Ohmae K.* The mind of the strategist: the art of Japanese management. New McGraw-Hill, New York. 1982. Vol. 5. 283 p.

Об авторах:

Квинт Владимир Львович, Иностраннный член РАН, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, Лауреат премии им. М. В. Ломоносова I степени за научные работы, Директор Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); vlkvint@gmail.com. ORCID id: 0000-0002-0629-7189

Новикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, Лауреат премии им. И. И. Шувалова за научные работы I степени за цикл работ «Стратегирование занятости населения в цифровой экономике», профессор кафедры экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); novikovaiv5@gmail.com. ORCID id: 0000-0002-3741-3031

Алимуратов Мурад Камилевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); amkpro5@gmail.com. ORCID id: 0000-0001-6512-2613

Сасаев Никита Игоревич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); msemsu@mail.ru. ORCID id: 0000-0002-1996-3144

References

1. Alimuradov M.K. Interregional Competition for Strategic Economic Factors // *Strategizing: Theory and Practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]*. 2021. Vol. 1, no. 2. P. 163–172. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172 (In Rus).

2. Alimuradov M. K. Elements and Stages of Regional Financial Strategies Development // *Strategizing: Theory and Practice* [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2022. Vol. 2, no. 2, P. 199–211. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-2-199-211 (In Rus).
3. Bodrunov S. D. Global Crises of the XXI Century Exposes the Contradictions of the Modern Socio-Economic Model // *Sociological Studies* [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2020. Iss. 10. P. 146–157. DOI: 10.31857/S013216250009808-1 (In Rus).
4. Kvint V. L. *The Concept of Strategizing*. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 170 p. (In Rus).
5. Kvint V. L. Search and Investigation of Philosophical Base of the Theory of Strategy. Interrelation of Philosophical and Strategic Thinking // *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 15–21. (In Rus).
6. Kvint V. L., Bodrunov S. D. *Strategizing the society transformation: Knowledge, technology, non-omics*. St. Petersburg: Witte Institute for New Industrial Development; 2021. 351 p. (In Rus).
7. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K. Alignment of Global and National Interest with Regional Strategic Priorities // *Economics and Management* [Ekonomika i upravlenie]. 2021. Vol. 27, no. 11. P. 900–909. (In Rus). DOI: 10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.
8. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Theory and practice of the relationship between the categories „good life” and „quality of life” // *Quality Economics* [Ekonomika kachestva]. 2013. N 4. P. 1–16 (In Rus).
9. Kvint V. L., Trachuk A. V., Dzgoev V. D. *Strategizing national and regional innovation systems*. Moscow: Publishing house „Budget”, 2021. 199 p. (In Russ).
10. Kvint V. L., Khvorostyanaya A. S., Sasaev N. I. *Advanced Technologies in Strategizing* // *Economics and Management* [Ekonomika i upravlenie]. 2020. N 11. P. 1170–1179. (In Rus). DOI: 10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179.
11. *Conceptual future of Kuzbass: strategic contours of development priorities up to 2071. 50-year perspective* / ed. V. L. Kvint. Kemerovo: Kemerovo State University, 2022. 283 p. (in Rus). DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3.
12. Leonidova E. G., Sidorov M. A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2019. Vol. 12, no. 6. P. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (In Rus).
13. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. The World economy after the shock of the first half of 2020: old problems in new conditions // *Proceedings of St. Petersburg State Economic University* [Izvestiya SPbGEU]. 2020. N 3. P. 22–27 (In Rus).
14. Novikova I. V. *The Concept of Employment Strategy for the Digital Economy*. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 254 p. (In Rus).
15. Novikova I. V. *Strategizing of the Human Resources Development: Main Elements and Stages* // *Strategizing: Theory and Practice* [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 57–65.
16. Novikova I. V. *Strategic workforce management*. Moscow: KnoRus; 2022. 180 p. (In Rus).
17. Sasaev N. I. The Role of Industrial Strategizing in the Post-Normal Period // *Proceedings of St. Petersburg State Economic University* [Izvestiya SPbGEU]. 2022. N 3. P. 107–110. (In Rus).
18. Sasaev N. I. Strategic Analysis of Trends in the Development of the Russian Far East Gas Industry // *Economic Analysis: Theory and Practice* [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2022. Vol. 21, no. 3. P. 416–441. DOI: 10.24891/ea.21.3.416 (In Rus).
19. Bernanke Ben S. *Essays on the Great Depression*. Princeton: Princeton University Press, 2009. <https://doi.org/10.1515/9781400820276>
20. Diamond Douglas W., and Raghuram G. Rajan. The Credit Crisis: Conjectures about Causes and Remedies. 2009. *American Economic Review*, 99 (2): 606–610.
21. Kvint V. L. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications*. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
22. Kvint V. L. *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics*. Routledge. NY, 2009. 488 p.
23. Ohmae K. *The mind of the strategist: the art of Japanese management*. New McGraw-Hill, New York. 1982. Vol. 5. 283 p.

About the authors:

Vladimir L. Kvint, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences; Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Fellow of the Higher Education of the Russian Federation, Annual Lomonosov Prize in Science of Highest Degree; Director of Center for Strategic Studies at Lomonosov Moscow

State University' Institute of Mathematical Research of Complex Systems; Chair, Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University' Moscow School of Economics (Moscow, Russian Federation); vlkvint@gmail.com. ORCID id: 0000-0002-0629-7189

Irina V. Novikova, Dr. Sc. (Econ.), Laureate of the First Degree Shuvalov Prize, Professor, Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University' Moscow School of Economics, Leading Researcher at the Center for Strategic Studies at Lomonosov Moscow State University' Institute of Mathematical Research of Complex Systems (Moscow, Russian Federation); novikovaiv5@gmail.com. ORCID id: 0000-0002-3741-3031

Murad K. Alimuradov, PhD (Econ.), Associate Professor, Deputy Head of the Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University' Moscow School of Economics (Moscow, Russian Federation); amkpro5@gmail.com. ORCID id: 0000-0001-6512-2613

Nikita I. Sasaev, PhD (Econ.), Associate Professor, Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University' Moscow School of Economics (Moscow, Russian Federation); msemsu@mail.ru. ORCID id: 0000-0002-1996-3144

ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан*

Межевич Н. М.^{1, *}, Шевчук Н. В.¹, Сеник Н. М.¹, Го Шухун²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

²Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены основные проблемы дальнейшего развития кооперации между странами — участницами ШОС на фоне движения мирового сообщества в сторону многополярности. Приведено обоснование необходимости пересмотра традиционных подходов к оценке результатов реформ на постсоветских территориях на примере Узбекистана. Проанализированы уже достигнутые стратегические цели развития Республики Узбекистан, обозначены перспективы стратегического сотрудничества между Узбекистаном и основными странами — членами ШОС. На основе проведенного исследования авторы делают вывод о том, что участие Узбекистана в ШОС является стратегическим фактором усиления экономической, энергетической, военной и демографической безопасности региона.

Ключевые слова: ШОС, Узбекистан, региональное развитие, евразийская интеграция, стратегическое планирование

Для цитирования: Межевич Н. М., Шевчук Н. В., Сеник Н. М., Го Шухун. ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 68–78.

SCO and Strategic Development Goals of the Republic of Uzbekistan

Nikolay M. Mezhevich^{1, *}, Nina V. Shevchuk¹, Nikita M. Senik¹, Guo Shuhong²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *mez13@mail.ru

²Dalian University of Technology, Dalian, People's Republic of China

ABSTRACT

This article considers the main problems of further development of cooperation between the SCO member states against the background of the movement of the world community towards multipolarity. The justification of the need to revise traditional approaches to assessing the results of reforms in the post-Soviet territories on the example of Uzbekistan is given. The strategic development goals of the Republic of Uzbekistan that have already been achieved are analyzed, the prospects for strategic cooperation between Uzbekistan and the main SCO member states are outlined. Based on the conducted research the authors conclude that Uzbekistan's participation in the SCO is a strategic factor in strengthening the economic, energy, military and demographic security of the region.

Keywords: SCO, Uzbekistan, regional development, Eurasian integration, strategic planning

For citing: Mezhevich N. M., Shevchuk N. V., Senik N. M., Guo Shuhong. SCO and strategic development goals of the Republic of Uzbekistan // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 68–78.

* Работа выполнена при частичной поддержке проекта Министерства образования КНР («Влияние военного конфликта между Россией и Украиной на экономическое сотрудничество стран ШОС и предложения», 2022-N20).

Постсоветская интеграция — важный, но не единственный вариант сотрудничества в Евразии. Большие инициативы, превышающие постсоветские рамки, неоднократно выдвигались КНР [6]. Следует помнить, что Шанхайская организация сотрудничества сформировалась на базе «Шанхайской пятерки». «Шанхайская пятерка» существует с 1996 г., со времени проведения первой встречи руководителей пяти государств. Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, составляющие Совместную Сторону, и Китай, далее именуемые Сторонами, подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Важно обратить внимание на особый статус Китая в данной организации.

За два десятилетия ШОС выросла из предшествующей ей «Шанхайской пятерки» до крупнейшей межправительственной международной организации с сохраняющимся высоким потенциалом расширения числа стран-участниц. ШОС уже прошел дилемму выбора между макрорегиональным и региональным вариантами повестки дня ШОС. Первоначально в задачи ШОС входило решение ряда конкретных вопросов сугубо регионального характера. Сегодня деятельность организации, по всей видимости, может иметь макрорегиональные и в отдельных случаях даже глобальные последствия [3]. С другой стороны, достижения выглядят на бумаге гораздо более убедительно, чем в реальности. «Организация все еще больше сфокусирована на национальных целях, чем на коллективных, потому что интересы членов ШОС крайне различны. Китай, например, ищет рынки сбыта продукции своей быстрорастущей экономики наряду с поиском энергетических ресурсов, в то время как цели России базируются на попытках Москвы возобновить лидерство на международной арене. Кремль хотел бы использовать ШОС, чтобы продвигать антизападные идеи, но другие участники организации во главе с Китаем и Казахстаном хотят расширения своей, и так значительной, кооперации с Западом»¹. Впрочем, последнее предложение — позиция приближенных к НАТО экспертов. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества предполагает работу в формате регионального многостороннего объединения государств, особого по масштабу географического охвата. Государства ШОС демонстрируют заинтересованность в стабильном политическом и экономическом развитии Евразийского региона, в его безопасности [9]. В последние восемь лет, при этом, усилилась совокупность новых вызовов безопасности [13].

Как и во многих других международных объединениях, основой для сплочения в рамках ШОС служили не только сопряженные интересы, но и соседство. Совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе — было и остается основным направлением сотрудничества и ключевым приоритетом для Организации. Региональный характер четко прослеживается и в расширении ШОС: в 2017 г. к России, Казахстану, Китаю, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану присоединились Индия и Пакистан, а в настоящее время полноправное членство обретает Иран, до этого — наблюдатель. Таким статусом при ШОС сегодня обладают Афганистан, Монголия и Беларусь. Последняя, по словам президента А. Лукашенко, планировала официальное членство достаточно давно², и в настоящее время, после Самаркандского саммита, эта задача достигнута.

По составу членов и наблюдателей ШОС мы можем увидеть, что общей для этой группы государств является принадлежность к странам, граничащим с Россией и Китаем. Но по составу партнеров по диалогу ШОС можно увидеть географический

¹ Евросоюзу и НАТО пора объединяться с «шанхайцами» // Информационно-аналитический портал «НАТО.РФ»/ 23/11/2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80azep.xn--p1ai> (дата обращения: 22.09.2022).

² А. Лукашенко: Беларусь рассчитывает получить членство в ШОС уже через год [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/721741.html> (дата обращения: 26.09.2022).

рост стратегической глубины Организации. Если до сего года статусом партнеров обладали Иран, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка, то уже после самаркандского саммита это еще и Египет, Катар и Саудовская Аравия. Кроме того, в скором времени будет оформлено диалоговое партнерство с Бахрейном, Мальдивами, Кувейтом, ОАЭ и Мьянмой.

Эксперты не исключают, что ШОС может выйти и за пределы Евразии. В таком случае не исключено формирование формата ШОС+, которое будет включать партнерство между экономиками ШОС и региональными группами, и странами других континентов¹.

Хотя принято считать, что изначально объединение создавалось для общей борьбы с международным терроризмом, наркотрафиком и другими угрозами безопасности, сегодня выраженным вектором международного сотрудничества в рамках ШОС является экономика. Надо отметить, что разработанный еще в 2004 г. институт наблюдателя, а позже, в 2008, и институт партнерства по диалогу ШОС закладывали основы для развития организации в сторону универсальности. Так, в «Положении о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества» указано, что партнерство открыто для государств или организаций, желающих установить с Организацией отношения равноправного взаимовыгодного партнерства и сотрудничества с ШОС по отдельным направлениям деятельности².

Сегодня Организация справедливо рассматривается экспертами как важнейшее объединение крупнейших стран незападного мира, занимающее свое место в одном ряду с БРИКС. В целом в наши дни стало выраженным трендом формирование так называемого «сетевого мира», когда на фоне ослабления ООН и ее ключевых институтов, а также девальвации авторитета международного права и идей глобального управления, государства создают партнерства, призванные объединять усилия в решении конкретных проблем, с одной стороны, и формирующие систему взаимодействия на основе собственных правил и договоренностей — с другой.

Такая «сетевая модель», увы, еще больше подчеркивает фрагментацию мира на региональные звенья и углубляющий раздел между, скажем, так называемым коллективным Западом и условным «Не-Западом», и еще большее и, надо признать, вынужденное, отдаление от идей многополярности. Однако, в условиях слома прежнего мирового порядка и попыток навязывания миру доминирования одной державы, ШОС и БРИКС, большинство участников которых заинтересованы в многополярности, все же встраиваются в складывающуюся «асимметричную биполярность» и обретают принципиально новое стратегическое значение для России и ее партнеров.

Географическое расширение, политический вес и экономический потенциал обеих организаций нарастает пропорционально давлению, оказываемому Западом. Это дает основание экспертам предрекать формирование из ШОС и БРИКС, включая их вспомогательные «плюс-форматы», новой организующей силы, способной в будущем заместить ослабевающую ООН³. Представляется, что такой оптимизм не должен мешать одновременному осознанию вызовов, которые объективно тоже будут нарастать с ростом Организации. Увеличение числа участников любой плат-

¹ Лисоволик Я. Чего ожидать от расширения членства ШОС? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chego-ozhidat-ot-rasshirenija-chlenstva-shos/?sphrase_id=540260 (дата обращения: 22.09.2022).

² Положение о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: https://bcscsco.ru/files/docs/polozhenie_o_parnere_po_dialogu_shos.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

³ Баканова М. ШОС — 2022 как синдром отмены метамодерна [Электронный ресурс]. URL: https://russianscouncil.ru/blogs/marina-bakanova/35862/?sphrase_id=93460806 (дата обращения: 26.09.2022).

формы неизбежно ведет и к усложнению сопряжения интересов, и к возможному столкновению таковых [14]. Мы исходим из того, что в рамках ШОС взаимодействуют страны, чьи двусторонние отношения осложнены неурегулированными конфликтами. И для этих целей ключевым игрокам в ШОС предстоит наращивать и потенциал взаимовыгодных всеобъемлющих проектов.

Укажем на ключевые проблемы ШОС. Они диагностированы давно. Обратим внимание на данную версию китайской позиции. Сюй Тункан участник Форума ШОС еще в 2008 г. признал то, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС разворачивается медленно, и подчеркнул, что если ШОС не уделит достаточное внимание экономическому аспекту своей деятельности, то как международная организация она будет обречена на провал. Для исправления ситуации он еще в 2008 г. предложил следующие меры:

- 1) усиление политической воли для продвижения уже принятых планов сотрудничества. ШОС — молодая организация, и поэтому сотрудничество в таких областях, как политика, безопасность и экономика тесно связаны с дальнейшим развитием этой Организации;
- 2) снижение пошлин и таможенных тарифов для улучшения показателей товарооборота;
- 3) проведение на экспертном уровне исследования реальной экономической ситуации и экономического потенциала государств — членов ШОС;
- 4) ускорение создания Фонда развития ШОС и укрепление Межбанковского объединения ШОС как механизмов финансирования программ экономического сотрудничества в ШОС [15].

И последнее в этой части статьи. Западное экспертное сообщество удивительно консолидированно ответило на шанхайские инициативы. Было предложено две схемы. Первая. Преуменьшать роль ШОС как организации. Вторая преувеличивать противоречия между участниками. Совет по международным отношениям «Минский диалог» и белорусский офис Фонда им. Конрада Аденауэра свою позицию сформулировали достаточно четко, правда, как обычно «Минский диалог» — не более чем ретранслятор немецкой пропаганды: «Растущее соперничество великих держав и конкурирующие концепции регионального порядка приведут к тому, что Китай и Россия попытаются перетянуть страны-участницы на свою сторону. Однако, учитывая разнообразие государств-членов, существующие конфликты и самопровозглашенную концепцию невмешательства во внутренние дела, ШОС не обеспечит институциональные рамки для преодоления фундаментальных разногласий и несовпадения интересов стран-участниц»¹. Исключения есть, но их немного [12].

Центральная Азия — важнейший регион Евразии [2; 5; 7; 8; 10]. Интерес Узбекистана к участию в ШОС закономерен, в частности благодаря внешнеполитической составляющей: дальнейшее расширение партнерства с Индией, Китаем и особенно Россией может стать не только мощным драйвером усиления международного статуса Узбекистана², но и помочь стране в борьбе с коррупцией в инвестиционной сфере³.

Региональная безопасность — еще одна важная составляющая сотрудничества Узбекистана со странами — членами ШОС. Переоснащение узбекской армии, име-

¹ Меркле Д. ШОС: между региональной интеграцией и расходящимися интересами в Евразии // Минский диалог 14, 15.07.2020.

² Мирзиёев Ш. М. Новый Узбекистан — страна демократических преобразований, больших возможностей и практических дел. Интервью Президента Республики Узбекистан газете «Янги Узбекистон» от 17 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prezident.uz/> (дата обращения: 22.09.2022).

³ Ибрагимов Г. Инвестиционная политика Узбекистана: динамика и общая ситуация [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/galiya-ibragimova-investitsionnaya-politika-uzbekistana-dinamika-i-obshhaya-situatsiya> 27.02.2018 (дата обращения: 22.09.2022).

ющей значительную численность, современными видами вооружения позволило бы в значительной степени гарантировать геополитическую стабильность региона¹.

Трудовые ресурсы Узбекистана в сочетании с интенсивной разработкой полезных ископаемых делают страну привлекательной для международных инвестиционных проектов². Реформы последних лет убедительно стимулируют узбекское население к участию в этих проектах, как в качестве работников, так и в роли со-инвесторов [16, с. 94–95]. Причем почти 30% совместных проектов приходится на долю инвесторов из бывших республик СССР [11, с. 443]. Указанные процессы идут на фоне неуклонной индустриализации страны, развитии областей применения ноу-хау и стартапов [4, с. 399].

Участие Узбекистана в ШОС в значительной степени компенсирует отсутствие выхода страны к морю [1, с. 57].

Следует отметить, что традиционно для описания процессов реформирования планового хозяйства бывших республик СССР использовался термин «переходная экономика», предполагавший замену административно-командной системы хозяйствования рыночными механизмами, причем за идеал реформаторами зачастую некритично принималась рыночная экономика коллективного Запада образца 80-х годов прошлого века.

Однако последние годы со всей очевидностью продемонстрировали, что трансформация системы хозяйствования на постсоветском пространстве далеко отошла от первоначально намеченного пути, причем некоторые республики, в частности, коррупционно-олигархическая бывшая УССР, никогда на этот путь и не вставали. Кроме того, сам идеал «рыночности» западных экономик к 2022 г. значительно потускнел, давно сменившись экономической моделью, основанной на планомерной эксплуатации дешевых природных и трудовых ресурсов тех самых регионов с «переходной экономикой» и стран «третьего мира».

Поэтому при оценке сегодняшнего состояния экономики Узбекистана необходимо понимать, что такая оценка в современных условиях детерминирует необходимость если не кардинального пересмотра, то, как минимум, осторожного отношения к традиционным показателям результативности «рыночных» реформ на тех или иных постсоветских территориях.

Например, реальный ВВП (с учетом паритета покупательной способности в ценах 2017 г.) на душу населения в Узбекистане увеличился с 1990 по 2021 г. с 3,7 тыс. до 7,7 долл. США, что является одним из самых скромных достижений среди бывших советских республик³. Соседний Казахстан за тот же период увеличил аналогичный показатель с 13,5 до 26 тыс. долл., не говоря уже о феноменальном результате Литвы — рост с 14,7 до 39 тыс. долл. США⁴.

Но за тот же период население Литвы снизилось с 3,7 (1990 г.) до 2,8 (2021 г.) млн человек, то есть республика потеряла почти 1 млн чел. — около трети ее населения⁵, а население Узбекистана увеличилось на 12,6 млн чел. (в 1,6 раза)⁶. По приросту населения Узбекистан является абсолютным рекордсменом среди бывших

¹ Плотников Д. С. Центральная Азия в контексте мировой политики : учеб. пособие // Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет 2020. С. 18 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/plotnikov-centralnaya-azia-v-kontekste-mirovoj-politiki.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

² Плотников Д. С. Там же. С. 23.

³ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ Там же.

⁵ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ Там же.

республик СССР, а по количеству населения (34,9 млн чел.) страна находится на третьем месте после России и Украины, значительно опережая Казахстан (19 млн чел.) и Белоруссию (9,3 млн чел.)¹.

Причем государству при таком значительном увеличении населения на фоне скромного ВВП удается обеспечивать достойный уровень жизни. Согласно интернет-порталу numbeo.com, «в сентябре 2022 г. Вам понадобится около 1890 евро в Ташкенте, чтобы поддерживать тот же уровень жизни, который вы можете иметь с 3000 евро в Вильнюсе»². Потребительские цены и стоимость арендной платы в Ташкенте на 37% ниже, чем в Вильнюсе, цены в ресторанах ниже на 44%, на продукты питания — на 28%³.

Конечно, среднемесячная заработная плата (после уплаты налогов) в Вильнюсе (1180 евро) значительно больше, чем в Ташкенте (328 евро)⁴. Однако жизненный уклад узбеков (семейность, развитое натуральное хозяйство) в совокупности с условно-бесплатной медициной и дешевой электроэнергией (благодаря наличию широкой сети гидро- и теплоэлектростанций) позволяет лучше организовать и оптимизировать потребление домохозяйств. Такое качественное обеспечение базового набора потребностей положительно сказывается на устойчивости экономики и приросте населения.

Мерой поддержки национальной экономики также является стимулирование государством трудовой миграции. Частные переводы в Узбекистан из-за границы растут каждый год. В 2021 г. эта сумма составила 6,9 млрд долл. США⁵. По состоянию на июнь 2022 г. 1,5 млн узбеков трудились за границей, причем 1 млн из них приходился на РФ⁶.

Следует отметить, что в отличие от таких соседей, как Казахстан, Узбекистан избегал экономической либерализации и сумел сохранить основные характеристики плановой экономики. Малый бизнес и розничная торговля были быстро приватизированы, но стратегические отрасли — сельское хозяйство, добыча ископаемого топлива, энергетика, транспорт и услуги, а также предприятия, участвующие в них, — оставались под контролем государства, равно как и внешняя торговля и банковское дело.

Унаследованная от советской эпохи экономическая структура Узбекистана базируется на трех китах: во-первых, специализация в сельском хозяйстве, особенно в хлопководстве, на долю которого приходилось более 60% производства СССР. Во-вторых, совокупность природных ресурсов страны (уран, золото, нефть и газ), которые способны приносить значительный доход за счет экспорта. И, в-третьих, легкая промышленность, ориентированная в основном на нужды сельского хозяйства, которая позволяет производить внутри страны основные товары народного потребления. Все перечисленное в совокупности с сохранением государственного контроля позволило Узбекистану достичь самодостаточности в стратегических отраслях экономики, высокой степени социальной стабильности и обеспечить рост ВВП с 75 млрд долл. в 1990 г. до 270 млрд долл. США в 2021 г.⁷ (табл. 1, 2).

¹ Там же.

² [Электронный ресурс]. https://www.numbeo.com/cost-of-living/compare_cities.jsp?country1=Lithuania&country2=Uzbekistan&city1=Vilnius&city2=Tashkent&tracking=getDispatchComparison (дата обращения: 26.09.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD?locations=UZ> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ Министерство экономического развития и сокращения бедности республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconomy.uz/ru/news/view/4325> (дата обращения: 26.09.2022).

⁷ С учетом паритета покупательной способности в постоянных международных долларах 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 22.09.2022).

**Основные характеристики отраслей промышленности Узбекистана
по итогам 2020 г. [1, с. 63]**

Table 1. The main characteristics of the industries of Uzbekistan according to the results of 2020

Отрасли промышленности	Удельный вес, %	Млн долл.	ИФО (г/г)
Производство продуктов питания	11,5	4215,9	108,7
Производство текстильных изделий	9,9	3603,5	115,4
Производство автотранспортных средств, трейлеров и полуприцепов	9,2	3353,7	99,8
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	9,0	3282,2	78,1
Электроснабжение, подача газа, пара и кондиционирование воздуха	7,4	2704,7	112,5
Производство химической продукции	5,7	2081,0	106,7
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	4,5	1652,4	108
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	3,0	1106,5	99,5
Производство одежды	2,8	1015,7	105,3
Производство электрического оборудования	2,3	829,4	105,3
Производство напитков	2,0	726,9	103,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий	1,9	690,3	108,4
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	1,9	679,3	114,8
Производство машин и оборудования, не включенных в другие категории	1,2	430,0	95,8
Производство компьютеров, электронной и оптической продукции	0,9	340,8	170,6
Производство основных фармацевтических продуктов и препаратов	0,7	239,3	113,4
Производство мебели	0,6	237,1	102,4
Производство бумаги и бумажной продукции	0,6	228,9	108,4
Водоснабжение; канализация, сбор и утилизация отходов	0,6	215,9	92,1
Производство табачных изделий	0,5	194,0	99,4
Производство кожаной и относящейся к ней продукции	0,5	164,6	99,3
Производство прочих готовых изделий	0,4	160,8	105,7
Ремонт и установка машин и оборудования	0,4	138,5	101,7
Производство деревянных и пробковых изделий (кроме мебели), изделий из соломки и материалов для плетения	0,4	132,0	74,9

Отрасли промышленности	Удельный вес, %	Млн долл.	ИФО (г/г)
Печать и воспроизведение записанных материалов	0,3	115,3	80,5
Производство прочего транспортного оборудования	0,3	97,1	112,9
Обрабатывающая промышленность	83	30 307,0	107,1
Промышленность	100	36509,8	100,7

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели Узбекистана [1, с. 62]

Table 2. The main macroeconomic indicators of Uzbekistan

Показатель	2017	2018	2019	2020
Население (млн чел. на начало года)	32,7	33,3	33,9	34,6
Занятое население (млн чел.)	13,5	13,3	13,5	13,2
Уровень безработицы (% рабочей силы)	5,8	9,3	9	10,5
ВВП (млрд долл.)	59,2	50,4	57,7	57,7
ВВП (прирост в % г/г)	4,5	5,4	5,8	1,6
Валовое накопление основного капитала (% ВВП)	25,6	32,9	40,9	37,1
Инфляция (% г/г на конец периода)	14,4	14,3	15,2	11,1
Основная ставка (% на конец периода)	14	16	16	14
Курс сума к доллару США (на конец периода)	8120	8340	9508	10 477
Курс сума к доллару США (в среднем за период)	5114	8070	8837	10 054
Внешний долг (% ВВП)	26,3	33,9	42	57,8
Внешний государственный долг (% ВВП)	12,7	19,9	27,2	36,5
Сальдо государственного бюджета, + = профицит (% ВВП)	0,1	-0,2	-1,1	-2,3
Сальдо текущего счета (% ВВП)	2,5	-7,1	-5,8	-5,4
Сальдо внешней торговли товарами (% ВВП по данным платежного баланса)	-3,7	-13,6	-12,6	-10,8
Чистый приток ПИИ (млрд долл.)	1,8	0,6	2,3	1,7
Золотовалютные резервы (млрд долл.)	28,1	27,1	29,2	34,9

В 2021 г. основными отраслями Узбекистана стали: сельское, лесное и рыбное хозяйство — 23% от ВВП и обрабатывающая промышленность — 20% от ВВП (в основном — металлургическая, производство текстильных изделий и продуктов питания)¹. Среди торговых партнеров Узбекистана лидируют Россия и Китай. Оборот экспорта в 2021 г. составил: Китай — 2,5 млрд долл. США, РФ — 2,1 млрд долл. США, Турция — 1,7 млрд долл. США, Казахстан — 1,2 млрд

¹ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/ishlab-chiqarish-sanoatining-tarkibi?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

долл. США¹; импорта: РФ — 5,5 млрд долл. США, Китай — 4,9 млрд долл. США, Казахстан — 2,7 млрд долл. США, Южная Корея — 1,8 млрд долл. США, Турция — 1,7 млрд долл. США². В структуре экспорта лидируют промышленные товары — 26% в 2021 г. (пищевые продукты и живые животные — только 8,2%)³. В структуре импорта лидируют машины и транспортное оборудование — 32%, промышленные товары — 19% и химические вещества — 14%⁴. Структура торгового баланса Узбекистана указывает на постепенную индустриализацию страны.

Узбекистан активно привлекает иностранные инвестиции, особенно в сфере энергетики и добычи полезных ископаемых. Наиболее крупными текущими инвестиционными проектами являются: «Расширение Шуртанского газохимического комплекса (полиэтилен/полипропилен)» — 1,84 млрд долл. США, «Ветроэлектростанция в Зарафшанском районе Навоийской области» — 1,8 млрд долл. США, «Разработка Тебинбулакского железорудного месторождения» — 1,6 млрд долл. США.

Слабыми сторонами Узбекистана являются зависимость от импорта зерна, недостаток воды, теневой характер и клановость экономики.

Таким образом, считаясь аутсайдером рыночных реформ на постсоветском пространстве, Узбекистан подошел к череде кризисов 2019–2022 гг. с гораздо более значительным объемом прочности, нежели другие бывшие республики СССР. Закрытость экономики, отсутствие широкой либерализации, жесткий государственный контроль неожиданно оказались плюсами. Высокий уровень продовольственной и энергетической безопасности с высокой долей вероятности позволит Узбекистану пережить зиму 2022/2023 г. с наименьшими потерями для экономики. Успехи в демографической политике в совокупности с традиционным умением населения обеспечивать себе комфортный уровень жизни при невысоком доходе позволят республике в ближайшей перспективе стать как трудовым донором, так и привлекательным для инвестиций регионом. Территориальная близость и экономические связи с Афганистаном дают Узбекистану перспективу выступить в качестве нового активного актора на Ближнем Востоке.

В общем и целом, если нивелировать относительную закрытость узбекской экономики, можно сделать вывод о том, что Узбекистан уверенно реализует стратегические цели своего развития на пути взаимовыгодного сотрудничества со странами — членами ШОС.

Литература

1. *Винокуров Е. Ю., Цукарев Т. В., Ахунбаев А., Бабаджанян В. И др.* Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции. Доклады и рабочие документы 21/2. М. : Евразийский банк развития. 2021. 74 с.
2. *Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М. : Институт экономики РАН, 2014. 55 с.
3. *Дун Х.* Национальные интересы Китая и России в рамках ШОС // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1121.
4. *Зиядуллаев Н. С.* Императивы экономического возрождения нового Узбекистана // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 4. С. 395–404. DOI: 10.18334/asia.5.4.114529.

¹ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/tashqi-savdo-export-mamlakatlar-boycha?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

² [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/tashqi-savdo-import-mamlakatlar-boycha?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

³ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/eksport-tarkibi-xsst-2008?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/import-tarkibi-xsst-2008?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

5. *Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители* / [В. В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2013. 64 с.
6. *Комиссина И. Н., Куртов А. А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Кожокина Е. М. М. : РИСИ, 2005. 117 с.
7. *Маккамбаев П. А.* Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 3. С. 273–296. DOI: 10.18334/asia.5.3.112997.
8. *Малашенко А. В.* Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? Моск. Центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 118 с.
9. *Ожигина В. В.* Структурные изменения торговли ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и ЕС // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 1. С. 50–66. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-50-66.
10. *От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона* / отв. ред. А. А. Кривопапов. М. : Научный эксперт, 2016. 114 с.
11. *Талипова Н. Т.* Влияние иностранных инвестиций на экономику Узбекистана // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 4. С. 439–446. DOI: 10.18334/asia.5.4.113940.
12. *Файгенбаум Э.* Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 6. С. 122–131.
13. *Фань С.* Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и их проблемы для борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05.
14. *Шанхайская организация сотрудничества после расширения: риски, возможности и перспективы* / сост.: Т. Т. Султанов, отв. ред.: Б. К. Султанов. Алматы : ИМиРС КНУ, 2018. 142 с.
15. *Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию* : (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.) / под ред. А. В. Лукина. М. : МГИМО (У), 2008. 145 с.
16. *Ялыгин Д. Ю.* Центральная Азия в 2020-е гг.: вопросы, прогнозы, предпосылки экономического развития // Экономика Центральной Азии. 2020. Т. 4. № 2. С. 89–100. DOI: 10.18334/asia.4.2.110259.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, заведующий Научно-исследовательской лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шевчук Нина Викторовна, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; shevchuk-nv@ranepa.ru

Сеник Никита Михайлович, ведущий специалист Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); seniknik@ya.ru

Го Шухун, профессор Даляньского политехнического университета (Далянь, Китайская Народная Республика), доктор экономических наук, профессор; lenaguo@dlut.edu.cn

References

1. Vinokurov E. Y., Tsukarev T. V., Akhunbaev A., Babadzhanyan V. et al. Uzbekistan and the EAEU: prospects and potential effects of economic integration. Reports and working papers 21/2. М. : Eurasian Development Bank. 2021. 74 p (in Rus).
2. Dadabaeva Z. A., Kuzmina E. M. Processes of regionalization in Central Asia: problems and contradictions: Scientific report. М. : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 55 p (in Rus).
3. Dong H. National interests of China and Russia within the SCO // Bulletin of Moscow State Regional University [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universitet]. 2022. N 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1121 (in Rus).
4. Ziyadullayev N. S. Imperatives of the economic revival of the new Uzbekistan // Economy of

- Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 4. P. 395–404. DOI: 10.18334/asia.5.4.114529 (in Rus).
5. Russian interests in Central Asia: content, perspectives, restraints / [V. V. Naumkin, etc.]; [Chief Editor I. S. Ivanov]; Russian Council on International Affairs (INF). M. : Spec-kniga, 2013. 64 p (in Rus).
 6. Komissina I. N., Kurtov A. A. Shanghai cooperation organization: the formation of a new reality / ed. Kozhokin E. M. M. : RISS, 2005. 117 p (in Rus).
 7. Makkambayev P. A. The current state of the emerging regional security system of Central Asia // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 3. P. 273–296. DOI: 10.18334/asia.5.3.112997 (in Rus).
 8. Malashenko A. V. Central Asia: what is Russia counting on? M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. 118 p (in Rus).
 9. Ozhigina V. V. Structural changes in trade EAEU, ASEAN, SCO and EU // International trade and trade policy. 2018. N 1. P. 50–66. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-50-66 (in Rus).
 10. From Turkestan to Central Asia: the political future of the region / ed. A. A. Krivopalov. M. : Scientific Expert, 2016. 114 p (in Rus).
 11. Talipova N. T. Impact of foreign investment on the economy of Uzbekistan // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 4. P. 439–446. DOI: 10.18334/asia.5.4.113940 (in Rus).
 12. Feigenbaum E. Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia // Russia in Global Politics [Rossiya v global'noi politike]. 2007. Vol. 5. N 6. P. 122–131 (in Rus).
 13. Fan S. Existing mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and their problems to combat unconventional security challenges // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2021. Vol. 16. N 1. P. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05 (in Rus).
 14. Shanghai organization of cooperation after expansion: risks, opportunities and prospects / comp.: T. T. Sultanov, ex. ed.: B. K. Sultanov. Almaty : IMIRS KNU, 2018. 142 p (in Rus).
 15. Shanghai Cooperation Organization: from formation to comprehensive development: (materials of the Third meeting of the SCO Forum, China, Beijing, May 19–21, 2008) / edited by A. V. Lukin. M. : MGIMO (U), 2008. 145 p (in Rus).
 16. Yalygin D. Yu. Central Asia in the 2020s: issues, forecasts, prerequisites for economic development // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2020. Vol. 4. N 2. P. 89–100. DOI: 10.18334/asia.4.2.110259 (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Nina V. Shevchuk, Leading Researcher of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; shevchuk-nv@ranepa.ru

Nikita M. Senik, Leading Specialist of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); seniknik@ya.ru

Guo Shuhong, Professor of Dalian University of Technology (Dalian, People's Republic of China), Doctor of Science (Economics), Professor; lenaguo@dlut.edu.cn

Является ли российская экономика рыночной?

Жириева Е. В. *, Наумов В. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *zhiryayeva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — оценить, является ли Россия рыночной экономикой. На случай утери Россией статуса страны с рыночной экономикой проверялась статистическая гипотеза о значимом отличии средних значений общенациональных ставок антидемпинговых пошлин США для рыночных и нерыночных экономик. Статус России анализируется на основе данных ЕБРР за 2021–2022 гг., отчета 2021 г. Секретариата ВТО о торговой политике Российской Федерации, рассматриваются претензии, выраженные ЕС и США в отношении госзакупок и требований локализации на заседаниях Комитетов ВТО по торговле товарами и по связанным с торговлей инвестиционным мерам в 2020–2021 гг. Антидемпинговые пошлины оценивались на основе нотификации США об антидемпинговых расследованиях за 10.01.2021–30.06.2021. Были использованы методы математической статистики, а также система IBM SPSS statistics. По данным ЕБРР Россия как «устойчивая рыночная экономика» оценена в среднем в 5,9 баллов из 10 возможных. Отмечено отставание по показателю интегрированности. Политика ценообразования не вызывает претензий со стороны членов ВТО, однако политика госзакупок, локализации и импортозамещения российского правительства не удовлетворяет ожиданиям стран — членов ВТО. Выявлено, что вытеснение иностранных производителей при широко трактуемых «госзакупках» является наиболее слабым элементом среди оцениваемых. Нарушены конкретные обязательства протокола о вступлении России в ВТО (п. 99 Доклада рабочей группы) «осуществлять закупки, если они не предназначены для государственных нужд, руководствуясь коммерческими соображениями, не препятствуя конкуренции со стороны предприятий других стран — членов ВТО за участие в таких закупках». Грозящая потеря рыночного статуса в отношениях с США может увеличить антидемпинговые пошлины на товары российского экспорта на 287 процентных пунктов. Выявленная тенденция роста общенациональных ставок для стран с нерыночной экономикой позволяет сделать вывод о повышении уровня дискриминации стран с нерыночной экономикой. Подтверждена гипотеза о том, что отличие средних значений общенациональных ставок антидемпинговых пошлин США для рыночных и нерыночных экономик является значимым.

Ключевые слова: рыночная экономика, нерыночная экономика, ВТО, антидемпинговые расследования, нормальная цена, суррогатная страна, госзакупки, ценообразование, государственные торговые предприятия

Для цитирования: Жириева Е. В., Наумов В. Н. Является ли российская экономика рыночной? // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 79–94.

Is the Russian Economy a Market Economy?

Elena V. Zhiryayeva*, Vladimir N. Naumov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *zhiryayeva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to assess whether Russia is a market economy according to the set of criteria. In the event that Russia loses the status of a country with a market economy, a statistical hypothesis was tested about a significant difference in the average values of national rates of US anti-dumping duties for market and non-market economies. The status of Russia is analyzed based on EBRD data for 2021–2022, the 2021 report of the WTO Secretariat on the trade policy of the Russian Federation. The claims expressed by the EU and the United States regarding government procurements and localization requirements at meetings

of the WTO Committees on Trade in Goods and on Trade-Related Investment measures in 2020–2021 are considered. Anti-dumping duties were estimated based on the US notification of anti-dumping investigations for 10.01.2021–30.06.2021. Methods of mathematical statistics were used, as well as the IBM SPSS statistics system. According to the EBRD, Russia as a “sustainable market economy” is rated at an average of 5.9 points out of 10 possible. A lag in terms of integration was noted. The pricing policy does not cause complaints from the WTO members, however, the policy of government procurements, localization and import substitution of the Russian government does not meet the expectations of the WTO member countries. It was revealed that the exclusion of foreign manufacturers in the widely interpreted “government procurements” is the weakest element among those assessed. The specific obligations of the protocol on Russia’s accession to the WTO (paragraph 99 of the Report of the working group) “to make purchases, if they are not intended for state needs, guided by commercial considerations, without interfering with competition from enterprises of other WTO member countries for participation in such procurements” are violated. The impending loss of market status with the US could increase anti-dumping duties on Russian exports by 287 percentage points. The revealed upward trend in national rates of anti-dumping duties for countries with non-market economies allows us to conclude that the level of discrimination against countries with non-market economies is increasing. The hypothesis that the difference between the average values of the national rates of US anti-dumping duties for market and non-market economies is significant is confirmed.

Keywords: market economy, non-market economy, WTO, anti-dumping investigations, normal price, surrogate country, public procurements, pricing, state trade enterprises

For citing: Zhiryayeva E. V., Naumov V. N. Is the Russian economy a market economy? // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 79–94.

Введение

Экономический статус страны на мировой арене описывается различными категориями. Экономика может быть рыночной (РЭ) и нерыночной (НРЭ). Статус РЭ дает стране-члену ВТО право на стандартное антидемпинговое расследование. Страна с нерыночным статусом должна совершить переходный процесс. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) отслеживает состояние трансформации стран с переходной экономикой своего региона. Вопрос о том, когда же завершится переходный процесс, представляется весьма актуальным. На сегодня и США, и ЕС признают Россию РЭ, однако она все еще считается переходной экономикой в ЕБРР, а США планируют пересмотреть свое решение. В данной статье будут исследоваться условия, позволяющие характеризовать Российскую Федерацию как РЭ и последствия изменения статуса.

Теоретическое представление о РЭ вытекает из предпосылок первой фундаментальной теоремы экономики благосостояния, при выполнении которых конкурентный рынок приводит к эффективному распределению ресурсов. Согласно этим предпосылкам РЭ характеризуется совершенной конкуренцией, отсутствием транзакционных издержек, каждый агент обладает полной информацией, отсутствуют монополии, ценообразование свободно, имеется возможность свободного входа на рынок и выхода.

В литературе приводится определение, данное ЮНКТАД в словаре терминов для программы Asycuda: РЭ — национальная экономика страны, которая в значительной степени зависит от рыночных сил, определяющих уровни производства, потребления, инвестиций и сбережений без вмешательства государства [7]. Когда в 1991 г. Чехословакия повторно подала заявку на членство во Всемирном банке (ВБ) и запросила помощи в переходе к РЭ, ВБ выпустил доклад, в котором статус РЭ был определен следующим образом. Требуется современная банковская система с четким разделением между Центральным банком, отвечающим за денеж-

но-кредитную политику и банковский надзор, с одной стороны, и коммерческим банковским сектором, с другой. Государство должно играть активную роль в развитии конкуренции и недопущении монополий, необходимо избегать регулирования, которое может быть использовано для усиления монопольной власти. ВБ указывает, что контроль над ценами — это важный вопрос при оценке правильного функционирования РЭ. Контроль допускается только для некоторых видов деятельности — естественных монополий, социальных услуг [1].

Во второй половине XX в. считалось, что система ГАТТ была соглашением стран с РЭ, в отличие от Совета экономической взаимопомощи, объединяющего плановые экономики [7]. Переговоры по ГАТТ велись без особого рассмотрения правил, применимых к НРЭ. Одним из основных исключений было отношение к государственной торговле. Включение статьи XVII в ГАТТ наложило на страны общее обязательство не допускать дискриминации со стороны «государственных торговых предприятий». Статья XVII не разрабатывалась специально для НРЭ, она применяется ко всем странам [3].

Первая дискуссия о НРЭ в многосторонней торговой системе состоялась во время Обзорной сессии ГАТТ 1954–1955 гг. Есть сведения, что практика специального отношения к НРЭ применялась со времен антидемпингового расследования по поводу велосипедов из Чехословакии, которое датируется 1960 г. [2]. Албания, Болгария, Камбоджа, Чехословакия, Венгрия, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз и Вьетнам также подвергались такому обращению в ходе антидемпинговых расследований во времена ГАТТ в предположении, что чрезмерное вмешательство государства сделало внутренние цены в этих странах не вызывающими доверия [2]. В 1950–1960-х годах допуск к ГАТТ Польши, Румынии и Венгрии привел к созданию специального антидемпингового правила для определения нормальной цены на рынках, где доминировали государственные монополии. Дополнительное примечание к статье VI ГАТТ (Ad Note) было предложением Чехословакии, которая хотела предотвратить дискриминационное применение антидемпинговых мер против контролируемой государством экономики. В частности, цель состояла в том, чтобы избежать сравнения административно определяемой внутренней цены с экспортной ценой, отражающей рыночные условия [2].

В 1955 г. Ad Note было принято. Статья VI ГАТТ, содержащая положения о субсидиях и демпинге, толкуется в Ad Note следующим образом: «Признается, что в случае импорта из страны, имеющей **полную или практически полную монополию своей торговли, и где все внутренние цены фиксированы государством**, могут возникнуть особые трудности при определении сопоставимости цен (...)». Это толкование было подтверждено Апелляционным органом в деле «ЕС — Fasteners». При этом Апелляционный орган указал, что существуют и другие формы НРЭ, к которым Ad Note может быть неприменимо, но они могут быть признаны таковыми. Два раунда многосторонних торговых переговоров — Кеннеди (1964–1967) и Токийский (1973–1979) — уступили трудности с интеграцией стран с разными моделями разделения в общую систему прав и обязанностей. Тем не менее Ad Note осталось без внимания. Участники переговоров без проверки перенесли его в новый текст Уругвайского раунда [4].

Значение Ad Note состоит в том, что оно косвенно породило концепцию НРЭ в ГАТТ и признание того, что стороны, подписавшие ГАТТ, могут иметь разные экономические структуры. Другими словами, предложение Чехословакии лишь подчеркнуло «неуместность» строгого сравнения с внутренней ценой в качестве основы для расчета демпинговой маржи. В действительности, Ad Note позволяло пользователям антидемпинговых мер проявлять гибкость [2]. Поскольку НРЭ Центральной Европы были относительно небольшими, появившееся ограничение не представляло собой системную проблему до начала переговоров о присоединении

Китая к ГАТТ/ ВТО [3]. Среди крупнейших экономик только Китай и Россия подверглись такому режиму после создания ВТО. Советская торговля прекратила свое существование с 29 января 1992 г., когда Президент РФ Борис Ельцин подписал указ о свободе торговли. С этого момента определение нерыночной экономики, данное в Ad Note, должно было стать неактуальным в отношении России.

В то время как Россия получила статус РЭ от США и Европейского союза в 2002 г. (почти за десять лет до ее вступления в ВТО), члены ВТО сохранили возможность рассматривать Китай в качестве НРЭ в течение 15 лет после присоединения [2]. Переговоры Китая длились с 1986 по 2001 г. Возникли трудности с применением к Китаю специальной антидемпинговой нормы, изобретенной в 1950-х гг. При вступлении Китай обязался провести ряд реформ, касающихся субсидий, управления государственными предприятиями и либерализации банковской системы, которые обеспечили бы равные условия для Китая и других стран в рамках ВТО, а также согласился взять на себя ряд дополнительных обязательств. Среди них наиболее спорным является Раздел 15 Протокола о присоединении, позволяющий членам ВТО рассматривать Китай в качестве НРЭ при проведении антидемпинговых расследований [3].

Раздел 15 (а) разрешает другим членам ВТО для сравнения цен использовать методологию, не основанную на китайских затратах или ценах, с учетом условий, указанных в подпунктах (а)(i) и (а)(ii). Раздел 15 (а) предусматривает две методологии определения цен для сравнения с экспортной ценой: (i) в соответствии с обычной методологией должны использоваться внутренние китайские цены, если китайские производители, в отношении которых ведется расследование, могут показать, что преобладают условия рыночной экономики; и (ii) в соответствии со специальной методологией будут использоваться некитайские затраты и цены, если не будут установлены условия рыночной экономики. Вводная часть Раздела 15 (а) позволяет использовать методологию, которая не основана на строгом сравнении с китайскими затратами и ценами. Поскольку вводная часть не предписывает альтернативы китайским затратам и ценам, альтернативой им должна быть методология суррогатной страны [2]. Подраздел (а) (ii) Раздела 15 истекает по истечении пятнадцати лет, т.е. 11 декабря 2016 г.

Раздел 15 вызвал спор, который Китай инициировал против ЕС в ВТО через день после установленного пятнадцатилетнего срока. Китай считает, что применение методологии НРЭ должно быть прекращено. ЕС и США полагали, что истекшая часть раздела 15 касается только «бремени доказывания» [3]. Перед лицом вызова Китая ЕС внес поправки в свое антидемпинговое регулирование, заменив методологию НРЭ нейтральной для страны методологией, которая направлена на устранение рыночных искажений, вызванных вмешательством государства («Правило рыночных искажений»)¹. Страны, которые ранее предоставили Китаю признание рыночной экономики, сделали это в основном по политическим причинам (при заключении соглашений о свободной торговле), а не в связи с крайним сроком в 2016 г. [5].

Таким образом, на основании Ad Note члены ВТО будут применять подход суррогатной страны по отношению к стране, которая рассматривается как НРЭ. Подход был впервые применен в отношении Китая в расследовании по делу о натуральном ментоле, когда Министерство торговли США выбрало Парагвай в качестве

¹ Регламент (ЕС) 2017/2321 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2017 г., вносящий поправки в Регламент (ЕС) 2016/1036 о защите от демпингового импорта из стран, не являющихся членами Европейского союза, и Регламент (ЕС) 2016/1037 о защите субсидируемого импорта из стран, не являющихся членами Европейского союза, 2017 года ОJ (L338/1).

суррогатной страны [2]. Хотя это сомнительное положение не рассматривалось в рамках многосторонних переговоров Уругвайского раунда, возможно, не без скрытых мотивов, его предполагали оставить на рассмотрение на национальном уровне [4]. Некоторые страны вообще не включили соответствующее положение в свое законодательство. Подавляющее большинство изученных ЮНКТАД стран предпочли ввести одностороннее толкование этого деликатного положения [4].

В решениях по вопросу о НРЭ Министерство торговли США применяет пять основных критериев и ряд других требований. В законодательстве США (Tariff Act of 1930, USC), в томе 19, § 1677 (18)¹ определяется, что такое НРЭ. Это (А) любое иностранное государство, которое, как считает административный орган, не основывается на рыночных принципах ценообразования, в результате чего товары в этой стране не продаются по справедливой стоимости. Принимая такое решение, административный орган должен учитывать:

- (i) конвертируемость валюты иностранного государства,
- (ii) степень, в которой ставки заработной платы определяются в результате свободных переговоров между работниками и руководством,
- (iii) степень, в которой разрешены совместные предприятия или другие иностранные инвестиции,
- (iv) степень государственной собственности,
- (v) степень государственного контроля над распределением ресурсов и ценами, а также решениями предприятий, и
- (vi) другие факторы, которые будут сочтены целесообразными.

Среди прочих требований, подпадающих под действие пункта (vi) «Другие факторы» в ходе антидемпинговых расследований Министерство торговли США обычно проверяет наличие и действие антимонопольного законодательства и законов о ценных бумагах, а также наличие таможенного и антидемпингового законодательства [4]. Любое определение того, что иностранное государство является страной с нерыночной экономикой, остается в силе до тех пор, пока оно не будет отозвано административным органом. Административный орган может в любое время принять решение в соответствии с подпунктом (А) в отношении любого иностранного государства. Если страна официально не обозначена как НРЭ, предполагается, что она имеет рыночную экономику.

Для целей применения законов США об антидемпинговых и компенсационных пошлинах следующие 11 стран являются НРЭ: Армения, Азербайджан, Беларусь, Китай, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Вьетнам². США предоставили России статус РЭ с 1 апреля 2002 г., признавая огромные изменения, произошедшие в российской экономике за десятилетие. Это отношение эффективно ограничило антидемпинговые пошлины на импорт металлов, удобрений, титана и ряда других российских товаров. В августе 2021 г. США³ открыли пересмотр определения России как «страны с РЭ». Ситуация возникла в связи с жалобой компании из Оклахомы, утверждавшей, что российская карбамид-аммиачная селитра продается в Соединенных Штатах ниже, чем по справедливой стоимости.

¹ United States Code. 2012 Edition. Supplement 4. Title 19 // CUSTOMS DUTIES [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCODE-2016-title19/USCODE-2016-title19-chap4-subtitleIV-partIV-sec1677> (дата обращения: 25.01.2022).

² U. S. Antidumping & Countervailing Duties. Official Website of the International Trade Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.gov/nme-countries-list> (дата обращения: 25.01.2022).

³ U. S. Reviewing Russia's 'Market Economy' Status. The Moscow Times. Aug. 16, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2021/08/16/us-reviewing-russias-market-economy-status-a74806> (дата обращения: 25.01.2022).

Moscow Times, комментируя это заявление, указывает, что, «несмотря на неоднозначную приватизацию страны в 1990-х годах, в экономике России по-прежнему доминирует государство и предприятия, контролируемые государством». Так, Алексей Кудрин, глава Счетной палаты, сетовал на то, что только четыре из 10 крупнейших компаний страны являются частными. Лишение статуса РЭ может вызвать неблагоприятные для торговых отношений двух стран последствия. Согласно исследованию Счетной палаты Правительства США, метод суррогатной страны ведет к более высоким антидемпинговым пошлинам. Исследование показало, что за 25 лет в 25 случаях Министерство торговли США применяло пошлины к одним и тем же товарам как из Китая, так и, по крайней мере, из одной страны РЭ. Ставки пошлин, назначаемые в этих случаях, сильно различались. Однако в среднем ставки, применяемые к Китаю, были более чем на 20 процентных пунктов выше, чем ставки, применяемые к странам РЭ. Эта разница в первую очередь связана со сравнительно высокими общенациональными ставками пошлин, применяемыми к китайским компаниям, не имеющим права на индивидуальные ставки. Эти общенациональные ставки составляли в среднем около 98%, что более чем на 60 процентных пунктов выше средних ставок пошлин, установленных для компаний из РЭ, не получающих индивидуальных ставок. Напротив, когда Министерство торговли рассчитывало индивидуальные ставки для китайских компаний, эти ставки в среднем существенно не отличались от ставок, установленных для отдельных компаний РЭ [9].

Европейское Сообщество в ст. 7(с) Регламента Совета (ЕС) № 384/96 установило несколько характеристик рыночной экономики, которыми должен обладать производитель из НРЭ. Из-за изменения парадигмы обсуждения НРЭ, вызванного размером экономики Китая, Регламент Совета ЕС 1225/2009¹ отменил этот документ и добавил новые и более конкретные положения. Не считаются рыночными экономиками Азербайджан, Беларусь, Северная Корея, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В преамбуле, п. (6) Регламента, говорится, что в ходе определения нормальной стоимости для НРЭ следует выбрать подходящую третью РЭ, цены которой будут приняты к рассмотрению. Юридическое определение НРЭ дано в п. 7(b) ст. 2. Хотя Казахстан не перечислен выше как страна, экономику которой ЕС не считает рыночной, в данном пункте речь идет о Казахстане и любой другой стране с нерыночной экономикой. При проведении антидемпинговых расследований в отношении таких членов ВТО нормальная стоимость может быть определена обычным способом, если на основании требований предприятия производителя — объекта расследования — и в соответствии с критериями, изложенными в подпункте (с) ниже, будет показано, что этот производитель работал в условиях рыночной экономики. Если это не так, применяются правила, изложенные в подпункте (а), а именно: нормальная цена определяется на основе цен в суррогатной третьей стране.

Согласно подпункту (с) производитель, претендующий на рыночный статус, должен представить следующие доказательства: решения фирм о ценах, издержках и затратах отвечают на рыночные сигналы, отсутствует значительное вмешательство государства, компании получают ресурсы по рыночной стоимости; фирмы имеют набор основных бухгалтерских записей, которые проходят независимую проверку по международным стандартам бухгалтерского учета и применяются для всех целей; производственные затраты и финансовое положение фирм не искажены вследствие существовавшей прежде нерыночной системы хозяйства (в отношении амортизации, бартерной торговли, встречных расчетов); на фирмы рас-

¹ Council Regulation (EC) No 1225/2009 of 30 November 2009 on protection against dumped imports from countries not members of the European Community (codified version) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R1225&from=EN> (дата обращения: 25.01.2022).

пространяется действие законов о банкротстве и собственности, что гарантирует правовую определенность и стабильность производственного процесса; валюта обменивается по рыночному курсу.

Как указывает А. Полуэктов, далеко не все страны с устоявшейся «рыночной экономикой» подпадают под действие требований, перечисленных выше. «Случай со многими развивающимися странами был бы еще более неловким» [4]. Полагают, что ВТО не может должным образом контролировать особенности международной торговли между рыночными и нерыночными экономиками [7].

Цель данной статьи — оценить, является ли Россия РЭ по совокупности критериев.

Методы и материалы исследования

Статус России анализируется на основе данных ЕБРР за 2021–2022 гг., отчета 2021 г. Секретариата ВТО о торговой политике Российской Федерации. Рассматриваются претензии, выраженные ЕС и США в отношении госзакупок и требований локализации на заседаниях Комитетов по торговле товарами и по связанным с торговлей инвестиционным мерам в 2020–2021 гг. Информация о государственных торговых предприятиях взята из нотификаций стран в ВТО.

Антидемпинговые пошлины США в отношении РЭ и НРЭ оценивались на основе нотификации США об антидемпинговых расследованиях за 10.01.2021–30.06.2021¹. Отчет включил данные о пятидесяти индивидуальных пошлинах для двух стран с нерыночной экономикой (Китай, Вьетнам) и двадцати восьми стран с рыночной экономикой. При решении задач анализа антидемпинговых пошлин США в отношении НРЭ в сравнении с РЭ были использованы методы математической статистики, а также система IBM SPSS statistics. Сравнительно небольшой размер анализируемой выборки определил необходимость использования интервальной оценки характеристик анализируемых случайных величин, а также проверки статистических гипотез. В ходе анализа проверялась статистическая гипотеза о значимом отличии средних значений общенациональных ставок для РЭ и НРЭ. С этой целью был применен статистический критерий Стьюдента для двух независимых выборок с одинаковыми и разными дисперсиями. Первую и вторую выборки составляли данные отчета для стран с рыночной и нерыночной экономикой соответственно. В силу того, что они являются не сбалансированными (42 и 8 наблюдений), с помощью бутстреп-метода были сгенерированы повторные выборки, что позволило построить доверительные интервалы оценок средних.

Результаты

Рассмотрим, прежде всего, насколько велико присутствие государства в экономике. Исторические оценки ЕБРР показывают, что доля частного сектора в ВВП России составляла в 2004 г. 70%, затем сократилась до 65% и осталась на этом уровне до 2010 г. В дальнейшем ЕБРР сменил методику оценки процесса перехода к РЭ, которая теперь называется «устойчивой рыночной». В этом аспекте важным является, насколько конкурентоспособной, хорошо управляемой, экологичной, инклюзивной, устойчивой и интегрированной она является. Оценки выставляются в интервале от 1 до 10. Согласно «Transition report 2021–2022» российская экономика отстает от средних значений для региона ЕБРР только по одному параметру — интегрированности (табл. 1).

¹ WTO Documents online.G/ADP/N/357/USA, 13 October 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/G/ADP/N357USA.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2022).

Показатели процесса перехода для российской экономики, 2021 г.

Table 1. Indicators of the transition process for the Russian economy, 2021

Показатели	Конкуренгоспособная	Хорошо управляемая	Экологичная	Инклюзивная	Устойчивая	Интегрированная
Российская Федерация	5,95	5,73	5,49	6,89	6,33	4,84
Средние значения для региона ЕБРР	5,27	5,59	5,35	5,71	6,17	5,82

Источник: Transition Report 2020–21. European Bank for Reconstruction and Development [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html> (дата обращения: 25.01.2022).

Интеграция относится как к международным физическим связям экономики (участие в крупных трансграничных проектах, транспортных, энергетических и ИТ-сетях), так и существующему на национальном уровне взаимодействию между портами, аэропортами, электрическими сетями, городами и сельскими районами. Доля государственной собственности, как считает ЕБРР, была важным показателем экономического перехода в 1990-е гг., но сейчас за ней следят менее внимательно [8]. В отчете 2020–2021 гг. отмечалось, что государственные предприятия исторически играли важную роль во всех регионах операций ЕБРР. В целом доля частного сектора в экономике растет в странах региона. Однако во многих секторах государственная собственность по-прежнему преобладает, а в Венгрии, Польше и Турции даже возросла. Многие крупномасштабные планы приватизации застопорились или осуществлялись очень медленно. Государственные предприятия более распространены там, где административный потенциал ниже. В таких случаях они могут рассматриваться как второй по значимости вариант политики. Сетевой анализ показал [8], что в российской сети относительно мало политических партий, но много государственных и частных компаний, занимающих в ней стратегические или центральные позиции. В этом докладе, специально посвященном государственным предприятиям, Россия упоминается также в связи с важной ролью государственных предприятий на международном уровне: «Роснефть» и «Газпром» котируются на основных фондовых биржах.

В 2018 г. МВФ опубликовал отчет [6], где отмечается, что российское государство «оставляет глубокий след в экономике». В частности, в 2016 г. «государство производило около одной трети добавленной стоимости России». Велика доля государства в отраслях, считающихся стратегическими, в естественных монополиях, государственных услугах, в финансовой сфере, государственном управлении, обороне, здравоохранении и образовании.

Россия провела глубокое реформирование основ экономики в период, совпавший с процессом присоединения к ГАТТ/ВТО. В Докладе рабочей группы по присоединению РФ к ВТО¹ отмечается, что Банк России активно использует рыночные ин-

¹ Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации ко Всемирной торговой организации. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/wto/doc20120201_0017 (дата обращения: 25.01.2022).

струменты (п. 10), предоставляет средства кредитным институтам на рыночной базе (п. 12). Цены регулируются государством лишь в отдельных отраслях на прозрачной основе (п. 100). Происходит выравнивание железнодорожных тарифов до уровня тарифов на сухопутную перевозку импортных грузов (п. 114). За счет реформ на рынке электроэнергии — разделения и приватизации компаний, снижения участия государства в регулировании тарифов — формируется конкурентный рынок электроэнергии (п. 119). Правительство развивает рыночные принципы ценообразования на внутреннем рынке газа (п. 130). Любые антиконкурентные рыночные структуры подпадают под антимонопольное законодательство (п. 136). Россия взяла на себя конкретные обязательства по следующим пунктам Доклада рабочей группы:

72. Обеспечить прозрачность программы приватизации.

99. В Российской Федерации имеется несколько типов предприятий с государственным участием. Это предприятия, которые контролируются, находятся в собственности государства или пользуются специальными привилегиями. Такие предприятия будут осуществлять закупки, если они не предназначены для государственных нужд, руководствуясь коммерческими соображениями, не препятствуя конкуренции со стороны предприятий других стран-членов ВТО за участие в их закупках. Российская Федерация обязалась предоставлять нотификации в отношении государственных торговых предприятий.

132. Цена производителей и дистрибуторов природного газа при поставках национальным промышленным потребителям должна будет покрывать расходы и обеспечивать извлечение прибыли, т. е. быть конкурентной. Регулирование цен на газ сохранится для домашних хозяйств и некоммерческих потребителей.

133. Регулирование цен сохранится на исчерпывающий список товаров, перечисленных в таблицах 7–9 приложения к Докладу рабочей группы. Любое изменение списков будет публиковаться.

В сентябре 2021 г. ВТО провела второй обзор торговой политики России¹. В отношении контроля цен отмечается, что цены в Российской Федерации определяются свободно рыночными силами, за исключением отдельных отраслей. Указ Президента РФ² устанавливает основные принципы государственного регулирования цен на внутреннем рынке. Цены регулируются, в том числе, по следующим направлениям: электроэнергия; тепловая энергия; водоснабжение и водоотведение; железнодорожный транспорт; природный газ; транспортировка нефти и нефтепродуктов; услуги государственной и почтовой связи; обслуживание на транспортных терминалах, в портах и аэропортах; инфраструктура на внутренних водных путях; услуги на Северном морском пути; аэронавигационное обслуживание; обращение с твердыми бытовыми отходами. Большинство рынков, на которых распространяется регулирование цен, функционируют в условиях естественных монополий.

В отношении государственной торговли, государственных предприятий и приватизации был сделан ряд замечаний. Российская Федерация не подавала нотификаций в ВТО о государственных торговых предприятиях по смыслу статьи XVII ГАТТ и договоренности о ее толковании. На наш взгляд, сам факт подачи таких нотификаций (табл. 2), свидетельствовал бы о желании страны сотрудничать.

¹ Russian Federation. Trade policy review. Report by the Secretariat. WT/TPR/S/416. 22 September 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s416_e.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

² О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов). Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 1995 года № 221 (в редакции от 30 апреля 2016 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5889/ (в редакции от 30 апреля 2016 года) (дата обращения: 25.01.2022).

Государственные торговые предприятия НРЭ
Table 2. State-owned trading enterprises of the non-market economy

Страна	Дата последней нотификации	Число государственных торговых предприятий
Китай	12 ноября 2021	63+ Перечень государственных торговых предприятий по экспорту сурьмы, вольфрама и серебра публикуется раз в два года
Армения	12 февраля 2013	0
Грузия	18 сентября 2020	0
Киргизия	28 мая 2020	0
Молдова	6 июля 2020	0
Таджикистан	Не подавалась	–
Вьетнам	20 апреля 2016	2
Казахстан	9 декабря 2020	1
Россия	Не подавалась	–

Источник: нотификации стран.

В Гражданском кодексе Российской Федерации указаны три возможные организационно-правовые формы, в которых могут существовать государственные предприятия: унитарные, акционерные общества (АО) и государственные корпорации. Согласно данным, предоставленным властями страны, количество унитарных предприятий сократилось с 23 262 на 1 января 2016 г. до 13 801 на 1 января 2020 г. Так, Рособоронэкспорт, Почта России и Росспиртпром, которые на момент предыдущего обзора были унитарными, теперь существуют в форме АО. Общее количество государственных АО с долей государства более 30% сократилось на 30% (с 1557 на начало 2016 г. до 1084 к 2019 г.), среди которых число АО с долей государства более 50% за тот же период уменьшилось на 45%. Примеры государственных корпораций включают ВЭБ, Фонд содействия реформированию ЖКХ, Ростех, Росатом и Роскосмос. Статистические данные о количестве государственных корпораций представлены не были. В январе 2020 г. правительство опубликовало план приватизации на 2020–2022 гг., в ходе реализации этого плана в 2020 г. было приватизировано 49 коммерческих обществ, 9 федеральных государственных унитарных предприятий и 315 других объектов государственной собственности.

Члены ВТО на встречах комитета по TRIMS с 2016 г. выражают озабоченность по поводу закупок российскими госпредприятиями, которые должны были бы происходить на коммерческой основе. В октябре 2020 г. Европейский союз¹ вновь выразил обеспокоенность в связи с тем, что государство продолжает требовать от государственных и других предприятий предоставлять преференции отечественным товарам и услугам при их закупках. ЕС призвал Россию четко разграничить правила закупок для государственных нужд и закупок на коммерческих основаниях, так, чтобы в последних не делалось никакого различия между иностранными и отечественными товарами и услугами.

¹ WTO Documents online.G/TRIMS/M/48, 30 October 2020 г., п. 33–44 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=279223,274192,267908,260505,258940,257080,252154,248360,243819,237567&CurrentCatalogueIdIndex=2&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 25.01.2022).

Делегат ЕС указал, что Российская Федерация продолжает проводить политику импортозамещения и форсированной локализации производства, что противоречит духу, а зачастую и букве обязательств перед ВТО. Кроме того, в августе 2020 г. Министерство промышленности и торговли предложило правительству расширить сферу действия прямых запретов на импортную продукцию. Существующее Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 616 расширило объем предыдущих запретов примерно на треть — до 125 промышленных товаров. Теперь министерство предложило добавить еще 23 новые категории (промышленные краны, пассажирские подъемники и т. д.), что позволит довести перечень до 148 товаров.

Соединенные Штаты определили пять новых мер, которые, по их мнению, содержат требования местного содержания, в основном направленные на закупки государственных предприятий. Среди этих мер был Закон № 429 от 2 декабря 2019 г., предписывающий предварительную установку некоторых российских программных приложений на определенные «технически сложные товары». Соединенные Штаты были обеспокоены тем, что расширение требований к местному контенту до установки приложений в технологических продуктах представляет собой опасное новое направление для таких требований. Очевидное расширение российских мер по локализации заставляет частные компании отдавать предпочтение товарам, услугам и работам, произведенным в России, а не импорту.

На встрече Комитета по торговле товарами¹ в марте 2021 г. представитель ЕС указал, что Россия внесла поправки в Федеральный закон № 223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в виде положений, расширяющих хозяйственную деятельность, подпадающую под действие данного закона. Введены фиксированные квоты на закупку иностранной продукции государственными органами и госпредприятиями. Хотя имплементационные акты еще не приняты, это стало еще одним шагом в отступлении от правил ГАТТ и ГАТС. Соединенные Штаты выделили три конкретных вопроса: принудительная локализация, мандат на предварительную установку программного обеспечения и режим отслеживания. Соединенные Штаты продолжают выражать обеспокоенность по поводу растущего списка российских мер, благоприятствующих отечественным товарам, работам и услугам за счет прямого импорта. В своих новых попытках контролировать экономику Россия предложила классифицировать все государственные предприятия и госкорпорации как объекты «критической информационной инфраструктуры». Такой шаг, по мнению США, обозначил бы почти половину российской экономики как «критическую» и позволил бы российскому правительству осуществлять еще больший контроль над коммерческими решениями этих предприятий, включая их решения о закупках.

Рассмотрим, какие последствия могут наступить для экспорта российской продукции в США, если страна будет признана НРЭ. Результаты оценки антидемпинговых пошлин США приведены в табл. 3 и 4. Средние значения общенациональных ставок составляют 324% и 37% для НРЭ и РЭ соответственно. Отметим, что данная разность (287 процентных пунктов) значительно больше, чем разность, выявленная в исследовании, проведенном Счетной палатой Правительства США по данным за 1980–2004 гг., где она составляла около 60 процентных пунктов.

Средняя разность между ставками составляет –2,87 (287%), что говорит о значимом отличии ставок для стран рыночной и нерыночной экономик на высоком уровне (0,009) с доверительным интервалом этой разности с границами от –4,45 до –1,41. Подтверждается как односторонняя, так и двухсторонняя гипотеза о зна-

¹ WTO Documents online.G/C/M/138, 12 March 2021 г., п. 31.1–31.17 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=278022,278030,274819,271883,267469,267186,262032,258371,256665,255961&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=1&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 25.01.2022).

Статистика данных по общенациональным ставкам антидемпинговых пошлин США
 Table 3. Statistics on national rates of US anti-dumping duties

Экономика	Статистика		Бутстреп			
			Смещение	Среднеквадратичная ошибка	95% доверительный интервал	
					Нижняя	Верхняя
РЭ	Объем выборки	42				
	Среднее	0,37	0,00	0,07	0,24	0,52
	Среднеквадратичное отклонение	0,45	-0,02	0,09	0,22	0,60
	Среднеквадратичная ошибка среднего	0,07				
НРЭ	Объем выборки	8				
	Среднее	3,24	0,00	0,75	1,80	4,83
	Среднеквадратичное отклонение	2,12	-0,19	0,44	0,80	2,65
	Среднеквадратичная ошибка среднего	0,75				

Источник: расчеты авторов.

Таблица 4

Результаты проверки гипотез
 Table 4. Hypothesis Test Results

Гипотеза	Критерий равенства дисперсий Ливиня, F	Значимость	t-критерий для равенства средних							
			Значение критерия	Степени свободы	Значимости		Средняя разность	Среднеквадратичная ошибка разности	95% доверительный интервал для разности	
					Односторонний критерий	Двухсторонний критерий			Нижняя	Верхняя
Предполагаются равные дисперсии	61,54	0,00	-8,16	48	0,000	0,000	-2,87	0,35	-3,58	-2,16
Не предполагаются равные дисперсии	-	-	-3,81	7,121	0,003	0,006	-2,87	0,75	-4,65	-1,09

Источник: расчеты авторов.

чимом отличии общенациональных ставок для стран с разными видами экономик (табл. 4). Несмотря на сравнительно большую ошибку оценки средних и широкий доверительный интервал, существует эффект разности. Его размер, вычисленный с помощью критерия d-Коэна, составляет 0,91, что по таблице, предложенной Д. Коэном и развитой Ш. Савиловским, можно отнести к большому размеру. Напомним, что критерий вычисляется как разница между двумя средними значениями, деленная на ее стандартное отклонение. Если полученное значение принадлежит диапазону [0,8; 1,2], то размер эффекта (отличий) считается большим.

Приведенная на рис. ящичная диаграмма, полученная в результате оценки данных за первое полугодие 2021 г., показывает отличия в распределении значений общенациональных ставок для РЭ и НРЭ. Ящики для двух видов экономики практически не пересекаются. Имеется положительная асимметрия и «длинный правый хвост» для общенациональных ставок НРЭ. Несмотря на выбросы и экстремальные значения, обозначенные на диаграмме кружками и звездочками, их значения не превышают медианные значения (горизонтальная линия) для НРЭ. Диаграммы показывают на значительные отличия в распределении значений ставок для стран с двумя видами экономики.

Для построения моделей регрессионного анализа в качестве зависимой переменной были выбраны индивидуальные пошлины y , а в качестве независимой — общенациональные ставки x . В силу того что существует разброс значений индивидуальных пошлин, принято допущение о его равновероятном характере. Это позволило определить математическое ожидание разброса. Полученные парные линейные регрессионные модели для стран с РЭ и НРЭ экономик имеют вид:

$$y_{ME} = 0,168 + 0,991x_{ME};$$

(0,118) (0,203)

$$y_{NME} = 0,012 + 0,591x_{NME},$$

(0,341) (0,090)

где ME — РЭ, NME — НРЭ.

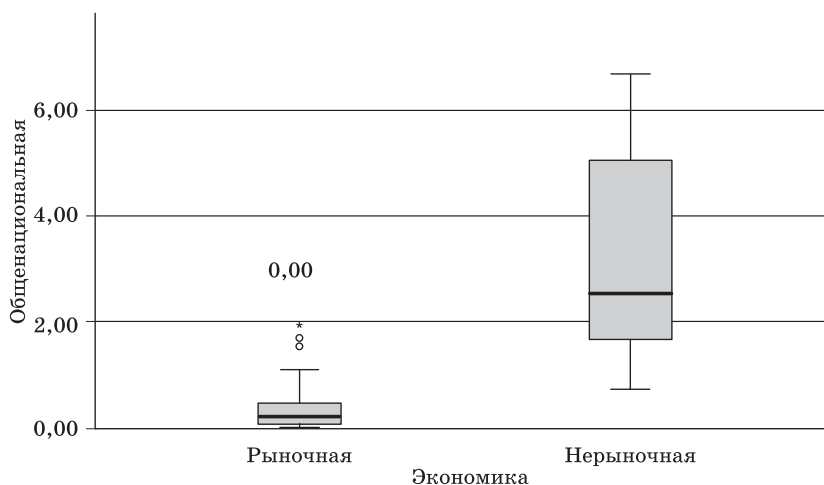

Рис. Ящичные диаграммы распределения значений общенациональных ставок
Fig. Box charts of distribution of national rates values

Обе модели являются адекватными по критерию Фишера. Исправленные значения коэффициентов детерминации для них равны 0,34 и 0,86 соответственно. Положительные и значимо отличающиеся от нуля по критерию Стьюдента коэффициенты у независимых переменных свидетельствуют о том, что с ростом общенациональной ставки антидемпинговой пошлины в среднем растут и индивидуальные ставки для отдельных предприятий-экспортеров.

Таким образом, по данным ЕБРР Россия как «устойчивая рыночная экономика» оценена в среднем в 5,9 баллов из 10 возможных. Политика ценообразования не вызывает претензий со стороны членов ВТО, однако политика госзакупок, локализации и импортозамещения российского правительства не удовлетворяет ожиданиям стран-членов ВТО. Утеря статуса РЭ российской экономикой может повлечь за собой антидемпинговые пошлины на товары, поставляемые в США, размер которых будет почти на 300 процентных пунктов выше, чем для стран с РЭ.

Обсуждение

По мнению Китая, который ведет борьбу за признание своей страны рыночной экономикой, существующее в ВТО различие подходов нарушает ст. I ГАТТ — о режиме наиболее благоприятствуемой нации. Этот основополагающий принцип ВТО означает, что любое преимущество, предоставляемое товарам какой-либо страны-члена, должно быть предоставлено аналогичным товарам остальных стран-членов. В споре «Европейский Союз — Обувь из Китая» [10] 2012 г. третейская группа провела оценку того, нарушают ли некоторые положения антидемпинговых правил ЕС ст. I:1 ГАТТ. Напомним, что согласно этим правилам страны с нерыночной экономикой должны выполнить определенные условия, чтобы их экспортеры могли получить индивидуальный более льготный режим экспорта в ЕС (антидемпинговая пошлина не превышала бы индивидуально рассчитанную демпинговую маржу), в то время как члены ВТО с РЭ автоматически получают такой режим. Третейская группа пришла к выводу, что автоматическое предоставление индивидуального режима импорту из стран с РЭ является «преимуществом» по смыслу ст. I:1. Это является успехом не только Китая, но всех НРЭ — членов ВТО.

Хотя ЕС формально признал Россию страной с рыночной экономикой в 2002 г., в Сообществе действовала практика энергетических корректировок, не позволяющая при проведении антидемпинговых расследований ЕС учитывать цены, по которым российские компании закупали природный газ для производства экспортной продукции. Для конструирования цен на газ использовался подход суррогатной страны. Практика энергетических корректировок восходит к 1980-м гг., к нерыночной советской экономике. В августе 2020 г. третейская группа ВТО вынесла решение в пользу России. ЕС, однако, подал апелляцию, что подтверждает его нежелание фактически признавать Россию рыночной экономикой.

Мы видим, что с позиции ВТО в части ценообразования Россия является рыночной экономикой. Об этом свидетельствует отчет 2021 г. о торговой политике РФ и решение третейской группы об энергокорректировках. Более общее решение, вынесенное по спору «ЕС — Обувь из Китая», признает равные права членов ВТО с различающимися экономическими системами. В случае, если США откажут в этом статусе России в ближайшее время, страна может подать жалобу в ВТО о дискриминации, как это сделал Китай.

Однако проводимая в последние годы в России широкомасштабная политика вытеснения иностранных производителей при госзакупках, которые трактуются гораздо шире, чем это позволено ст. XVII ГАТТ как в части их целей, так и охвата предприятий, сводит на нет все усилия, достигнутые в области либерализации цен, поскольку оба компонента — ценообразование и деятельность так называемых

«государственных торговых предприятий» — являются элементами определения рыночной экономики.

Результаты анализа выборки антидемпинговых пошлин США показывают, что статус нерыночной экономики приводит к значимым отличиям в определении общенациональной ставки. Данные отличия с годами увеличиваются. По сравнению с исследованием, проведенным в 2004 г., средняя разность в 2021 г. между общенациональной ставкой для стран с нерыночной и рыночной экономиками выросла больше чем на 200 процентных пунктов. Данный рост указывает, что положение НРЭ становится все более уязвимым в антидемпинговых расследованиях.

Выводы

Целью статьи было дать объективную оценку того, насколько рыночной, действительно, является экономика России. Может показаться, что тема потеряла свою актуальность, поскольку с началом специальной военной операции на Украине как США, так и ЕС лишили РФ режима наиболее благоприятствуемой нации (нормального торгового режима в терминологии США). Это означает повышение таможенных пошлин на все товары. В таком же положении находятся Куба, Северная Корея и Беларусь. В аналогичной ситуации находится Китай, большинство товаров из которого, по результатам торговой войны с США, облагаются дополнительной пошлиной в 25%. Однако это не отменяет рыночного статуса России.

Выявлено, что вытеснение иностранных производителей при чрезвычайно широко трактуемых госзакупках является наиболее слабым компонентом системы, которая претендует на статус рыночной. Вспомним, что, вступая в ВТО, мы стремились получить более справедливое отношение при антидемпинговых расследованиях. Грозящая потеря этого статуса в отношениях с США может увеличить антидемпинговые пошлины на товары российского экспорта на 287 процентных пунктов. Выявленная тенденция роста общенациональных ставок для стран с нерыночной экономикой позволяет сделать вывод о повышении уровня дискриминации стран с нерыночной экономикой. Подтверждена гипотеза о том, что отличие средних значений общенациональных ставок антидемпинговых пошлин США для рыночных и нерыночных экономик является значимым.

Пока Россия ведет консультации по вопросу госзакупок в комитетах ВТО. Однако существуют конкретные обязательства ее протокола о вступлении в ВТО (п. 99 Доклада рабочей группы) «осуществлять закупки, если они не предназначены для государственных нужд, руководствуясь коммерческими соображениями, не препятствуя конкуренции со стороны предприятий других стран-членов ВТО за участие в таких закупках», нарушение которых может повлечь неблагоприятный для страны спор.

Литература/References

1. Czechoslovakia: Transition to a Market Economy. The World Bank Country Studies. Washington. 1991.
2. Nedumpara J., Subramanian A. China's Long March to Market Economy Status: An Analysis of China's WTO Protocol of Accession and Member Practices // Nedumpara J., Zhou W. Non-market Economies in the Global Trading System the Special Case of China. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018. 324 p.
3. Non-market Economies in the Global Trading System — The Special Case of China // Nedumpara J., Zhou W. Non-market Economies in the Global Trading System The Special Case of China. Springer Nature Singapore PteLtd. 2018. 324 p.
4. Polouektov A. "The non-market economy" issue in international trade in the context of WTO accessions. UNCTAD/DITC/TNCD/MISC.20. 9 October 2002 [Electronic source]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctnctdmisc20_en.pdf (accessed: 25.01.2022).

5. Puccio L. Granting Market Economy Status to China. An analysis of WTO law and of selected WTO members' policy. In-depth analysis. European Parliamentary Research Service. November 2015 [Electronic resource]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_IDA\(2015\)571325](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_IDA(2015)571325) (accessed: 25.01.2022).
6. Russian Federation: Selected Issues. IMF Country Report. N 18/276. IMF, 2018.
7. Thorstensen V., Ramos D., Muller C., Bertolaccini F. WTO — market and non-market economies: the hybrid case of China. July 2013 [Electronic source]. URL: <https://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/15865/LATAM%20-%20WTO%20and%20NMEs.pdf> (accessed: 25.01.2022).
8. Transition Report 2020–21. European Bank for Reconstruction and Development [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html> (accessed: 25.01.2022).
9. U. S. — China. Trade Eliminating Nonmarket Economy Methodology Would Lower Antidumping Duties for Some Chinese Companies. GAO — United States Government Accountability Office. Report to Congressional Committees. January 2006 [Electronic source]. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-06-231> (accessed: 27.01.2022).
10. WTO analytical index GATT 1994 – Article I [Electronic source]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/ai17_e/gatt1994_art1_jur.pdf (accessed: 25.01.2022).

Об авторах:

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Наумов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой бизнес-информатики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор военных наук, профессор; naumov122@list.ru

About the authors:

Elena V. Zhiryayeva, Professor of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor; zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Vladimir N. Naumov, Head of the Department of Business Informatics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Military Science, Professor; naumov122@list.ru

Структура принципов инновационного менеджмента

Тяпухин А. П.

Уральское отделение Российской академии наук (Оренбургский филиал), Оренбург, Российская Федерация; aptyapuhin@mail.ru

РЕФЕРАТ

Инновационный менеджмент является приоритетным видом управления, реализуемым на высоко конкурентных рынках. Несмотря на относительную стабильность содержания и структуры инновационного менеджмента, он может быть реализован в различных вариантах и подвержен эволюции в зависимости от состояния и тенденций развития окружающей среды. Своевременное выявление предпосылок для корректировки содержания и структуры инновационного менеджмента является важным условием обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, регионов и страны в целом.

Гипотеза исследования заключается в возможности определения количества и взаимосвязей принципов инновационного менеджмента в зависимости от их качественных характеристик, а также характеристик окружающей среды.

Предметом исследования являются структура принципов инновационного менеджмента, реализуемого на институциональном уровне.

Методами исследования являются методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также классификации, а инструментами — бинарные матрицы, предусматривающие совместное использование двух качественных признаков исследуемых объектов и их дихотомий.

Результатом исследования является структура принципов инновационного менеджмента, отличающаяся обоснованностью ее иерархии, количества принципов, а также взаимосвязей между ними, обусловленных совокупностью качественных признаков исследуемых объектов и их дихотомий.

Полученные результаты позволяют сократить затраты, время, а также упущенную выгоду на создание инноваций за счет четкой структуризации принципов инновационного менеджмента по уровням управления хозяйствующего субъекта и реализации системного подхода к управлению инновациями. Кроме того, в статье заложены основы для проектирования систем инновационного менеджмента с помощью программного и компьютерного обеспечения.

Ключевые слова: принцип, инновация, менеджмент, структура, надежность, потенциал, удовлетворенность, эффективность

Для цитирования: Тяпухин А. П. Структура принципов инновационного менеджмента // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 95–105.

Structure of the Principles of Innovation Management

Alexey P. Tyapukhin

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg Branch), Orenburg, Russian Federation; aptyapuhin@mail.ru

ABSTRACT

Innovation management is a priority type of management implemented in highly competitive markets. Despite the relative stability of the content and structure of innovation management, it can be implemented in various variants and is subject to evolution depending on the state and trends of the environment. Timely identification of prerequisites for adjusting the content and structure of innovation management is an important condition for ensuring the competitiveness of enterprises, regions and the country as a whole.

The hypothesis of research is the possibility of determining the quantity and interrelationships of the principles of innovation management depending on its qualitative attributes, as well as the attributes of the environment.

The research methods are methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as classification, and the tools are binary matrices that provide for the joint use of two qualitative attributes of the studied objects and its dichotomies.

The subject of research is the structure of the principles of innovation management implemented at the institutional level.

The result of research is the structure of principles of innovation management, characterized by the validity of its hierarchy, the quantity of principles, as well as the relationships between them, due to the combination of qualitative attributes of studied objects and its dichotomies. The obtained results make it possible to reduce costs, time, as well as lost profits for the creation of innovations due to clear structuring of principles of innovation management at the management levels of an economic entity and the implementation of systematic approach to innovation management. In addition, the article lays the foundations for the design of innovation management systems using computer software.

Keywords: principle, innovation, management, structure, reliability, potential, satisfaction, efficiency

For citing: Tyapukhin A. P. Structure of the Principles of Innovation Management // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 95–105.

Введение

Разработка и внедрение инноваций являются необходимыми условиями создания ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг и поддержания конкурентных преимуществ предприятий на рынках различного типа. Как и любой другой процесс, внедрение инноваций предполагает разработку и использование систем управления [2], основанных, кроме прочего, на принципах управления или на «основополагающих идеях, выработанных закономерностях и правилах поведения и действий руководителей... по осуществлению ими управленческих функций»¹.

В соответствии с теорией длинных волн Н. Д. Кондратьева [1] разработка и внедрение инноваций сопровождается цикличностью, осуществляемой в рамках пяти технологических укладов², каждый из которых имеет специфику и в разной степени оказывает влияние на развитие экономики и, соответственно, на уровень благосостояния потребителей продукции и/или услуг. В соответствии со спецификой того или иного технологического уклада меняется содержание системы инновационного менеджмента. При этом общие принципы менеджмента данного типа сохраняются, а специфические принципы претерпевают ряд изменений.

Целью данной статьи является уточнение и дополнение принципов инновационного менеджмента на институциональном уровне, соответствующих современному уровню развития экономических отношений.

Теоретические основы

Термин «принцип управления» представлен в литературных источниках достаточно широко. Причем данный термин, по мнению зарубежных авторов, не только является компонентом системы управления, но и распространяется на различные варианты их применения в таких разделах менеджмента, как: принятие управленческих решений: внешняя и внутренняя среда организации и ее корпоративная культура; этика, корпоративная ответственность и устойчивость; организационная

¹ Основы менеджмента : учебник / Р. А. Исаев. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. С. 19.

² Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент : учебник. 4-е изд. СПб. : Питер, 2003. 400 с.

структура и управление изменениями; лидерство и т. д. [3; 6; 8; 16; 19; 23; 24; 26; 30]. Кроме того, термин «принцип менеджмента» применяется в таких основных разделах управления, как стратегический менеджмент [34], управление проектами и устойчивым развитием [15], маркетинг [18], логистика [28], а также инновационный менеджмент [11].

На сегодняшний день известны несколько базовых вариантов принципов управления организациями [12; 13; 14; 20; 29; 31], цепями поставок [4; 9; 33], а также цепями создания ценности [22]. Кроме того, в литературных источниках излагаются различные варианты принципов инновационного менеджмента [7; 21; 25; 27; 35]. Однако всем представленным выше вариантам принципов свойственны одни и те же недостатки, вызванные использованием одного и того же метода исследования. Они заключаются в следующем:

- 1) количество данных принципов изменяется от 4 до 14 в зависимости от исследуемого варианта, при этом выбор того или иного количества принципов авторами не обосновывается;
- 2) между принципами, предлагаемыми в различных источниках, не установлены взаимосвязи, что существенно затрудняет их реализацию в сложных по составу и уровням управления организационных структурах;
- 3) слабо прослеживается эволюция принципов управления в зависимости от факторов внешней и внутренней сред, включая особенности того или иного технологического уклада.

Создание теоретических и методических предпосылок для устранения данных недостатков является одной из задач исследования.

Поскольку принципы инновационного менеджмента описываются качественными характеристиками и реализуются предприятиями во внешней среде, факторы которой в большинстве случаев не поддаются количественной оценке, в качестве основного метода исследования выбран метод классификаций [5; 10]. В состав данного метода включаются два метода:

- 1) дескрипторный метод, позволяющий обосновать и выбрать адекватные объекту исследования качественные признаки и их дихотомии. Причем в данном исследовании такими объектами являются либо компоненты принципов управления, либо факторы внешней для него среды;
- 2) фасетный метод, на основе которого формируются бинарные матрицы [32], содержащие 2^x вариантов данного объекта, где цифра «2» отражает количество дихотомий, а x — количество его качественных признаков. Например, для классификации населения земного шара (ориентировочно 8 млрд чел.) и однозначного описания одного из его жителей необходимы, как минимум, 33 качественных признака.

Каждая выбранная дихотомия качественного признака объекта исследования может быть обозначена бинарным кодом «0» или «1». В простейшем случае при совместном использовании двух качественных признаков можно получить четыре варианта объекта исследования с двузначными кодами «00», «01», «10» и «11». Каждый из данных вариантов, в свою очередь, может быть структурирован на компоненты. В результате чего каждый из выделенных компонентов может иметь четырехзначный код, например, «0110». Использование бинарных кодов создает предпосылки для разработки программного обеспечения управленческой деятельности, позволяющего, кроме прочего, проектировать и оптимизировать системы управления предприятиями, в состав которых входят принципы управления.

Бинарные матрицы создают предпосылки для разработки классификации вариантов объекта исследования в рамках такого метода исследования как анализ. На основе данных вариантов можно формировать более сложные комбинации объекта исследования на основе синтеза. Любая полученная с помощью бинарных

матриц комбинация вариантов объекта обрабатывается на основе методов дедукции и индукции.

Исследование предполагает выполнение следующих этапов:

- 1) определение четырех основных групп принципов, учитывающих предпочтения как создателей инноваций, так и конечных потребителей продукции или услуг;
- 2) структуризацию каждой группы принципов на четыре компонента, что позволяет сформировать 16 таких компонентов, увязанных с помощью используемых качественных признаков и дихотомий;
- 3) формирование принципов инновационного менеджмента, наиболее полно соответствующих данным компонентам.

Обоснование структуры принципов инновационного менеджмента

Выполнение первого этапа исследования предусматривает выделение двух субъектов управления (дихотомий): конечного потребителя продукции и/или услуг, код «0», и цепи поставок, код «1», в состав которой входят звенья, сопровождающие жизненный цикл данных продукции и/или услуг. При ориентации звеньев на концепцию управления цепями ценностей, характерной для сегодняшнего времени, необходимо учитывать основные объекты управления данного типа (дихотомии): ресурсы, код «0», привлекаемые и перерабатываемые звеньями цепей поставок, и ценности, код «1», которые стремятся создать субъекты управления. Совместное использование качественных признаков и их дихотомий позволяет обосновать четыре основные группы принципов инновационного менеджмента: надежность, код «00», потенциал, код «01», удовлетворенность и лояльность, код «10», эффективность и результативность, код «00» (рис. 1).

		Субъект управления	
		Потребитель (0)	Цепи поставок (1)
Ресурсы (0) Объект управления Ценности (1)	Надежность (00)		Потенциал (01)
	Удовлетворенность и лояльность (10)		Эффективность и результативность (11)

Рис. 1. Классификация групп принципов инновационного менеджмента
Fig. 1. Classification of groups of principles of innovative management

Группа принципов «надежность» предполагает, с одной стороны, бесперебойность создания инноваций как радикальных, так и направленных на их совершенствование, а, с другой стороны, отражает ориентацию цепей поставок на устойчивость и устойчивое развитие, в том числе на создание условий для удовлетворения потребностей не только нынешнего, но и будущих поколений. Группа принципов «потенциал» предусматривает постоянное развитие знаний, умений, навыков и компетенций персонала звеньев цепей поставок, ориентированных на проведение научных, опытно-конструкторских и технологических работ в долгосрочной перспективе. Группа принципов «удовлетворенность и лояльность» учитывает постоянную готовность звеньев цепей поставок к взаимодействию как внутри цепи, так и при взаимодействии с конечным потребителем продукции и/или услуг, готовым поддерживать длительные отношения с поставщиками. Группа принципов «эффективность и результативность», с одной стороны, должна в максимальной степени обеспечить соответствие желаемой и воспринимаемой

ценностей конечного потребителя, а с другой стороны, позволять звеньям цепей поставок получать прибыль.

Для обоснования основных компонентов надежности при управлении инновациями целесообразно использовать следующие классификационные признаки и их дихотомии: «форма поведения предприятия (звена цепи поставок) в окружающей среде»: выживание, код «0», и противодействие, код «1», а также «вариант обеспечения надежности предприятия (звена цепи поставок): разработка альтернатив, код «0», и антикризисные действия, код «1». Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет выделить четыре компонента надежности как самого предприятия (звена цепи поставок), так и надежности создания ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг (рис. 2).

		Форма поведения в окружающей среде	
		Выживание (0)	Противодействие (1)
Разработка альтернатив (0) Вариант обеспечения надежности Антикризисные действия (1)	Взаимозаменяемость (0000)	Бесперебойность (0001)	
	Адаптивность (0010)	Устойчивость (0011)	

Рис. 2. Классификация компонентов надежности при управлении инновациями
Fig. 2. Classification of reliability components in innovation management

Данные рис. 2 позволяют сделать следующие выводы:

- 1) взаимозаменяемость при управлении инновациями предусматривает диверсификацию потенциальных рисков за счет разработки нескольких вариантов инновационных видов продукции и/или услуг для различных сегментов рынка, а также возможности переключаться на новых поставщиков и посредников, способных более эффективно создавать ценности для их конечных потребителей в случае изменения спроса на рынке;
- 2) бесперебойность позволяет не только использовать эффект масштаба для извлечения прибыли предприятием (звеном цепи поставок), но и сократить время на выполнение требований конечных потребителей за счет выравнивания спроса, соблюдения ритмов производства и реализации продукции и/или услуг, а также сокращения запасов (передаточных партий);
- 3) адаптивность направлена на реализацию управленческих решений, направленных на предотвращение негативных последствий и использование возможностей, создаваемых внешней средой предприятия (звена цепи поставок);
- 4) устойчивость призвана учитывать экономические, социальные и экологические аспекты деятельности предприятия (звена цепи поставок) при достижении им долгосрочных целей развития.

Для обоснования компонентов потенциала при управлении инновациями рекомендуется использовать следующие классификационные признаки и дихотомии: «тип ресурсов управления инновациями»: материальные, информационные и финансовые, код «0», и интеллектуальные, код «1». Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет выделить представленные ранее компоненты потенциала при управлении инновациями: навык, код «0100», знание, код «0101», умение, код «0110» и компетенция, код «0111» (рис. 3).

Данные компоненты достаточно подробно представлены в литературных источниках. При этом на рис. 3 конкретизировано содержание компонента «компетенция», которая, по мнению автора, призвана формировать предпосылки для создания индивидуумом чего-то нового, включая новые виды продукции и/или услуг, технологий, материалов и пр.

	Тип ресурсов управления инновациями	
	Материальные, информационные, финансовые (0)	Интеллектуальные (1)
Копирование (0) Варианты управления инновациями	Навык (0100)	Знание (0101)
Создание нового (1)	Умение (0110)	Компетенция (0111)

Рис. 3. Классификация компонентов потенциала при управлении инновациями
Fig. 3. Classification of potential components in innovation management

Чтобы определить основные компоненты удовлетворенности и лояльности при управлении инновациями, следует использовать такие классификационные признаки и их дихотомии, как: «составляющая желаемой ценности»: продукт/услуга, код «0», и поставка, код «1», «требования к созданию ценности»: соответствие договору, код «0», и «возможность корректировки ценности», код «1». Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет установить приоритеты следующих компонентов удовлетворенности и лояльности: качество, код «1000», своевременность, код «1001», комплектность, код «1010», и экономичность, код «1011» (рис. 4).

	Составляющая желаемой ценности	
	Продукт, услуга (0)	Поставка (1)
Соответствие договору (0) Требования к созданию ценности	Качество (1000)	Своевременность (1001)
Возможность корректировки ценности (1)	Комплектность (1010)	Экономичность (1011)

Рис. 4. Классификация компонентов удовлетворенности и лояльности при управлении инновациями
Fig. 4. Classification of satisfaction and loyalty components in innovation management

Как следует из содержания рис. 4, удовлетворенность и лояльность потребителей и поставщиков продукции и/или услуг обуславливается технологическими, маркетинговыми, логистическими и экономическими аспектами управления инновациями.

Чтобы выделить основные компоненты эффективности и результативности при управлении инновациями, необходимо воспользоваться следующими классифика-

ционными признаками и дихотомиями: «тип достигаемых предприятием (звеном цепи поставок) целей»: экономические, код «0», и рыночные, код «1», и «требования к созданию ценностей»: соответствие договору, код «0», и возможность корректировки ценности, код «0». Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет выделить следующие компоненты эффективности и результативности: инвестиции, код «1100», охват рынка, код «1101», прибыль, код «1110», и конкурентоспособность, код «1111» (рис. 5).

		Тип достигаемых целей	
		Экономические (0)	Рыночные (1)
Внешняя (0) Сфера достижения эффективности и результативности Внутренняя (1)	Инвестиции (1100)	Охват рынка (1101)	
	Прибыль (1110)	Конкурентоспособность (1111)	

Рис. 5. Классификация компонентов эффективности и результативности при управлении инновациями

Fig. 5. Classification of efficiency and performance components in innovation management

Информация, представленная на рис. 5, учитывает содержание основных этапов управления инновациями, таких как: а) привлечение ресурсов, необходимых для их создания; б) разработку конкурентоспособных видов продукции и/или услуг; в) проведение маркетинговых мероприятий по расширению рынка их сбыта и г) окупаемость затрат на производство и реализацию данной продукции и/или услуг.

На основе содержания рис. 1–5 можно:

- 1) определить точное число предлагаемых принципов инновационного менеджмента, которое равно 16;
- 2) установить взаимосвязи: а) между группами принципов инновационного менеджмента (рис. 1); б) между компонентами принципов инновационного менеджмента (рис. 2). Так, например, группа принципов «потенциал», код «01», связана с группой принципов «надежность», код «00», посредством дихотомии «ресурсы», код «0», и с группой принципов «эффективность и результативность», код «11», посредством дихотомии «цепь поставок». Аналогичным образом можно установить взаимосвязи между компонентами групп принципов, представленными на рис. 2–5;
- 3) создать предпосылки для внедрения принципов инновационного менеджмента на различных уровнях управления предприятием (звеном цепи поставок). Так, например, за внедрение всех групп принципов (рис. 2) отвечает генеральный директор предприятия, за каждую группу принципов в отдельности (рис. 2–5) — его заместители по принадлежности, а за каждый компонент группы несут ответственность начальники подразделений, подотчетные соответствующему заместителю генерального директора. Причем все управленческие решения, принимаемые в рамках внедрения принципов инновационного менеджмента, как было показано ранее, могут быть согласованы в рамках общих для них дихотомий;
- 4) если предприятием поставлена цель внедрения принципов инновационного менеджмента, то на основе рис. 1–5 можно разработать систему сбалансированных показателей [17], логически увязанных по трем уровням управления предприяти-

- ем. Данное мероприятие, в свою очередь, создает предпосылки для внедрения на предприятии методологии управления по целям [13];
- 5) использование на рис. 1–5 бинарных кодов способствует разработке программного обеспечения управленческой деятельности в сфере инноваций, направленного на обоснование и выбор решений, затрагивающих полномочия многих функциональных подразделений предприятия в составе цепей поставок;
- 6) каждому компоненту, приведенному на рис. 2–5, можно поставить в соответствие принцип инновационного менеджмента. Решение данной задачи приведено в таблице.

Информация, представленная в таблице, позволяет уточнить цели, задачи, методы, подходы и функции инновационного менеджмента, переработать содержание положений о подразделениях и должностные инструкции предприятия, пересмотреть отношения с поставщиками и потребителями в цепях поставок, создать предпосылки для более качественного создания ценностей для конечных потребителей продукции и/или услуг.

Таблица

Принципы инновационного менеджмента
Table. Principles of Innovative Management

Компоненты	Принципы
Надежность	
Взаимозаменяемость	Создание сети поставщиков-дублеров, товаров-субститутов, проектирование технологий с расчетом на пиковую нагрузку
Бесперебойность	Соблюдение тактов и ритмов технологических, логистических, торговых, исследовательских и управленческих операций
Адаптивность	Гибкое реагирование на изменения факторов внешней и внутренней среды
Устойчивость	Разработка антикризисных мер достижения поставленных целей при негативном воздействии внешней и внутренней среды
Потенциал	
Навык	Развитие способностей по получению, переработке и передаче ресурсов, используя существующие технику и технологии
Знание	Создание условий для разработки новых решений в сфере инновационной деятельности
Умение	Выработка новых решений по использованию существующих техники и технологий
Компетенция	Снижение вероятности отторжения рынком новых решений в сфере инновационной деятельности
Удовлетворенность и лояльность	
Качество	Создание новых видов продукции и услуг, соответствующих желаемой ценности конечного потребителя продукции и/или услуг
Своевременность	Согласование тактов и ритмов производства и потребления продукции и/или услуг

Компоненты	Принципы
Комплектность	Достижение вариативности при создании ценности конечным потребителям продукции и/или услуг
Экономичность	Обеспечение положительной разницы между затратами потребителя и получаемыми им выгодами
Эффективность и результативность	
Инвестиции	Создание условий для привлечения ресурсов, необходимых для создания инноваций
Охват рынка	Сокращение времени на привлечение новых потребителей инновационных видов продукции и/или услуг
Прибыль	Достижение окупаемости затрат на производство и реализацию инновационных видов продукции и/или услуг
Конкурентоспособность	Поддержание необходимого уровня привлекательности продукции и/или услуг и предприятия на территориальных и отраслевых рынках

Заключение

Инновационная деятельность стала неотъемлемым компонентом современной экономики, позволяющим решать актуальные проблемы не только человечества в целом, но и каждого индивидуума, ориентированного на создание ценностей. Как и всякий актуальный вид деятельности, инновационная деятельность требует управления, включая создание системы управления. В состав данной системы включаются принципы, содержание которых может меняться в зависимости от внутренних и внешних факторов внутри того или иного технологического уклада.

Проблема своевременной корректировки принципов управления заключается не только в том, чтобы своевременно выявлять данные факторы, но и в том, как их измерить и использовать в сложившихся экономических условиях. Решение данной проблемы возможно на основе качественных методов исследования, основу которых составляют методы классификации, основанные на выделении качественных признаков исследуемых объектов и их дихотомий.

В ходе исследования была обоснована структура принципов инновационного менеджмента на институциональном уровне. Следующим этапом является адаптация данных принципов к конкретным объектам управления в отраслевом и территориальном аспектах. Представляется целесообразным решение следующих вопросов инновационного менеджмента: разработка системы сбалансированных показателей его эффективности; уточнение экономического, социального и экологического аспектов устойчивости и устойчивого развития инновационной деятельности предприятий и цепей поставок; уточнение и дополнение теории и методологии управления по ценностям и целям в цепях данного типа.

Литература/References

1. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры : Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. М. : Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. Ин-т экономики, 1928. 287 с. [Kondratyev N. D., Oparin D. I. Large cycles of conjuncture: Reports and their discussion at the Institute of Economics. 1st ed. Moscow, 1928. 287 p. (in Rus)].

2. Янг С. Системное управление организацией / пер. с англ. под ред. С.П. Никанорова, С.А. Батасова. М. : Советское радио, 1972. 456 с. [Young S. System Organization Management / translation with English by ed. S. P. Nikanorov, S. A. Batasov. Moscow: Soviet Radio, 1972. 456 p.]
3. Albers H. H. Principles of Management: A Modern Approach. 3-d ed. New York, London, Sydney, Toronto : John Wiley & Sons, Inc. 1969. 702 p.
4. Anderson D. L., Britt F. F., Favre D. J. The 7 Principles of Supply Chain Management // The Best of Supply Chain Management Review. 2005 [Electronic source]. URL: www.truevalue-metrics.org/DBpdfs/SupplyChain/SCMR-7-principals-of-supply-chain-management.pdf (accessed: 13.01.2022).
5. Bailey K. D. Typologies and taxonomies: An introduction to classification techniques. London : Sage Publications, Inc. 1994. 90 p.
6. Bose D. C. Principles of Management and Administration. 2nd ed. New Delhi : PHI Learning. 2012. 748 p.
7. Burns T., Stalker G. The Management of Innovation. London : Tavistock, 1961. 269 p.
8. Carpenter M., Bauer T., Erdogan B. Principles of Management. Nyack, NY : Flat World Knowledge, 2009. 728 p.
9. Crandall R. E., Crandall W. R., Chen C. C. Principles of Supply Chain Management, Second edition, London, New York : CRC Press, Taylor & Francis Group, Boca Raton, 2015. 717 p.
10. Creswell J. W. Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. 4th ed. USA : SAGE Publications, Inc., 2014. 273 p.
11. de Casanove A., Morel L. Innovation management principles from ISO 50500 series. United Kingdom, Aston: International Association for Management of Technology IAMOT, 2018. 15 p.
12. Deming W. E. Out of the crisis. Cambridge, MA : Massachusetts Institute for Technology Press, 1982. 507 p.
13. Drucker P. The practice of management. New York : Harper & Row, 1954. 416 p.
14. Fayol H. General and Industrial Management. Paris : Institute of Electrical and Electronics Engineering, 1916. 142 p.
15. Gareis R., Huemann M., Martinuzzi A., Weninger C., Sedlacko M. Project Management and Sustainable Development Principles. Newtown Square : Project Management Institute, Inc., 2013. 187 p.
16. Hill C. W. L., McShane S. Principles of Management. First Edition. New York : McGraw-Hill, 2008. 528 p.
17. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. Boston : HBS Press, 1996. 322 p.
18. Kotler P., Armstrong G. Principles of marketing. 9th ed. New York : Upper Saddle River, 2001. 126 p.
19. Kreitner R. Principles of Management. 12th ed. Thomson South-Western, 2012. 592 p.
20. Liker J. K. The Toyota way: 14 Management principles from the world's greatest manufacturer. New York : McGraw-Hill, 2004. 350 p.
21. Mc Dermott C. M., O'Connor G. C. (). „Managing radical innovation: an overview of emergent strategy issues”, Journal of Product Innovation Management, 2002. Vol. 19. N 6. P. 424– 438.
22. Mc Guffog T., Wadsley N. The general principles of value chain management // Supply Chain Management. 1999. Vol. 4. N 5. P. 218–225.
23. Morden T. Principles of management. 2nd ed. London, New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2017.
24. Murugan M. S. Management Principles and Practices. New York : New Age International, 2007. 520 p.
25. Ortt J. R., d van der Duin P. A. The evolution of innovation management towards contextual innovation // European Journal of Innovation Management. 2008. Vol. 11. N 4. P. 522–538.
26. Prasad L. M. Principles and Practice of Management. New Delhi : Sultan Chand & Sons, 2020. 550 p.
27. Ramadani V., Gerguri S. Innovations: Principles and Strategies // Strategic Change. 2011. N 20. P. 101–110.
28. Shapiro R., Heskett J. Logistics Strategy: cases and concepts. St. Paul, Minnesota.: Web Publishing Co, 1995. 602 p.
29. Taylor F. W. (). The principles of Scientific Management. New York, London : Harper and Brothers Publishers, 1919. 155 p.
30. Tripathi P. C., Reddy P. N. Principles of Management. 5th ed. Tata McGraw-Hill Education Pvt. Ltd., 2012

31. Urwick L. F. The Elements of Administration. New York: Harper and Row, 1943. 132 p.
32. Warfield J. N. Binary Matrices in System Modeling // Transactions on systems, man, and cybernetics. 1973. Vol. 3. N 5. P. 441–449.
33. Wisner J. D., Tan K. C., Leong G. K. Principles of Supply Chain Management: A Balanced Approach. Mason : OH Cengage Learning, 2014. 576 p.
34. Witcher B. J., Chau V. S. Strategic Management: Principles and Practice. Andover : Cengage Learning, 2010. 352 p.
35. Yilmaz O., Comez P. (Eds.) Innovation: Principles and Practices. Ankara : Gazi Kitabevi Tic. Ltd. Sti., 2020. 290 p.

Об авторе:

Тяпухин Алексей Петрович, директор Оренбургского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Оренбург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; aptyapuhin@mail.ru

About the author:

Alexey P. Tyapukhin, Director at the Orenburg branch of the Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; aptyapuhin@mail.ru

Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции*

Сасаев Н. И.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; msemu@mail.ru

РЕФЕРАТ

Динамичность экономической среды, связанная с изменением группы стратегических факторов и ресурсной базы, приводит к вынужденному сокращению требуемого времени на поиск и обоснование стратегических решений, касающихся реализации кардинальных возможностей, в то время как цена ошибки возрастает. В этом контексте, выбор и обоснование долгосрочного вектора и траектории развития объекта, что соответствует процессу разработки и дальнейшей реализации стратегии, обретает высочайшую значимость. Необходимыми становятся знание и применение выверенных и обоснованных подходов к стратегированию, напротив, отсутствие понимания или использование не отвечающих требованиям подходов и инструментария может приводить к методологическим ошибкам, имеющим долгосрочные негативные последствия для объекта стратегирования. В свою очередь, одними из перспективных объектов стратегирования выступают отрасли и именно они способны выступать драйверами развития экономических систем в целом. Для нивелирования ошибок и сокращения непрактичных и методологически некорректных документов по отраслевому развитию, не имеющих стратегический характер, предлагается систематизация и четкая регламентация последовательности отраслевого стратегирования, что и является целью настоящего научного исследования. Так как наиболее критические ошибки возникают на первичных этапах стратегирования, в большей степени настоящее исследование сконцентрировано на формировании концепции — стержневого блока любой стратегии. В соответствии с этим в научной статье приведены основные этапы отраслевого стратегирования, подробно описаны сущность и порядок формирования концепции отраслевой стратегии.

Ключевые слова: стратегия, концепция стратегии, отраслевое стратегирование, стратегическая диагностика, OTSW-анализ, тренды, интересы

Для цитирования: Сасаев Н. И. Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 106–115.

Fundamentals of Industrial Strategizing: Formation of the Concept

Nikita I. Sasaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; msemu@mail.ru

ABSTRACT

The dynamism of the economic environment, associated with a change in the group of strategic factors and the resource base, leads to a forced reduction in the required time to search for and justify strategic decisions regarding the implementation of cardinal opportunities, while the cost of a mistake increases. In this context, the choice and justification of the long-term vector and the object development trajectory, which corresponds to the process of developing and further implementing the strategy, acquires the highest importance. It becomes necessary to know and apply verified and reasonable approaches to strategizing, on the contrary, the lack of understanding or the use of approaches and tools that do not meet the requirements can lead to methodological errors that have long-term negative consequences for the strategizing object. In fact, industries are one of the prospective strategizing objects, and it is they who are able to act as drivers for the development of economic systems as a whole. In order

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем».

to eliminate errors and reduce impractical and methodologically incorrect documents on industrial development that do not have a strategic character, it is proposed to systematize and clearly regulate the sequence of industrial strategizing, which is the purpose of this scientific study. Since the most critical errors occur at the initial stages of strategizing, to a greater extent this research is focused on the formation of the concept — the core block of any strategy. In accordance with this, the scientific article presents the main stages of industry strategizing, describes in detail the essence and procedure for the formation of the concept of industry strategy.

Keywords: strategy, concept of strategy, industrial strategizing, strategic diagnostics, OTSW-analysis, trends, interests

For citing: Sasaev N. I. Fundamentals of Industrial Strategizing: Formation of the Concept // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 106–115.

Введение

Все без исключения экономические, социальные и политические системы, объединяющие целое множество объектов с разным потенциалом развития и ресурсной обеспеченностью (государства, регионы, отрасли, корпорации и компании, личности), динамичны и подвержены структурным изменениям [4; 24; 27]. В первую очередь эти изменения сопряжены с проявлением разного уровня и масштаба трендов стратегического характера (глобальных, региональных, национальных, отраслевых, корпоративных). Под воздействием таких тенденций одни факторы приобретают стратегический статус, оказывая значимое влияние на жизнедеятельность и развитие каждого объекта системы, другие напротив перестают быть стратегическими [1; 16; 19].

Особое внимание уделяется ресурсному фактору. Обретение или наоборот потеря стратегической значимости определенного ресурса может вносить кардинальные изменения в развитие объекта. В условиях неравномерной аллокации ресурсов, а также накладываемых ограничений по доступу к ним, это может приводить к критическим последствиям для отдельно взятых объектов системы, вплоть до возникновения конфликтов интересов между ними, как правило, заканчивающихся порождением кризисных периодов и видоизменением всей системы [2; 25; 26].

Все это формирует единую нестационарную среду с заданными условиями функционирования системы и их объектов, определяя для них горизонт будущих перспектив долгосрочного развития. Наряду с этим, открывается широкий спектр стратегических возможностей, связанных с реализацией данных перспектив. Как правило, динамичность такой среды, связанная с изменением группы стратегических факторов и ресурсной базы, приводит к вынужденному сокращению требуемого времени на поиск и обоснование стратегических решений, касающихся реализации этих возможностей, в то время как цена ошибки возрастает.

В этом контексте, выбор и обоснование долгосрочного вектора и траектории развития объекта, что соответствует процессу разработки и дальнейшей реализации стратегии (другими словами — стратегированию), обретает высочайшую значимость [11; 15].

Необходимыми становятся знание и применение выверенных и обоснованных подходов к стратегированию, напротив, отсутствие понимания или использование не отвечающих требованиям к стратегическим документам подходов и инструментария может приводить к методологическим ошибкам, имеющим долгосрочные негативные последствия для объекта стратегирования [7; 14; 24].

Перспективным объектом стратегирования выступают отрасли, вбирающие в себя множество разнообразных элементов и аккумулирующие национальные, региональные, отраслевые, корпоративные и общественные интересы, которые способны выступать драйверами развития экономических систем в целом [12]. В соответствии с этим для

нивелирования ошибок и сокращения непрактичных и методологически некорректных документов по отраслевому развитию, не имеющих стратегический характер, предлагается систематизация и четкая регламентация последовательности отраслевого стратегирования, что и является целью настоящего научного исследования. Так как наиболее критические ошибки возникают именно на первичных этапах стратегирования, в большей степени настоящее исследование будет сконцентрировано на формировании концепции — стержневого блока любой стратегии.

Методологический базис

Отраслевое стратегирование или разработка и реализация стратегии, объектом которой выступает отрасль, совокупность отраслей, либо межотраслевые связи¹, является одним из направлений отечественной научной школы стратегирования [3; 10], основоположником которой является академик, Иностраннный член РАН В. Л. Квинт.

Именно общая теория стратегии и методологические положения школы стратегирования, а также накопленный опыт научно-практических исследований, в том числе в результате участия в разработке и реализации ряда практических стратегий², позволили сформировать теоретико-методологический базис отраслевого стратегирования. Состоятельность и практичность такой методологии обеспечивается соблюдением ряда основополагающих стратегических принципов [23].

Отраслевое стратегирование тесно сопряжено с глубоким системным и стратегическим мышлением [33] и направлено на выявление, обоснование и реализацию возникающих стратегических возможностей, реализация которых гарантирует обеспечение общественной пользы в долгосрочном периоде, и, прежде всего, проявляется в повышении качества и уровня жизни населения.

Структура концепции в отраслевом стратегировании

Процесс разработки и реализации отраслевых стратегий полностью сопряжен с основными этапами стратегирования [31]. Тем не менее, учитывая специфику направления, происходит расширение методологического аппарата и инструментария.

В целом отраслевое стратегирование включает в себя *процесс разработки отраслевой стратегии*, который разделяется на две стадии (*начальная и основная*), состоящий из четырех соответствующих этапов, и *процесс реализации стратегии (стадия отраслевого постстратегирования)*, состоящий из одного этапа (рис. 1).

Стержневым блоком в разработке отраслевой стратегии является *концепция*, которая включает в себя важнейшие документы [20; 30]: *миссию и видение*. На уровне *концепции* формируется абрис будущей отраслевой стратегии, который предопределяет дальнейшее уточнение всех ее аспектов, в том числе отвечающих за эффективность ее реализации.

Миссия отраслевой стратегии как ее первичный практический документ, нацеленный преимущественно на внешний мир, должна четко отражать информацию об объекте стратегирования (предпосылки возникновения и обоснованность функцио-

¹ Сасаев Н. И. Отраслевое стратегирование в системе стратегий (на примере газовой отрасли) // Теория и практика стратегирования : Сб. избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2021 года. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 72–77.

² Автор принимал активное участие в стратегировании отдельных отраслевых направлений в: «Стратегии развития водоснабжения и водоотведения Санкт-Петербурга до 2035 г. и на более длительную перспективу», «Стратегии водоснабжения, водоотведения и водного баланса Республики Узбекистан на период до 2035 года и более длительную перспективу», «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 г. и более длительную перспективу» (утверждена в качестве регионального закона).

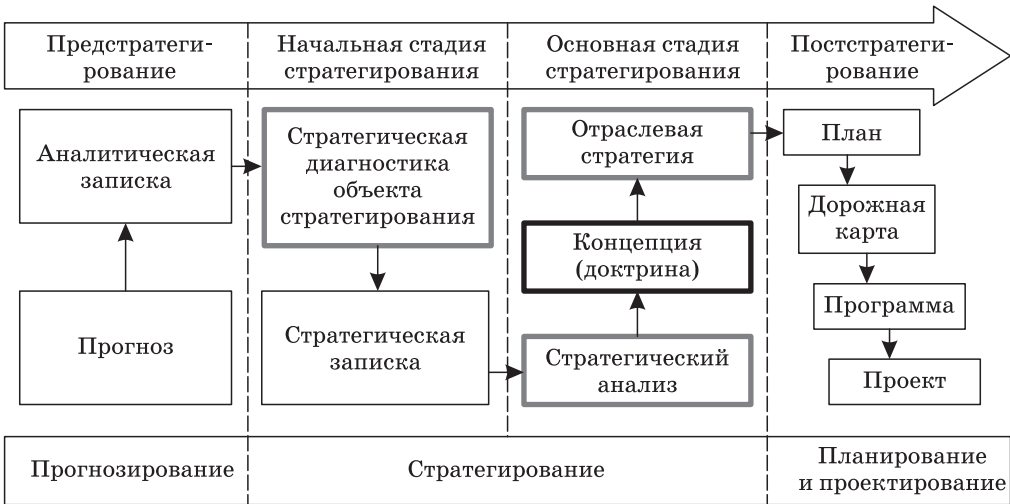

Рис. 1. Концептуальная схема основных стадий отраслевого стратегирования
 Fig. 1. Conceptual diagram of the main stages of industry strategy

Источник: составлено автором.

нирования, в том числе, какие группы интересов реализует объект, место и уровень в системе стратегий (международный, национальный или региональный уровень)), а также уникальность и полезность от разрабатываемой отраслевой стратегии, в том числе общие социальные и экономические эффекты, которые будут достигнуты от ее последовательной реализации [6; 20].

Видение отраслевой стратегии, следующий практический, но в большей степени внутренний документ, содержащий в себе важнейшие элементы стратегии (*стратегические принципы* и *стратегические приоритеты*), и который, в конечном счете, нацелен на обеспечение исполнения миссии [20; 29]. *Стратегические принципы* — ряд основополагающих постулатов, призванных обеспечить как методологическую корректность разработки отраслевой стратегии, так и эффективность ее последующей реализации. Помимо общих методологических принципов (нацеленность на общественную полезность, соблюдение комплементарности интересов, обеспечение иерархичности и интегрированности в общую систему стратегий, стремление к инновационности, генерирование долгосрочной эффективности и ее мультипликативности) [23], в них включаются и специфические, соответствующие выявленным особенностям стратегизируемого объекта.

Стратегические приоритеты — основа любой стратегии, в том числе отраслевой [5; 20]. Именно через реализацию стратегических приоритетов, основанных на стратегических возможностях и сопряженных с ранее определенными в миссии группами интересов, достигается генеральная цель стратегии (национальной, региональной, отраслевой, корпоративной и т.п.) — повышение уровня и качества жизни населения [8; 32]. От стратегических приоритетов напрямую зависит успешность разрабатываемой отраслевой стратегии, поэтому при их формулировании необходимо соблюдение двух требований [9; 20; 24]:

- основу стратегических приоритетов должны составлять только обоснованные стратегические возможности;
- каждый из стратегических приоритетов должен быть подкреплен конкурентным преимуществом и необходимой ресурсной базой для его полной реализации.

Для стратегических приоритетов определяются конкретные (результатирующие) цели, которые обозначают качественные эффекты от реализации стратегического приоритета к определенному моменту времени.

Помимо этого, для каждого из стратегических приоритетов концептуально определяются общественная и экономическая (бюджетная (государственная) и коммерческая) эффективность [13; 17; 20].

В результирующей части *видения* отраслевой стратегии устанавливается единственный и долгосрочный *вектор* развития объекта стратегирования и определяется *траектория* движения по его достижению [24]. При этом, *траектория* развития объекта стратегирования представляет собой общую линию стратегии с распределенными по периодам и порядку стратегическими приоритетами и целями как якорными точками их реализации.

Формирование концепции в отраслевом стратегировании

Учитывая высокую значимость и определяющий характер для всей отраслевой стратегии, формирование концепции опирается исключительно на результаты глубокого комплексного исследования, а именно (рис. 2): *стратегическую диагностику* объекта стратегирования, блок *стратегического анализа* (стратегический анализ ценностей и интересов, стратегический анализ трендов, стратегический анализ возможностей) и *первичную оценку эффективности стратегических приоритетов*. Инструментарий, методы анализа и последовательность их использования полностью соответствуют ключевым идеям общей теории стратегии и определены стратегическим мышлением [33].

Результаты *стратегической диагностики* [22] как начального этапа исследования объекта отраслевого стратегирования позволяют сформировать первичное восприятие об объекте, включая уточнение его места в глобальной экономической системе (в том числе, позицию в системе стратегий), понимание групп интересов, реализующихся на текущий момент, и оценку исходного потенциала.

Помимо этого, диагностика указывает направления для последующего комплексного исследования, прежде всего для *стратегического анализа ценностей и интересов* [21], нацеленного на углубленное изучение всех групп интересов (национальных, общественных, региональных, отраслевых, корпоративных и международных), сконцентрированных вокруг функционирования и развития объекта, а также тех, которые не включены, но могут и должны быть интегрированы.

Исключительно информация, полученная от *стратегической диагностики* и *стратегического анализа ценностей и интересов*, становится фундаментом для формирования концепции миссии, именно на основе этих данных формулируется нацеленность, уникальность и полезность разрабатываемой отраслевой стратегии.

Далее следует *стратегический анализ трендов* [19], направленный на выявление и изучение стратегических факторов (как положительных, так и негативных), закономерностей и тенденций, влияющих или способных повлиять на объект стратегирования в долгосрочной перспективе. На основе этой информации с учетом данных *стратегической диагностики* формируется первый элемент *видения* — система *стратегических принципов*. Как правило, результаты данного анализа также указывают на обнаруженные стратегические потенциальные возможности и угрозы, детальное изучение и обоснование которых происходит на следующем шаге комплексного исследования — *стратегическом анализе возможностей*.

Стратегический анализ возможностей, базирующийся на проведении глубокого OTSW-анализа [24], в первую очередь фокусируется на поиске и обосновании возможностей и кардинальных преобразований, уже с позиции которых происходит изучение потенциальных стратегических угроз, сильных сторон (в том числе конку-

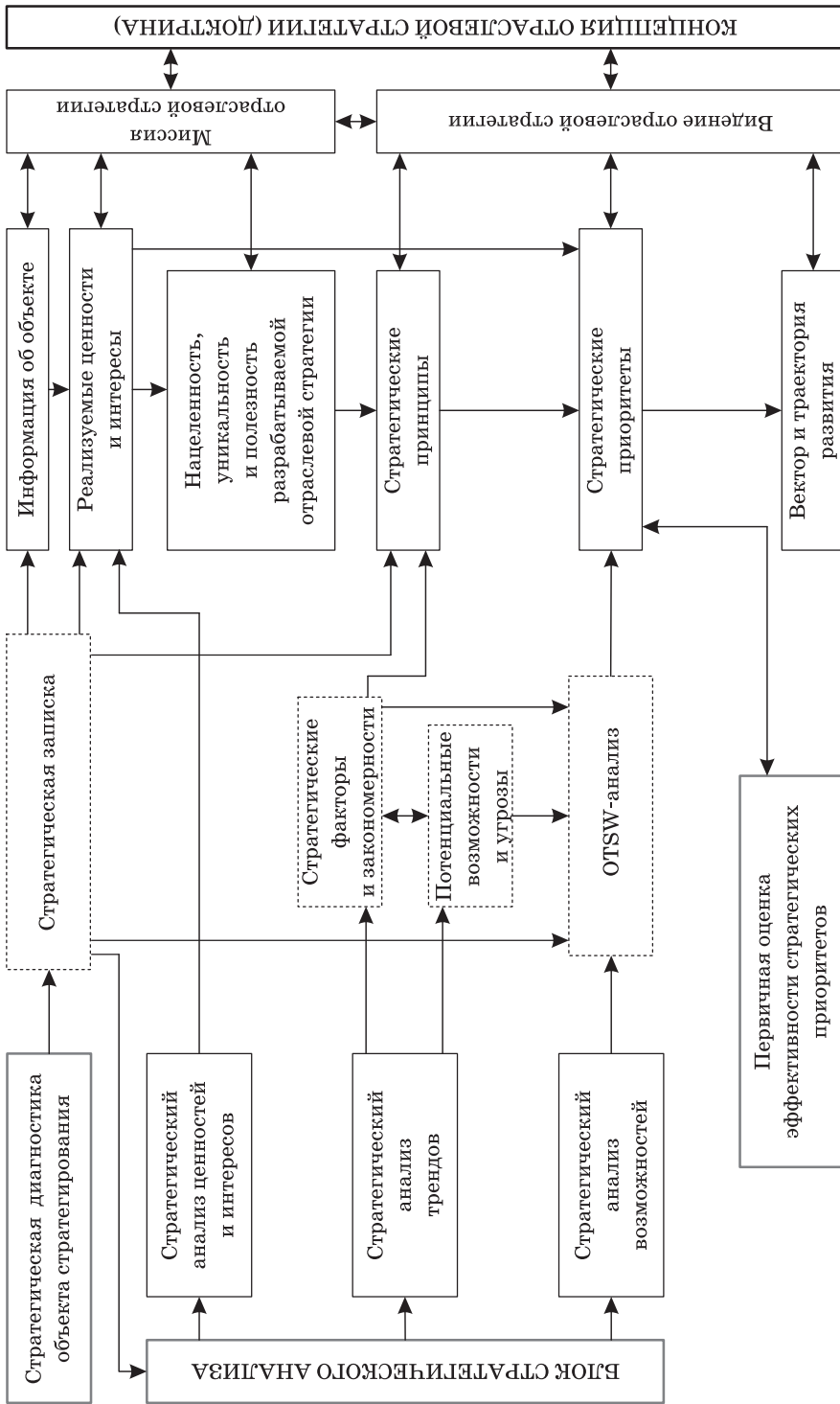

Рис. 2. Концептуальная схема формирования концепции отраслевой стратегии
 Fig. 2. Conceptual scheme for the formation of the concept of industry strategy

Источник: составлено автором.

рентных преимуществ) и слабых сторон объекта стратегирования. Результаты анализа с учетом реализуемых *интересов*, определенных ранее в концепции *миссии*, и сформулированных *стратегических принципов*, выступают базисом для формулирования концепций *стратегических приоритетов* (в том числе, с указанием целей и обозначением общественной и экономической эффективности). На следующем шаге, происходит их первичная селекция по признакам обеспеченности конкурентными преимуществами и требуемым объемам ресурсов для реализации.

Кроме этого, в силу ограниченности ресурсной базы и временного фактора проводится *первичная оценка эффективности стратегических приоритетов*, в том числе эконометрическим инструментарием и экономико-математическим моделированием [18; 28], результаты которой позволяют ранжировать их по принципу «максимальная потенциальная эффективность при наименьших затратах».

По итогам отбора и ранжирования стратегических приоритетов и устанавливается единственный и долгосрочный *вектор* развития объекта стратегирования, стратегические приоритеты с целями распределяются в соответствии с периодом и порядком их исполнения на общей линии стратегии, определяющую *траекторию* движения объекта стратегирования по достижению выбранного *вектора* развития.

На заключительном шаге, когда сформулированы *стратегические принципы*, *стратегические приоритеты* и указан *вектор с траекторией развития* объекта стратегирования, завершается формирование *видения*.

В свою очередь *миссия* и *видение*, сформированные на результатах такого последовательного и глубокого анализа, составляют концепцию отраслевой стратегии, которая выступает обоснованным ориентиром для разработки следующих немаловажных элементов стратегии и превращения ее в полноценный практический документ.

Заключение

Таким образом, проведенная систематизация и четкая регламентация последовательности отраслевого стратегирования с концентрацией на формировании концепции (стержневого блока стратегии) определяют не только теоретическую, но и практическую значимость для отраслевого развития. Использование приведенной методологии позволит через нивелирование методологических ошибок сократить число непрактичных и некорректных стратегических документов отраслевого развития, сохранив ключевой фактор стратегии — время, и аккумулировав все ресурсные возможности на достижении лишь обоснованных стратегических возможностей. В таком ключе отрасли действительно способны стать долгосрочным и устойчивым по отношению к вызовам и шокам драйвером развития экономических систем в целом.

Литература

1. Алимуратов М. К. Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2 (2). С. 163–172. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172.
2. Бодрунов С. Д. Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 146–157. DOI: 10.31857/S013216250009808-1.
3. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования. Ташкент : Тасвир, 2018. 160 с.
4. Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб. : Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований «Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте», 2021. 351 с.
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
6. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1 (Сер. «Библиотека стратега»). СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.

7. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. Т. 2 (Сер. «Библиотека стратега»). СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020. 164 с.
8. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 412–424. DOI: 10.7868/S0869587314050107.
9. *Квинт В. Л.* Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.
10. *Козырев А. А.* Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика промышленности. 2020. № 4. С. 434–447. DOI: 10.17073/2072-1634-2020-4-434-447.
11. *Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива* / В. Л. Квинт, М. К. Алимуратов, Г. В. Задорожная и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с. DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3.
12. *Леонидова Е. Г., Сидоров М. А.* Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181.
13. *Лившиц В. Н., Миронова И. А., Швецов А. Н.* Оценка эффективности инвестиционных проектов в различных условиях // Экономика промышленности. 2019. № 12(1). С. 29–43. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-29-43.
14. *Мирзиеева С. Ш.* Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 184 с.
15. *Основы стратегии экологического развития России* / В. Л. Квинт, В. А. Фетисов, М. К. Алимуратов и др. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Издательский Дом (типография), 2021. 77 с.
16. *Растворцева С. Н., Манаева И. В.* Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6.
17. *Садовничая А. В.* Общественная и экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности: методология и практика // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 76–85.
18. *Сасаев Н. И.* Первичная оценка экономической эффективности стратегических направлений развития газовой отрасли России // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 2. С. 52–65. DOI: 10.31857/S042473880009219-9.
19. *Сасаев Н. И.* Теоретико-методологические основы стратегического анализа трендов в отраслевом стратегировании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2021. № 4. С. 5–15. DOI: 10.21685/2227-8486-2021-4-1.
20. *Сасаев Н. И.* Теоретические основы и методология разработки стратегии развития газовой отрасли России. СПб.: СЗИУ РАНХиГС; 2019. 176 с.
21. *Сасаев Н. И.* Стратегирование газовой отрасли Дальнего Востока: систематизация основных интересов // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2 (2). С. 242–251. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-242-251.
22. *Сасаев Н. И.* Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования // Управленческое консультирование. 2021. № 9 (153). С. 58–68. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-58-68.
23. *Сасаев Н. И.* Финансирование отраслевых стратегий: стратегические принципы и эффективность // Экономическое возрождение России. 2021. № 4 (70). С. 77–87. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-4-70-77-87.
24. *Сасаев Н. И.* Фундаментальная основа для формирования новой культуры стратегирования // Экономика промышленности. 2021. Т. 14. № 2. С. 153–163. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-2-153-163.
25. *Стратегирование водных ресурсов Кузбасса* / Н. И. Сасаев, Г. В. Задорожная, Т. А. Алабина и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 388 с. DOI: 10.21603/978-5-8353-2725-6.
26. *Стратегирование экологического развития Кузбасса* / В. Л. Квинт, Г. В. Задорожная, Ю. В. Дудовцева и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 416 с. DOI: 10.21603/978-5-8353-2797-3.
27. *Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса* / В. Л. Квинт, М. К. Алимуратов, К. Л. Астапов и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 364 с. DOI: 10.21603/978-5-8353-2724-9.
28. *Хабриев Б. Р.* Подход к интегральной оценке результативности стратегии развития нефтяной отрасли России / Б. Р. Хабриев, Н. В. Бахтизина, А. Р. Бахтизин // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 1. С. 123–131. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-1-123-131.

29. *Kvint V.L.* The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
30. *Kvint V.L.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. NY : Routledge, 2016. 519 p.
31. *Kvint V.L.* Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte / V.L. Kvint. Munchen : UVK Verlag, 2021. 128 p.
32. *Novikova I.V.* The Russian Far East : Strategic Development of the Workforce. Burlington, Canada, Boca Raton, USA : Apple Academic Press, 2020. 155 p.
33. *Ohmae Kenichi.* The Mind of The Strategist: The Art of Japanese Business. United Kingdom, McGraw-Hill Education, 1982. 283 p.

Об авторе:

Сасаев Никита Игоревич, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, msemsu@mail.ru

References

1. Alimuradov M. K. Interregional Competition for Strategic Economic Factors // Strategizing: Theory and Practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2021. N 1(2). P. 163–172. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172 (in Rus).
2. Bodrunov S. D. Global Crises of the XXI Century Exposes the Contradictions of the Modern Socio-Economic Model // Sociological Studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2020. Is. 10. P. 146–157. DOI: 10.31857/S013216250009808-1 (in Rus).
3. Kvint V. L. Strategizing: Theory and Practice : digest. Tashkent : Tasvir, 2018 (in Rus).
4. Kvint V. L., Bodrunov S. D. Strategizing the society transformation: Knowledge, technology, noonomics. SPb. : Witte Institute for New Industrial Development; 2021. 351 p. (in Rus).
5. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Kemerovo : Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2020. 170 p. (in Rus).
6. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Vol. I. Ser.: Strategist' Library. SPb. : NWIM of RANEPa, 2019. 132 p. (in Rus).
7. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Vol. II. Ser.: Strategist' Library. SPb. : NWIM of RANEPa, 2019. 164 p. (in Rus).
8. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2014. Vol. 84. N 5. P. 412–424. DOI: 10.7868/S0869587314050107 (in Rus).
9. Kvint V. L. Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2020. N 3. P. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299 (in Rus).
10. Kozyrev A. A. Study of methodological basis of strategizing of social and economic development // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2020. N 4. P. 434–447. (in Rus). DOI: 10.17073/2072-1634-2020-4-434-447.
11. A conceptual future for the Kuzbass region: strategic outlines of developmental priorities through 2071, a 50-year perspective (Monograph) / Under the editorial research supervision of Dr. Vladimir L. Kvint. Kemerovo : Kemerovo State University; 2022. 283 p. DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3 (in Rus).
12. Leonidova E. G., Sidorov M. A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2019. Vol. 12. N 6. P. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Rus).
13. Livchits V. N., Mironova I. A., Shvetsov A. N. Evaluating investment projects efficiency in various conditions // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2019. N 1. P. 29–43. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-29-43 (in Rus).
14. Mirzиеeva S. Sh. Methodological foundations of planning the socio-economic development of Uzbekistan. SPb. : NWIM of RANEPa, 2020. 184 p. (in Rus).
15. The Fundamentals of Russia's Environmental Development Strategy: monograph / editorial research supervisors Dr. Vladimir L. Kvint and Vyacheslav A. Fetisov. M. : Moscow University Press, 2021. 77 p. (in Rus).

16. Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. Modern development of small and medium-sized cities: Trends and drivers // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2022. Vol. 15. N 1. P. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6 (in Rus).
17. Sadovnichaya A.V. Social and economic efficiency of exhibition and fair activities: methodology and practice // The Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2019. N 1. P. 76–85 (in Rus).
18. Sasaev N.I. The primary assessment of the economic efficiency of strategic directions of development of gas industry in Russia // Economics and the Mathematical Methods [Ekonomika i matematicheskie metody]. 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 52–65. DOI: 10.31857/S042473880009219-9 (in Rus).
19. Sasaev N.I. Theoretical and methodological foundations of strategic trend analysis in industrial strategizing // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society [Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve]. 2021. N 4. P. 5–15. DOI: 10.21685/2227-8486-2021-4-1 (in Rus).
20. Sasaev N.I. Theoretical foundations and methodology of the Russian gas industry development strategy. SPb. : NWIM of RANEPa, 2019. 176 p. (in Rus).
21. Sasaev N.I. Strategizing of the Russian Far East Gas Industry: Systematization of Main Interests // Strategizing: Theory and Practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2021. Vol. 1. N 2. P. 242–251. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-242-251 (in Rus).
22. Sasaev N.I. Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 9. P. 58–68. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-58-68 (in Rus).
23. Sasaev N.I. Sectoral Strategy Financing: Strategic Principles and Efficiency // The Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2022. N 4. P. 77–87. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-4-70-77-87 (in Rus).
24. Sasaev N.I. Fundamental basis for the formation of a new strategizing culture // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2021. Vol. 14. N 2. P. 153–163. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-2-153-163 (in Rus).
25. Strategizing of Kuzbass Region water resources (Monograph) / Under the editorial research supervision of Dr. Vladimir L. Kvint. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 388 p. DOI: 10.21603/978-5-8353-2725-6 (in Rus).
26. Strategizing of Kuzbass region ecological development (Monograph) / Under the editorial research supervision of Dr. Vladimir L. Kvint. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 416 p. (in Rus).
27. Strategizing of Kuzbass Region Economic and Investing Development (Monograph) / Under the editorial research supervision of Dr. Vladimir L. Kvint. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 364 p. DOI: 10.21603/978-5-8353-2724-9 (in Rus).
28. Khabriev B.R., Bakhtizina N.V., Bakhtizin A.R. Approach to an integrated assessment of the effectiveness of the development strategy of the Russian oil industry // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2020. Vol. 13, no 1. P. 123–131. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-1-123-131 (in Rus).
29. Kvint V.L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
30. Kvint V.L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. NY : Routledge, 2016. 519 p.
31. Kvint V.L. Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte / V.L. Kvint. Munchen : UVK Verlag, 2021. 128 p.
32. Novikova I.V. The Russian Far East : Strategic Development of the Workforce. Burlington, Canada, Boca Raton, USA : Apple Academic Press, 2020. 155 p.
33. Ohmae Kenichi. The Mind of The Strategist: The Art of Japanese Business. United Kingdom, McGraw-Hill Education, 1982. 283 p.

About the author:

Nikita I. Sasaev, Associate Professor of Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University Moscow School of Economics (Moscow, Russia), PhD in Economics; msemu@mail.ru

Русские философы о личностных истоках социальных концепций

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается осуществляемый русскими философами личностно-психологический подход к пониманию содержания социальных концепций. В частности, обращается внимание на попытку М. А. Бакунина и С. Н. Булгакова показать обусловленность учения К. Маркса о диктатуре пролетариата характерными чертами его личности. Высказывается мысль о том, что взгляды самого Бакунина во многом обусловлены чертами его личности.

В статье обсуждается и более общее положение о значении подхода с точки зрения человеческой природы для осмысления жизненности общесоциологических идей. В качестве примера применения такого подхода рассматривается осуществленная Бакуниным критика идеи диктатуры пролетариата, основанная на его представлении о естественной мотивации человеческого поведения в конкретных жизненных обстоятельствах.

Автор приходит к заключению о том, что психологическое толкование может дополнять социологическую конструкцию в плане ее соответствия человеческой природе, характерной для нее системе поведенческой мотивации. Кроме того, личностно-психологическое обоснование позволяет взглянуть на политологические или социологические концепции как феномены культуры, явно или неявно заключающие в себе определенные ценностные установки.

Ключевые слова: наука, социальное познание, личность автора, человеческая природа, тип личности

Для цитирования: Александров В. Б. Русские философы о личностных истоках социальных концепций // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 116–124.

Russian Philosophers on Personal Origins Social Concepts

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the personal-psychological approach of Russian philosophers to understanding the content of social concepts. In particular, attention is drawn to the attempt of M. A. Bakunin and S. N. Bulgakov to show the conditionality of K. Marx's teachings about the dictatorship of the proletariat with the characteristic features of his personality. The idea is expressed that the views of Bakunin himself are largely due to the features of his personality. The article also discusses a more general provision on the importance of the approach from the point of view of human nature in understanding the vitality of general sociological ideas. As an example of the application of this approach, Bakunin's criticism of the idea of the dictatorship of the proletariat, based on his idea of the natural motivation of human behavior in specific life circumstances, is considered.

The author concludes that psychological interpretation can complement the sociological construction in terms of its conformity with human nature, characteristic of it system of behavioral motivation. In addition, personal-psychological justification allows us to look at political or sociological concepts as cultural phenomena that explicitly or implicitly contain certain value attitudes.

Keywords: science, social knowledge, personality of the author, human nature, type of personality

For citing: Aleksandrov V. B. Russian Philosophers on Personal Origins Social Concepts // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 116–124.

Теории познания, развивавшиеся в рамках классической рационалистической философии, так или иначе исходили из представления о субъекте познания как своего рода «мыслящем устройстве», деятельность которого осуществляется на основе универсальных категорий и законов логики. В духе этого способа трактовки познавательного процесса происходил и поиск основных форм, в которые должны «отливаться» его результаты. В настоящее время в методологии науки утвердилось представление о том, что целью научного познания и высшей формой, в которой выражаются его результаты, является научная теория, представляющая собой объективно истинное, системно организованное знание о некотором срезе объективной реальности.

Наряду с таким пониманием научного познания все более отчетливые черты обретает в XX в. и иной способ трактовки его природы, связанный с осознанием того обстоятельства, что научное познание представляет собой специфический способ самореализации личности ученого, обладающей определенными психологическими чертами и руководимой ценностными установками, укорененными в конкретной культуре. Одной из известных попыток переосмыслить в этом плане научное познание стала концепция личностного знания М. Полани. Он отмечает, что долгое время учеными руководило стремление исключить личность ученого из картины мира, понимаемой как образ реальности, существующей «сама по себе», «достичь абсолютно безличного знания, которое не признает существования личности и дает нам картину Вселенной, где мы сами отсутствуем» [6, с. 207]. Такая установка приводила к утрате полноты представления о природе научного познания. По его словам, «философское движение, основанное на стремлении к научной строгости, стало угрозой для положения самой науки».

Важнейшим шагом на пути преодоления этой тенденции в понимании научного познания должно стать критическое переосмысление представления о системности как главном принципе организации научного знания. Само стремление к созданию теории, понимаемой как идеал организации научного знания, должно быть понято как феномен определенной культуры, присущей ей формы самоосуществления человека, его самополагания в создаваемой им реальности знания. Эта культура не является носителем универсальных общечеловеческих ценностей, в равной степени, обнаруживающих себя во все времена. Более того, можно представить ценностную установку, в рамках которой системность является неприемлемой. Такую установку мы, например, встречаем у Ницше, который в афористически выразительной форме выразил сомнение в значении системности как цели познания, переведа оценку этого стремления в сферу морали. «Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их, — писал Ницше. — Воля к системе есть недостаток честности» [5, с. 560]. При ближайшем рассмотрении эти слова обнаруживают глубокий смысл, в особенности в том случае, когда речь идет о построении общесоциологических концепций или теорий, призванных отразить сущностные черты конкретных сфер общественной жизни. И действительно, теоретическая система, понимаемая как цель познания в социальных науках, несет в себе в скрытой форме мотив авторитарности и деспотичности, мотив претензии на доминирование над умами, на руководство социальной практикой, с правом принятия репрессивных мер в отношении несогласных. С таким проявлением теории, понимаемой как идеальная форма знания, мы столкнулись в эпоху преобразования общества на основе единственно верной концепции общественного развития.

В этом же духе высказывается и М. Полани, отрицая возможность всяческих универсальных форм научного знания. Он подчеркивал, что «наука не устанавливается путем принятия некоторой формулы, но есть часть духовной жизни, обособившаяся как поле, возделываемое по всему миру тысячами ученых специалистов; причем косвенно к этому полю причастны еще многие миллионы людей» [6, с. 246].

Все сказанное выше означает, что в исследованиях научного познания нельзя абстрагироваться от темы личностной вовлеченности исследователя в познавательный процесс, которая будет выступать как проявление не безразличия, заинтересованности в определенной трактовке исследуемого предмета и в стремлении представить знание в определенной форме. Такую заинтересованность вслед за Полани можно определить как *страстность*. «Страстность в науке, — по его словам, — это не просто субъективно-психологический побочный, но логически неотъемлемый элемент науки. Она присуща всякому научному утверждению и тем самым может быть оценена как истинная или ложная» [там же, с. 196].

Эта страстность может, в частности, выражаться и в форме стремления к объективному знанию, которое должно быть осмыслено не только как осуществление определенной методологической установки, но и как феномен определенной культуры и даже как проявление определенной черты характера, черты личности исследователя.

В социальном познании личностные особенности исследователя могут обусловить различные познавательные установки. Не вдаваясь в более тонкие личностные характеристики, имеющие значение для ориентации научного познания, остановимся в качестве примера на двух достаточно характерных типах, по-разному проявляющихся в процессе социального познания. Во-первых, это тип, характеризующийся интересом к индивидуальности, готовностью к сопереживанию конкретным людям, к поиску конкретной поведенческой мотивации людей в конкретных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, это личностный тип, характеризующийся стремлением к глобальному видению, ориентацией на достижение мировой справедливости и всеобщего блага. Такие типы личности описал в свое время Ключевский, рассматривая их как результат осуществления одной из двух линий в воспитании. Первая из них, согласно ему, осуществляется в семье, вторая — в закрытых учебных заведениях. В первом случае человек привыкает понимать и любить *своих* и на этой основе «учится превращать *чужих* в своих *ближних*», это личность, воспитанная на «любви к ближним» [3, с. 27]. Во втором случае, «педагогика XVIII века... соорудила по правилам природы и физики автоматическое сердце с беспредметной деятельностью, с чувством вечно действующим и ничем не питаемым» [там же, с. 25]. Наверное, существуют и другие основания для формирования этих двух типов личности. В данной статье мы отвлекаемся от этой темы как лежащей за границами исследования, ограничиваясь констатацией их существования.

В социальном познании первый тип личности может обнаружить себя в особом внимании к конкретному, человеческому измерению социальных процессов, второй в тяготе к общему взгляду, игнорированию частных деталей, конкретики событий, к построению обезличенных теоретических систем, призванных отразить универсальные законы общественного развития.

В этой связи представляют интерес попытки русских философов связать критику социальных теорий с личностными особенностями авторов этих теорий. Можно сказать, что их усилия во многом предвосхищали идею Полани о том, что человек в своих познавательных усилиях руководим «страстностью» и что «наши понятия о человеке и обществе должны отражать то обстоятельство, что их формирует человек и способствовать укоренению этого в общественном сознании» [6, с. 207].

Следует заметить, что размышления русских мыслителей в этом направлении явились проявлением свойственной отечественной философии антропологической

ориентации, обуславливающей интерес к жизненному опыту человека как основанию познавательной деятельности, противостоящий рационалистической концепции познания, свойственной западной философии. Эта последняя, как известно, предполагает, что в процессе познания реализуются некоторые универсальные схемы и методологические приемы. Опыт для русских философов означает «не внешнее познание предмета, как это происходит посредством чувственного восприятия, а освоение человеческим духом полной действительности самого предмета в его живой целостности» [7, с. 476]. Последние слова означают по сути дела, что жизненный опыт выступает основанием познавательной деятельности именно потому, что он выступает вместе с тем основанием формирования целостности определенного типа личности.

Конкретным примером попытки русских философов вывести особенности социальной концепции из личностных особенностей ученого является усмотрение оснований марксистской концепции исторического процесса, содержание которой формируется в терминах формации, социальной революции, диктатуры пролетариата, в личностных чертах К. Маркса. При этом в своих рассуждениях они по сути дела исходили из представления о двух типах личности, о которых было сказано выше.

Рассмотрим в свете сказанного некоторые пассажи из статьи С. Н. Булгакова «Маркс как религиозный тип». На основе анализа текстов Маркса, его полемики с несогласными, некоторых писем Маркса, а также впечатлений людей, непосредственно знавших его, Булгаков устанавливает, что тип личности этого человека является отчетливо диктаторским. «Многие знавшие его, — отмечает он, — видели в нем человека „нетерпеливого и властного самоутверждения, которым проникнуто все, в чем отпечаталась его личность“» [2, с. 244]. Он отмечает, что для такого рода личности свойственно «прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности». Люди для такого рода личностей превращаются «как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей» [Там же]. Соответственно, в практической сфере другие люди выступают для них как объекты «для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия» [Там же]. В определенном смысле понятые таким образом личностные черты Карла Маркса соответствуют второму из очерченных выше типов личности.

По мнению Булгакова, упомянутые личностные черты определяют и направленность познавательных усилий их носителей. «В области теории эта черта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуальности...под предлогом социологического истолкования истории» [Там же]. В сознании таких личностей умозрительные конструкции берут верх над конкретным анализом общества в терминах человеческих желаний и интересов. Таким образом, согласно С. Н. Булгакову, концепция исторического процесса К. Маркса явилась не только результатом теоретического обобщения фактов истории, но и проявлением личностных особенностей ее автора. По-видимому, сама работа с фактами находилась под влиянием его эмоционального отношения к подбору фактов, на основе которых выстраивалась его концепция.

На такую роль страстности и эмоций в процессе познания указывает и М. Поляни. «В науке она (страстность — В. А.) утверждает научный интерес и ценность определенных фактов, подчеркивая в то же время отсутствие такого интереса и ценности применительно к другим фактам. Эта *селективная* функция (при отсутствии которой вообще нельзя было бы определить, что такое наука) тесно связана с другой функцией тех же эмоций, дополняющей их когнитивное содержание волевым компонентом» [6, с. 229].

Традиция понимания содержания научной концепции, выразителем которой явился С. Н. Булгаков, прослеживается в трудах мыслителя, творившего на полвека раньше. Мы имеем в виду критику марксизма в трудах большого русского мыслителя М. А. Бакунина, которому, как известно, приходилось лицом к лицу полемизировать с К. Марксом. Критикуя учение Маркса о диктатуре пролетариата, в качестве источника этого учения он видит его личностные особенности, которые обуславливают отсутствие интереса к человеческому плану социалистических преобразований.

Напомним, как у К. Маркса выглядит тезис о необходимости диктатуры пролетариата, который мы находим в знаменитой «Критике Готской программы». Маркс не прорабатывает человеческий аспект государства, принятие или непринятие государства людьми, связанное с естественным человеческим желанием свободы, стремлением к сохранению личного суверенитета, а просто констатирует его необходимость. Его формулировка сугубо концептуальна: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [4, с. 23].

Для Бакунина государство по самой своей сути есть источник эксплуатации и угнетения, игнорирующий тему свободы личности. И согласно его анархической концепции оно должно быть упразднено. Стремление сохранить государство после революции в форме диктатуры пролетариата коренится, по его мнению, в личности К. Маркса.

Интерес Маркса к государству, придание особого значения государству обусловлено, по Бакунину, чертами его личности. При многих положительных качествах — ум, разносторонняя ученость и др. — он обладает рядом отрицательных черт — честолюбие, тщеславность, готовность идти на любые интриги для усиления влияния и распространения силы, он «нетерпим и абсолютен как Иегова». Маркс, по Бакунину, «совершенно политический человек» [1, с. 443]. Именно названные черты его личности, по мнению Бакунина, обусловили то значение государства, которое придал ему Маркс.

Логика Бакунина такова: «*доктринерные революционеры*, имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру... только враги настоящих властей, потому что они исключают возможность их диктатуры, но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти» [1, с. 438–439]. Маркс, как доктринер, руководствующийся созданной им доктриной общественного прогресса, в силу своих личностных особенностей не может отказаться в принципе от государственной власти. «Доктринерные революционеры под предводительством г. Маркса везде держат сторону государственности и государственников против народной революции» [Там же, с. 439].

С этой же методологической позиции он толкует и взгляды Ф. Лассалья, который, будучи близок Марксу по вопросу о том, что «освобождение пролетариата из-под ига буржуазии возможно *посредством только одного государства*, уходил от идеи революции и диктатуры пролетариата». Этот уход Бакунин связывает с его личностными чертами, значительно отличавшимися от личностных особенностей К. Маркса. Как известно, Лассаль склонялся к тому, что улучшение положения рабочего класса возможно в рамках принципа всеобщего избирательного права. С помощью этого права может быть создано «народное государство», которое будет представлять собой «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия». Эта позиция Лассалья, в которой проглядывает понимание необходимости учитывать интересы людей, как известно, стала основанием для того, чтобы марксисты стали клеймить его как оппортуниста.

Известно, что Лассаль вел на эту тему переговоры с Бисмарком, за что его, по словам Бакунина, обвиняли в продажности и либералы, с одной стороны, и приверженцы Маркса, с другой. Истоки взглядов Лассалья Бакунин видел, прежде всего, не в теоретических аргументах, а в личностных особенностях этого человека, которые он характеризует следующим образом: «Лассаль не был человеком народа, потому что он слишком желтоперчаточный щеголь, чтобы встречаться с пролетариатом помимо митингов, где он обыкновенно магнетизировал его умною блестящею речью, слишком избалован был богатством и сопряженными с ним привычками изящно-прихотливого существования, чтобы находить удовольствие в народной среде, слишком еврей, чтобы он чувствовал себя ловко среди народа, и, наконец, слишком наполнен сознанием своего умственного превосходства, чтобы не ощущать некоторого презрения к неученой чернорабочей толпе, к которой он относился более как медик к больному, чем брат к брату» [1, с. 484–485]. Эти личностные особенности привели Лассалья к промежуточной позиции. Они не позволили ему, по мнению Бакунина, увидеть, с одной стороны, принципиальную невозможность использования государства для освобождения пролетариата, с другой стороны, к отказу от идеи диктатуры пролетариата в пользу более мягкой государственной формы. Мы видим, что у Бакунина аргумент от личного начала поглощает, и даже подчиняет себе концептуальную критику.

Общая установка Бакунина на поиск конкретных личностных оснований концепций государства, созданных Марксом и Лассалем, имеет и другую сторону — интерес к интерпретации способов функционирования предлагаемых в этих концепциях форм существования государственной власти через деятельность конкретных людей, так или иначе связанных с нею. В противовес «доктринерам», обосновывавшим необходимость государства (в частности, в виде государства диктатуры пролетариата) на уровне общих категорий, Бакунин свои рассуждения о его ненужности строит, опираясь на логику здравого смысла, психологический анализ мотивации, которой руководствуются конкретные люди. Именно мимо этого аспекта темы диктатуры пролетариата прошел Маркс, который, как позже будет говорить С. Н. Булгаков, в силу своего характера пренебрежительно относился к теме конкретного человека, человеческой индивидуальности. К стати говоря, подобная установка, воспроизведенная большевистским мировоззрением, нашла свое трагическое проявление в реальной практике диктатуры пролетариата в России.

Бакунин показывает, что невозможность и даже бессмысленность идеи диктатуры пролетариата вытекает из естественной психологии человека, о которой свидетельствует повседневный жизненный опыт. Маркс был «выше» такого видения и потому остался на уровне слишком абстрактного видения социальной реальности, игнорирующего человеческие страсти, эмоции и слабости, что в итоге обусловило ограниченность и социальную опасность диктатуры пролетариата.

«Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? — задается вопросом Бакунин. — Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?.. Весь народ будет управлять, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы» [1, с. 482].

Далее он развивает на основе все того же здравого смысла и психологического анализа критику идеи о том, что реально будет управлять не весь народ, а его представители. «Эта дилемма в теории марксистов, — пишет он, — разрешается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом». Такую позицию он оценивает как «ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли» [Там же]. «...Это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из

бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь черно-рабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усумниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека» [Там же, с. 483]. Интересно, что такое понимание природы человека весьма близко тому, которое даст через несколько десятилетий Ф. Ницше, символизировавший ее образом тарантула. Вот что писал Ницше, характеризуя эту черту человеческой природы: «Не доверяйте всем тем, кто много говорит о своей справедливости! Поистине, их душам недостает не одного только меду. И если они сами называют себя „добрыми и праведными“, не забывайте, что им недостает только — власти, чтобы стать фарисеями» [5, с. 72].

Наверное, многие не согласятся применить к себе это определение человеческой природы. Однако жизнь показала, что его автор не так уж далек от истины. Советская история убедила в том, что подобные формы проявления человеческой сущности вполне себе вероятны. Так что высказанное на уровне философских размышлений представление о человеке и его природе оказалось весьма эвристичным для оценки возможных эксцессов планировавшейся марксизмом формы народовластия.

С общей логикой критики учения Маркса о диктатуре пролетариата связана и позиция Бакунина по вопросу о возможности «научного управления государством», которое неизбежно обернется подавлением управляющей верхушкой, говорящей от имени науки, всего остального населения. Если принять эту точку зрения, утверждает он, — то получится, что небольшое количество ученых будут управлять целым миром! «Можно ли представить себе деспотизм нелепее и отвратительнее этого?» — задается он вопросом.

Представители науки, — по мнению Бакунина, — вызывают сомнение в силу того, что «ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порок его — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он станет самым несносным тираном» [Там же, с. 435]. И эти слова Бакунина нашли свое подтверждение в истории советской страны, когда убежденность в справедливости научной идеологии, на основе которой осуществлялось управление обществом, обусловило жесточайшую репрессивную социальную практику.

Действительно, создание некоей концепции, или доктрины, в терминологии Бакунина, рождает в сознании доктринера эмоционально наполненную веру в свою правоту, которая оборачивается готовностью осуществлять ее в реальной жизни. Как отмечал Полани, «эвристическая эмоция служит источником оригинальности как силы, побуждающей нас покинуть общепринятую схему интерпретации и соглашаться (преодолевая при этом логический разрыв) на использование новой схемы» [6, с. 229].

Подход к пониманию социальной действительности с точки зрения человеческой природы приводит Бакунина к категорическому неприятию умозрительного конструирования реальности, «преобладания науки над жизнью» [1, с. 437]. Его манифест, касающийся возможностей науки в постижении конкретной жизни, может быть представлен следующим, высказанным им со всей определенностью, тезисом. «В противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом» [1, с. 436–437]. Нетрудно заметить, что в этом высказывании просматривается понимание значения жизненного опыта как источника и основания познания, получившее дальнейшее развитие в трудах русских мыслителей XX в., в частности С. Л. Франка.

Конечно, способ мышления, которому следует Бакунин, может быть обращен на понимание истоков его собственных воззрений. За ними, очевидно, стоит его собственная стихийная, деятельная, практически ориентированная натура, характеризующаяся не только высоким интеллектом, но и способностью к сопереживанию, уважением к человеческой личности. По-видимому, именно она обусловила его убеждение в том, что социальные преобразования не совершаются на основе доктрин, игнорирующих готовность людей принять предлагаемые преобразования. Для появления такой готовности необходим соответствующий опыт социальной и практической жизни, необходимо преодоление свойственного России «поглощения лица миром». Бакунин со всей определенностью подчеркивает, «что прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественно нарастания опыта и мысли» [1, с. 511].

Жизненно-практическая ориентация, свойственная его личности, обусловила, по-видимому, и сделанный им вывод о том, что сама жизнь должна «толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований». На этом пути, по его мнению, произойдет образование «рабочих артелей и кооперативных обществ, ссудных, потребительских и производительных, и по преимуществу последних как идущих прямее других к цели, т. е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала» [Там же, с. 506].

Оценка способа мышления, ориентирующего на установление «человеческих» истоков социальных концепций, исповедуемого названными русскими авторами, должна исходить, на наш взгляд, из представления о диалектике личностного фактора познания и методологических принципов, отражающих существенный аспект познавательной деятельности. Конечно, рассмотрение содержания социальных концепций как своеобразное отражение личности их автора во многом оправдано. Однако внимание к этой стороне социального познания не должно рассматриваться как замена научной методологии, специализированной деятельности, направленной на познание общественных процессов, в свойственных ей формах и с использованием свойственной ей методологии. На наш взгляд, личностное видение социального познания — это дополнение, хотя и весьма существенное, наполняющее объемом и человеческим смыслом научные построения. Оно позволяет углубить представление об основаниях появления тех или иных социальных концепций, а также углубить интерпретацию функционирования социальных институтов (в рассмотренном выше случае — государства), необходимость которых обосновывается в данных концепциях.

Вообще подход с точки зрения представления о человеческой природе, ориентирующего на осуществление личностно-психологического истолкования социальных конструкций, на установление мотивации человеческого поведения, которое должно наполнить жизнью эти конструкции, позволяет глубже понять возможность тех или иных социальных преобразований, откорректировать казалось бы в полной мере научно обоснованные теоретические построения.

Сказанное, конечно, не означает призыва к «психологическому редукционизму». Речь идет о том, что психологическое толкование может встраиваться в сугубо социологическое объяснение, существенно корректируя его и стимулируя создание таких концепций, которые будут согласовываться с человеческим видением исторической реальности. Кроме того, личностно-психологическое обоснование позволяет взглянуть на политологические или социологические концепции как феномены культуры, явно или неявно заключающие в себе определенные ценностные установки.

Несколько слов об активной критике Бакуниным доктринерства, навязывающего жизни умозрительно конструируемые схемы, и противопоставлении ему точки зрения социальной практики и вырастающего на ее основе осознания необходимости тех или иных форм социальных и экономических преобразований. Несомненно,

доктринерство, игнорирующее реальный социальный опыт, неприемлемо. Однако вряд ли хороша и другая крайность, сводящая социально значимое знание, по сути дела, исключительно к обыденным представлениям, вырастающим на основе жизненного опыта. Следует, видимо, иметь в виду, что доктрины бывают разного качества. Многое в их научной и практической значимости зависит от степени их фактической обоснованности. Доктрины, или, аккуратнее говоря, теории тоже могут появляться как результат осознания того, что дает новый социальный опыт. Кроме того, отводя знанию исключительно служебную функцию по отношению к стихии естественного развития, Бакунин игнорирует тему перспективного видения, которое при всей его проблематичности может стать основой для обсуждения тех организационных форм, которые рассматриваются как соответствующие существующему жизненному опыту.

Литература

1. *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика.* М. : Правда, 1989.
2. *Булгаков С. Н.* Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С. Н. *Сочинения в двух томах.* Т. 2. М. : Наука, 1993.
3. *Ключевский В. О.* Два воспитания // Ключевский В. О. *Сочинения в девяти томах.* Т. IX. М. : Мысль, 1990.
4. *Маркс К.* Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избранные произведения.* Т. 2. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949.
5. *Ницше Ф.* *Сочинения в двух томах.* Т. 2. М. : Мысль, 1990.
6. *Полани М.* *Личностное знание. На пути к посткритической философии.* М. : Прогресс, 1985.
7. *Франк С. Л.* *Духовные основы общества.* М. : Республика, 1992.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Bakunin M. A. Statehood and anarchy // Bakunin M. A. *Philosophy. Sociology. Politics.* M.: True, 1989 (in Rus).
2. Bulgakov S. N. Karl Marx as a religious type (His attitude to the religion of humanity L. Feuerbach) // Bulgakov S. N. *Works in two volumes. Vol. 2.* M.: Science, 1993 (in Rus).
3. Klyuchevsky V. O. Two educations // Klyuchevsky V. O. *Works in nine volumes. Vol. IX.* M.: Thought, 1990 (in Rus).
4. Marx K. Criticism of the Gothic program // K. Marx, F. Engels. *Selected works. Vol. 2.* M.: State Publishing House of Political Literature, 1949 (in Rus).
5. Nietzsche F. *Writings in two volumes. Vol. 2.* M.: Thought, 1990 (in Rus).
6. Polani M. *Personal knowledge. Towards postcritical philosophy.* M.: Progress, 1985 (in Rus).
7. Frank S. L. *Spiritual foundations of society.* M.: Republic, 1992 (in Rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEP (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Социальные типологии творческих практик

Гавра Д. П.¹, Байер Ю. П.², *

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *bayer-yp@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье авторы структурируют и значительно расширяют теорию типологии творческих практик.

Авторы предлагают две группы оснований для построения типологии креативности. Первая группа — социализационная. Под социализационными основаниями креативности авторы понимают совокупность социальных факторов, способствующих или препятствующих процессу социализации индивида как субъекта креативных практик. Авторы говорят о *способствующих* и *препятствующих* реализации креативного потенциала социализационных факторах и, соответственно, вводят новые понятия, такие как социализационно гармоничные (ламинарные, благоприятные) и социализационно конфликтные (турбулентные, неблагоприятные) креативности.

Авторы также выделяют вторую группу оснований для типологии креативности, а именно — факторы внешней для креативного субъекта социально-политической среды. Так, выделяются два вида реализации креативного потенциала. В статье авторы обозначают их как социетально благоприятные и социетально неблагоприятные. В результате авторы предлагают трехмерную типологию социальных траекторий субъектов креативного потенциала — креативные социальные траектории.

Также авторы предлагают классификацию креативного потенциала по параметрам *профильности* — *непрофильности*. Под профильным креативным потенциалом индивидуального или группового социального субъекта понимается потенциал, реализующийся в поле основного профиля его профессиональной деятельности. Соответственно непрофильный потенциал реализуется либо в досуговых практиках, либо в профессиональных практиках, не связанных с основным профилем профессиональной деятельности субъекта. Опираясь на критерий характера инновации, заключенной в креативном продукте, авторы вводят типологическое деление на конформную и неконформную/радикальную креативность. Также вводится понятие индивидуальной и групповой креативности, индивидуального и группового креативного потенциала.

Ключевые слова: креативность, социализационно гармоничные, социализационно конфликтные креативности, креативные социальные траектории, профильный и непрофильный креативный потенциал, конформная и неконформная/радикальная креативность, креативный медиатор, индивидуальная и групповая креативность, индивидуальный и групповой креативный потенциал

Для цитирования: Гавра Д. П., Байер Ю. П. Социальные типологии творческих практик // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 125–133.

Social Typologies of Creative Practices

Dmitrii P. Gavra¹, Julia P. Bayer², *

¹Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *bayer-yp@ranepa.ru

ABSTRACT

In this article, the authors structure and significantly expand the theory of the typology of creative practices.

The authors offer two groups of grounds for constructing a typology of creativity. The first group is socialization. Under the socialization foundations of creativity, the authors understand a set of social factors that contribute to or hinder the process of socialization of an individual as a subject of creative practices. The authors talk about socialization factors that contribute to and hinder the realization of creative potential and, accordingly, introduce new concepts, such as socialization harmonious (laminar, favorable) and socialization conflict (turbulent, unfavorable) creativity.

The authors also distinguish the second group of grounds for the typology of creativity, namely, the factors of the social and political environment external to the creative subject. So, two types of realization of creative potential are distinguished, the authors designate them as societally favorable and societally unfavorable. As a result, the authors propose a three-dimensional typology of social trajectories of subjects of creative potential — creative social trajectories.

The authors also propose a classification of creative potential according to the parameters of profile — non-core. The profile creative potential of an individual or group social subject is understood as the potential realized in the field of the main profile of his professional activity. Accordingly, non-core potential is realized either in leisure practices or in professional practices that are not related to the main profile of the subject's professional activity. Based on the criterion of the nature of innovation contained in a creative product, the authors introduce a typological division into conformal and non-conformal/radical creativity. The concept of individual and group creativity is also introduced, the concepts of individual and group creative potential are described as well.

Keywords: creativity, socially harmonious, socially conflicting creativity, creative social trajectories, core and non-core creative potential, conformal and non-conformal/radical creativity, creative mediator, individual and group creativity, individual and group creative potential

For citing: Gavra D. P., Bayer Ju. P. Social Typologies of Creative Practices // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 125–133.

Искусство — это единственная альтернатива счастью

Как мы уже говорили в наших предыдущих публикациях, креативность является одной из самых востребованных компетенций XXI в. Все остальное (или почти все) за человека рано или поздно смогут сделать роботы и искусственный интеллект. В настоящей статье мы рассмотрим и структурируем основные типологии творческих практик, которые встречаются в современном обществе.

Начиная обзор теоретических подходов, отметим, что исследования творчества и творческих практик шире проводятся не в социологии, а в других областях, таких как психология, бизнес, инженерия, дизайн, образование, математика, информатика и философия. Ученые из многих этих сфер и предметных полей согласны с тем, что творчество принимает различные формы [2; 3; 5 и др.]. Определение креативности — сложный процесс, однако в одном авторы совпадают: *творческие идеи и продукты должны быть и новыми, и полезными*. Классификация типов творчества полезна для понимания «природы творчества» [6, с. 10].

Прежде всего, определим базовые для нас понятия. Тем более, что мы обращаемся к ним не в первый раз.

Под *креативными социальными практиками* мы понимаем практики, в результате реализации которых создаются креативные продукты.

Креативный продукт — продукт человеческой деятельности, функционирующий в поле социальных обменов, потребительскую стоимость которого составляет удовлетворение некоторого набора высших потребностей, в частности, эстетических, символических, потребности в принадлежности и т. п. Именно креативная составляющая определяет меновую стоимость креативного продукта как товара. Скажем, рыночная стоимость картины модного художника или платья известного дизайнера

несравнимо выше, чем стоимость холста, красок и кистей, или ткани, ниток и оплаты труда швеи, даже самой квалифицированной. Профессиональные креативные практики, несомненно, являются рыночной категорией, поскольку сам факт признания покупателем наличия добавленной креативной стоимости, заключающийся в акте купли-продажи, онтологически легитимирует продукт как креативный. Более того, именно факт рыночного обмена с фиксацией наличия креативной составляющей в цене продукта означает социальную легитимацию создателя креативного продукта как «творца», субъекта креативных практик. Именно рынок таким образом формирует социальную группу устойчивых субъектов креативных практик, в перспективе перерастающую в социально-профессиональную группу/группы. Вряд ли можно считать поэтом человека, который каждый день пишет и сжигает тексты, которые, по его словам, являются стихами. Но другое дело, если человек всю жизнь писал «в стол», а потомки обнаружили, опубликовали и весь тираж оказался молниеносно продан.

Таким образом, креативные продукты, во-первых, обладают рыночной стоимостью в системе социальных обменов, во-вторых, устанавливают статус социального субъекта как субъекта креативных практик и, в-третьих, способствуют прямой и социальной капитализации этого субъекта.

Креативный потенциал — это умение, способность индивида, используя свое воображение, социокультурный опыт, профессиональные знания и навыки, создавать инновационный, оригинальный продукт в любой сфере жизнедеятельности общества [1, с. 56]. Отметим, что креативный потенциал индивида может как выйти на траекторию реализации через создание и обмен креативного продукта, так и остаться «вещью в себе», когда его обладатель в силу каких-либо факторов не создает креативного продукта, хотя и способен на это. Можно задать вопрос, что же создает обладатель креативного потенциала, если продукт его деятельности не подтверждает в ходе социальных обменов статус креативного продукта. С нашей точки зрения в данном случае возникает продукт обыденной деятельности. В нем может присутствовать креативный предметный потенциал, но креативным продуктом он не является. Важно также отметить, что единственным эмпирическим референтом наличия у субъекта креативного потенциала является факт производства им креативного продукта, т. е. такого, который в ходе рыночного обмена валидирует свое свойство креативности.

Креативность в нашем понимании — это индивидуальная характеристика деятельности социального субъекта, в рамках которой происходит реализация креативного потенциала. Если креативный потенциал может быть, что называется «спящим», нереализованным, то креативность всегда реализуется в деятельности. И в этом плане *креативная социальная практика* — это относительно устойчивая воспроизводящаяся деятельность социального субъекта, в ходе которой реализуется его креативный потенциал.

Рассмотрим существующие определения и типологию креативности в мировой литературе. Так, существует *личностно-ориентированная теория*, основанная на трех характеристиках субъекта креативных практик — творческих способностях, открытости и независимости — предлагает четыре типа креативности: *комплексная креативность* (высокий уровень всех трех характеристик); *подчиненная креативность* (высокий уровень творческих способностей и открытости при низкой самостоятельности); *бунтарская креативность* (высокий уровень творческих способностей и самостоятельности при низкой открытости); и *самореализующееся творчество* (высокий уровень открытости и независимости при низкой творческой способности) [4, с. 3]. Как мы видим, в этой типологии креативности имплицитно присутствует признание роли обмена в онтологии креативности. При этом данные авторы называют «творческими способностями» то, что в нашей концепции обозначено как креативный

потенциал. При всей привлекательности и эвристичности рассматриваемого подхода отметим, что он практически полностью элиминирует влияние среды на реализацию креативного потенциала. Мы полагаем, что в разных средовых условиях субъекты с равными параметрами творческих способностей, самостоятельности и открытости будут иметь разные креативные траектории.

Другая модель, *теория адаптаций — инноваций*, определяет «адаптеров» как людей, которые предпочитают более структурированные проблемы и вносят изменения в парадигму, используя эту структуру, чтобы помочь им решить проблемы [4, с. 14]. Напротив, «новаторы» — это те, кто предпочитают более открытые проблемы и проявляют творческий подход, изменяя преобладающие структуры и парадигмы. С нашей точки зрения, этот подход лишь косвенно соприкасается с рассматриваемой проблемой построения типологии креативности, поскольку креативный потенциал может присутствовать и у адаптеров, и у новаторов. Другое дело, что характер и масштаб этого потенциала неизбежно будут различаться.

Некоторые авторы проводят параллель между типологией Киртона и моделью Кауфмана (1979), предлагавшей выделять группы на основании критерия поведения при решении проблем. По Кауфману есть «ассимиляторы» и «исследователи». Ассимиляторы, как и адаптеры, стремятся решить проблемы, адаптируя установленные принципы в рамках существующих парадигм. Исследователи, как и новаторы, готовы отказаться от устоявшихся схем и искать новые альтернативы.

Галенсон [8, с. 5] представил типологию двух разных типов художников: «экспериментальные новаторы» и «концептуальные новаторы». Обратим внимание, что и первых и вторых он называет «художниками», фактически имплицитно признавая за ними наличие креативного потенциала. Новаторы-экспериментаторы работают поэтапно, редко планируя или устанавливая четкую цель, позволяя работе развиваться и иногда не заканчивая продукт. Концептуальные новаторы ценят значительные отклонения от существующих условностей, имеют четкое видение и план и останавливаются, когда их цель достигнута. Можно провести параллели между новаторами-экспериментаторами, ассимиляторами и адаптерами, которые пытаются быть креативными «в рамках», в то время как новаторы-концептуалисты, исследователи и новаторы готовы работать «нестандартно».

В этой же логике работают и многие другие исследователи из смежных отраслей знания. Так, некоторые авторы [4; 6; 7; 8] выделяют продукты на рынке с лидерским и адаптивным креативом.

Лидерское творчество — это неконформистское создание нового продукта, без опоры на нормы и традиции времени. Креативность лидерства отвергает существующие архетипы и сдвигает отрасль в новом направлении. Адаптивная креативность интегрирует существующие парадигмы в направлении, в котором сектор уже находится в тренде [6, с. 30].

Адаптивное творчество в основном опирается на буквальное представление разрабатываемого продукта, часто из последних сезонов, выбирая компоненты из существующих продуктов и переводя их в новые другие продукты в тренде, уже принятом в отрасли. Исследования ограничиваются определением того, какие существующие продукты будут модифицированы и как их модифицировать таким образом, чтобы это соответствовало установившейся тенденции и было разрешено законом. Продукт с **Лидерским Креативом** (PLC) будет продаваться по цене, соответствующей рынку предметов роскоши, а продукт с **Адаптивным Креативом** (PAC), как ожидается, будет продаваться по низкой цене, соответствующей бюджетной категории, обычно продается менее чем за 100 долл. [6, с. 30].

Эта типология творчества в дизайне и разработке продукта не является иерархической; не подразумевается, что один вид творческой деятельности лучше или хуже другого. При этом в креативных индустриях большинство компаний практи-

кую ту или иную форму адаптивного творчества. Стратегический бизнес-план в этих индустриях может основываться на обоих типах креативности, определяя определенные направления для определенных категорий, объединяя Лидерство и Адаптивное творчество в одно направление или применяя Адаптивное творчество к одному компоненту продукта, например, к текстилю, а Лидерское творчество — к другому компоненту, такому, как fashion.

Как правило, подчеркивают Хасс и его соавторы, установка на рост в отношении творчества положительно связана с творческой самоэффективностью [4, с. 47]. Многие исследователи творчества отмечают, что ключевыми диспозиционными условиями, которые поддерживали творческое расширение границ, были сильное чувство любопытства, высокий уровень способностей, знаний и навыков, а также внутренняя мотивация учиться и экспериментировать. Те, кто чаще всего стремился к творческому расширению границ, демонстрировали нестандартность мышления и смелость несоответствия нормам, и объясняли, что творчески мыслить и делать что-то по-другому — это их нормальный способ поведения. Это не было чем-то, что они ранее считали уникальным, и это не было чем-то, к чему они обязательно стремились сознательно [4, с. 6].

Двигаясь далее, отметим, что Гилфорд сконструировал и определил набор уникальных способностей или факторов, которые, по его мнению, лежат в основе комплекса, называемого творчеством. Его работа оказала большое влияние на многих исследователей, которые использовали его тесты для выявления творческих детей и взрослых. Стейн использовал другой подход и назвал творческую работу «новым произведением, которое считается полезным или приемлемым для какой-либо группы в определенный момент времени» [9, с. 12]. Отметим, что утилитаристская парадигма Стейна близка к развиваемому нами подходу, опирающемуся, повторим, на критерий социального обмена с добавленной креативной стоимостью.

В области художественного образования Буркхарт и Бейттель, среди прочих, не только использовали методологии факторного анализа, но и исследовали креативность с точки зрения характеристик процесса. *Спонтанность и преднамеренность* — две очень полезные составляющие для наблюдения за ориентацией процесса.

Количество этапов творческого процесса может варьироваться, и обычно они включают этапы, связанные с подготовкой, инкубацией, освещением и оценкой [6, с. 11].

Так или иначе все рассмотренные авторы фокусируются не на социальной природе креативности, а на индивидуально-личностных, часто психологически детерминированных характеристиках носителей креативного потенциала. С нашей точки зрения, такого рода индивидуально-центрированная парадигма интерпретации и типологизации креативности крайне важна и плодотворна, поскольку сама природа творчества работает на топливе внутренних мотиваций, детерминирована характером формирования индивидуальных когнитивных контуров, опирается на индивидуальную архитектуру переработки информации. Но в то же время, у нас не возникает сомнений в том, что креативность как социальный феномен выходит за пределы индивидуально-психологической детерминации. Креативность в нашей концепции реализуется через креативные социальные практики, а значит, помимо психологических, детерминирована еще и социальными факторами.

С нашей точки зрения, стоит ввести еще две группы оснований для построения типологии креативности.

Первую группу обозначим как *социализационную*. Под социализационными основаниями креативности будем понимать совокупность социальных факторов, способствующих или препятствующих процессу социализации индивида как субъекта креативных практик. Назовем этот процесс *креативной социализацией*. Эти факторы могут быть как способствующими, так и препятствующими реализации креативного

потенциала индивида, даже если этот потенциал высок. К числу дифференциальных социализационных факторов отнесем социальное происхождение, доход, наличие семейной/цеховой или иной креативной традиции, профессиональное образование и т. п. Приведем пример двух гениальных творцов прошлого — Вольфганга Амадея Моцарта и Винсента Ван Гога. Первый — рожденный в семье музыканта и воспитанный как музыкант. Второй — пришедший в изобразительное искусство вопреки всем невзгодам и трудностям. В результате можно говорить о способствующих и препятствующих реализации креативного потенциала социализационных факторах и соответственно о *социализационно гармоничных (ламинарных, благоприятных)* и *социализационно конфликтных (турбулентных, неблагоприятных, противостоящих)* креативностях.

Вторую группу оснований для типологии креативности составляют факторы внешней для креативного субъекта социально-политической среды. Сама духовная атмосфера общества, характеристики элит, способ организации социальных лифтов и т. п. могут быть настроены на поощрение и продвижение носителей креативного потенциала, либо быть равнодушными или даже враждебными к ним. Вспомним хрестоматийный пример разного отношения к творчеству у античных Афин и Спарты. И последствия этого разного отношения для развития креативных потенциалов народов, которые жили в рамках одного климатического пояса, географического ареала, одного языка, одной религии и мифологии. При применении данного основания мы также можем выделить два вида *реализации креативного потенциала*, обозначим их как *социетально благоприятный* и *социетально неблагоприятный*.

В результате на основании суперпозиции трех рассмотренных критериев — индивидуально-психологического, социализационного и социетального складывается *трехмерная типология социальных траекторий субъектов креативного потенциала* (назовем их для краткости креативными социальными траекториями). Данная трехмерная модель может быть развернута в некоторый набор кластеров. В следующих своих статьях мы сделаем детализированное описание каждого из кластеров.

Помимо трехмерной кластерной классификации креативных социальных практик мы предлагаем классификацию креативного потенциала по параметрам *профильности — непрофильности*.

Параметр профильности применительно к креативности имеет два измерения.

Во-первых, можно говорить о креативном и некреативном профиле самой сферы реализации социальных практик. Очевидно, что есть сферы, требующие от реализующих в их рамках социальные практики акторов высокого уровня креативности, и сферы, в которых креативность не требуется или даже вредна или опасна. К первым относятся, например, изобразительное искусство, театр и иные отрасли художественного творчества. Ко вторым — такие области деятельности, в которых требуется реализация регламентированных или стандартизованных трудовых функций. Вряд ли стоит ждать творческих взлетов от водителя, ведущего по маршруту трамвая, пилота, сажающего самолет или, скажем, медсестры, делающей укол. Между этими полюсами располагаются сферы, в которых креативность не является обязательным необходимым атрибутом, но поле для ее проявления вполне присутствует.

Второе измерение параметра профильности связано с характеристиками деятельности социального субъекта

Под *профильным креативным потенциалом* индивидуального или группового социального субъекта мы понимаем потенциал, реализующийся в поле основного профиля его профессиональной деятельности. Соответственно, *непрофильный потенциал* реализуется либо в досуговых практиках, либо в профессиональных

практиках, не связанных с основным профилем профессиональной деятельности субъекта.

Профильный креативный потенциал необходим в профильных сферах, т. е. в тех профессиональных полях, где творческие компетенции являются определяющими. И это может быть не только классическое изобразительное или музыкальное искусство и т. п., но и скажем высокая мода или высокая кухня. Недаром здесь для подчеркивания значимости креативного компонента используется аналог французского *haute* — высокий. В русском языке для тех же целей применяется словосочетание со словом «искусство» — кулинарное искусство, искусство высокой моды и т. п. Наконец, военное искусство. Как правило, эти поля требуют профессионального образования и кумулятивного накопления компетенций. Здесь креативность определяет капитализацию субъекта как прямую, так и социальную, она оценивается высоко как в социальном, так и материальных аспектах. Это определяется тем, что в этих профессиональных полях оригинальность и уникальность — т. е. де-факто — креативные характеристики являются основными требованиями к конечному продукту.

Отметим, что профильный креативный потенциал вошел в число компетенций большинства профессий информационного общества: блогеры, маркетологи, рекламисты, SMM и контент-менеджеры, веб-дизайнеры и арт-директоры, гейм-дизайнеры, наконец, программисты, создатели кодов — это лишь немногие из тех профессий, где за креативность платят и где она ценится очень высоко.

Непрофильный креативный потенциал может реализовываться социальным субъектом с креативным потенциалом, занятым в непрофильной сфере. Он, повторим, находит свое выражение в дополнительных профессиональных или досуговых практиках. Упомянувшийся выше водитель трамвая может творчески самовыразиться в ландшафтном дизайне, а медсестра в театральной или музыкальной студии. Главное условие при этом — личностный креативный потенциал.

Особняком стоит вопрос о реализации креативного потенциала личности в непрофильных сферах. Здесь мы не можем говорить о профильности или непрофильности креативного потенциала субъекта. Это измерение креативности связано с тем особым ее свойством, которое мы обозначим как открытость и эксплицидность. Содержание этого свойства мы видим в том, что креативный потенциал, если он присутствует в человеке в достаточной степени, требует обязательного выхода, реализации. Он не может быть заперт внутри. Это означает, что субъект, обладающий творческим началом, но занятый в непрофильной сфере, все равно будет вносить элементы творчества в свои профессиональные и, разумеется, досуговые практики. Это находит свое выражение в тех профессиях, где содержание труда не требует и не предполагает творческого подхода, но исполнители вносят нечто творческое в исполнение, казалось бы, рутинной работы, добавляя тем самым к ее продукту грани уникальности. Бармен, жонглирующий сосисками, автослесарь, нашедший нестандартное решение в условиях прекращения поставок запчастей, хирург, придумавший и запатентовавший новое приспособление, облегчающее сложные операции, наконец, булочник, который не только печет хлеб с азартом, но и придумывает новые рецепты — вспомним легендарного русского булочника Филиппова — все это примеры того, как неудержим креативный потенциал в непрофильных сферах. Разумеется, если этот потенциал есть.

Креативный потенциал, реализуемый в непрофильной сфере, также увеличивает социальную и прямую капитализацию его обладателя. Растет число постоянных клиентов, престиж, увеличивается прибыль. Креативный потенциал, таким образом, имеет ценность и в непрофильных сферах, ценится работодателями, так как это добавленная компетенция, которая делает любой бизнес персонифицированным, коммуникацию в нем положительно-конструктивной, а клиентов — приверженными.

Опираясь на критерий характера инновации, заключенной в креативном продукте, введем типологическое деление на *конформную* и *неконформную/радикальную* креативность.

Конформная креативность порождает креативный продукт в рамках, заданных современными для субъекта креативной практики нормами. Это могут быть нормы разного типа: нормы культуры, эстетики, технологических процессов, инженерного дела и т. д. Скажем, общепринятые эталоны прекрасного в живописи, или классические каноны в поэзии, драматургии, дизайне. Сохраняя все атрибуты креативности, конформная креативность обеспечивает ламинарную динамику той сферы, в которой она реализуется. Этот вид креативности функционально поддерживает социальную преемственность.

Неконформная/радикальная креативность, напротив, отвечает за социальную изменчивость, поэтому ее динамика турбулентная. Инновации, заключенные в неконформном/радикальном креативном продукте, не опираются на существующие нормы, они ломают их, и в случае успеха задают новые нормы. Такая креативность — это прорыв в новые рамки и границы, которые еще не установлены, поэтому потребителям неконформной креативности сложно принять ее. Легитимация и интериоризация радикального креативного продукта — непростой социальный процесс, требующий помимо собственного креативного субъекта еще и субъекта иного типа. Назовем этого субъекта *креативным медиатором*. Как правило, это обладатель высокого экспертного статуса в соответствующей сфере, опирающегося на компетенции и социальный/культурный капитал. Задача медиатора — обеспечение интериоризации новой нормы, порожденной радикальным креативным продуктом.

Очевидно, социуму нужна креативность обоих видов. *Конформная* креативность позволяет понимаемой в широком смысле культуре сохраняться, удовлетворяя потребности в предсказуемости и стабильности. Но если бы креативность была только конформной, то не было бы новых направлений в литературе, живописи, архитектуре и т. п. Поэтому так важно диалектическое единство этих своеобразных противоположностей — конформной и радикальной.

В заключение отметим, что можно говорить об *индивидуальной* и *групповой* креативности, *индивидуальном* и *групповом* креативном потенциале.

Субъектом индивидуальной креативности является отдельный человек, реализующий креативные практики. Что же касается креативности групповой, то она предполагает производство такого сложного креативного продукта, который может быть создан только путем сложения социальных практик целой группы акторов. В этой группе могут присутствовать креативные лидеры, акторы с большей или меньшей индивидуальной креативностью и даже субъекты, не реализующие собственно креативные практики — исполнители, но без их не всегда заметного вклада производство сложного креативного продукта невозможно. Такие продукты, как фильм, спектакль, шоу, наконец, архитектурный шедевр являются продуктами групповой креативности. И когда, мы, например, говорим «фильм Тарковского» или «ракета Илона Маска», мы должны понимать, что эти креативные лидеры на самом деле возглавляли целые креативные коллективы, представляющие формальные социальные группы или социальные организации.

Таким образом, в нашей статье мы структурировали имеющуюся типологию креативной деятельности, значительно дополнив ее и расширив по многим параметрам типологизации. Безусловно, выделенные нами новые термины и понятия в рамках изучения креативности, такие как социализационно гармоничные и социализационно конфликтные креативности, креативные социальные траектории, профильный и непрофильный креативный потенциал, конформная и неконформная креативность, — требуют более тщательного и глубокого исследования, что мы и продолжим в наших дальнейших публикациях.

Литература

1. Гавра Д. П., Байер Ю. П. Креативный социальный потенциал цифрового общества // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 54–61.
2. Негус К., Пикеринг М. Креативность, коммуникация и культурные ценности. Харьков : Гуманитарный Центр, 2011.
3. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М., 2021.
4. Lassig C. A typology of student creativity: creative personal expression, boundary pushing and task achievement // Thinking Skills and Creativity. 2020. Vol. 36. P. 100654.
5. Eisner E. W. A Typology of Creativity in the Visual Arts // Studies in Art Education. 1962. Vol. 4. N 1. P. 11–22.
6. Stroescu M. R., Hawley J. M. A Typology of Creativity in Fashion Design and Development // Fashion Practice. 2014. Vol. 6. Is. 1. P. 9–36.
7. Ceci M. W., Kumar V. K. A Correlational Study of Creativity, Happiness, Motivation, and Stress from Creative Pursuits // Happiness Stud. 2016. № 17. P. 609–626.
8. Galeson D. W. Old masters and young geniuses: The two life cycles of artistic creativity. NJ : Princeton University Press, 2006.
9. Stein M. I. Creativity and Culture // Journal of Psychology. 1953. № 36.

Об авторах:

Гавра Дмитрий Петрович, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, профессор; dgavra@mail.ru

Байер Юлия Паулевна, директор образовательных программ «Социальная работа» и «Социология», доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; bayer-yp@ranepa.ru

References

1. Gavra D. P., Bayer Ju. P. Creative Social Potential of Digital Society // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 10. P. 54–61 (in Rus).
2. Negus K., Pickering M. Creativity, communication and cultural values. Kharkov: Humanitarian Center, 2011 (in Rus).
3. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. M., 2021 (in Rus).
4. Lassig C. A typology of student creativity: creative personal expression, boundary pushing and task achievement // Thinking Skills and Creativity 2020. Vol. 36. P. 100654.
5. Eisner E. W. A Typology of Creativity in the Visual Arts // Studies in Art Education. 1962. Vol. 4. N 1. P. 11–22.
6. Stroescu M. R., Hawley J. M. A Typology of Creativity in Fashion Design and Development // Fashion Practice. 2014. Vol. 6. Is. 1. P. 9–36.
7. Ceci M. W., Kumar V. K. A Correlational Study of Creativity, Happiness, Motivation, and Stress from Creative Pursuits // Happiness Stud. 2016. N 17. P. 609–626.
8. Galeson D. W. Old masters and young geniuses: The two life cycles of artistic creativity. NJ : Princeton University Press, 2006.
9. Stein M. I. Creativity and Culture // Journal of Psychology. 1953. N 36.

About the authors:

Dmitrii P. Gavra, Head of the Department of Public Relations in Business, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sociology, Professor; dgavra@mail.ru

Julia P. Bayer, Head of „Sociology“ and „Social work“ programmes, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; bayer-yp@ranepa.ru

Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством

Плотников В. А.^{1, *}, Шамина О. А.²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Plotnikov_2000@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается актуальность медиапроектирования через раскрытие основных тенденций в развитии медиаиндустрии: рост рынка медиаиндустрии и индустрии развлечений; развитие цифровых технологий. Раскрываются понятия «проект», «медиа», «медиапроект». Перечислены и проанализированы трактовки понятия «медиапроект», используемые другими авторами. Раскрываются основные составляющие любого проекта, а именно: цель, сроки и ресурсы. Выявлены особенности медиапроектов: они могут быть ориентированы одновременно и на рынок товаров, и на рынок услуг; при их разработке необходимо находить баланс между экономической целесообразностью и социальной миссией; результат медиапроекта — медиапродукт потребляется в свободное время, то есть в часы досуга; медиапродукт должен быть в какой-то степени развлекательным, ввиду воздействия экономики потребления; медиапроект планируется и реализуется в условиях: особого динамизма и высокой степени неопределенности внешней среды, а также медиаконвергентности. Авторами предлагается ввести новый классификационный признак и виды медиапроектов: «по сектору медиаиндустрии»: традиционный, сетевой, трансмедийный. Авторы выявили противоречие, выражающееся в том, что качество медиапроекта не гарантирует качество медиапродукта в глобальном смысле — с точки зрения интеллектуального развития общества. Детально раскрыта и обоснована тенденция снижения качества медиапродуктов. Рассмотрены тенденции в потреблении медиапродукта: СМИ становятся все более развлекательными; укрепление первичности функции удовлетворения запросов потребителей перед функцией просвещения и воспитания; ожидания потребителей упрощаются.

Ключевые слова: медиаэкономика, медиаиндустрия, медиапроект, медиапроектирование, управление проектом, управление качеством, медиа

Для цитирования: Плотников В. А., Шамина О. А. Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 134–144.

Media Project: Concept, Features, Aspects of Quality Management

Plotnikov V. A.^{1, *}, Shamina O. A.²

¹Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; *Plotnikov_2000@mail.ru

²Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article substantiates the relevance of media design through the disclosure of the main trends in the development of the media industry: the growth of the media and entertainment industry market; the development of digital technologies. The concepts of “project”, “media”, “media project” are revealed. The interpretations of the concept of “media project” used by other authors are listed and analyzed. The main components of any project are revealed, namely the goal, deadlines and resources. The features of media projects are revealed: they can be oriented both to the market of goods and to the market of services; when developing them, it is necessary to find a balance between economic expediency and social mission; the

result of a media project is that the media product is consumed in free time, that is, in leisure hours; the media product must be entertaining to some extent, due to the impact of the consumption economy; the media project is planned and implemented in conditions of: special dynamism and a high degree of uncertainty of the external environment, and also media convergences. The authors propose to introduce a new classification feature and types of media projects: “by media industry sector”: traditional, network, transmedia. The authors have identified a contradiction expressed in the fact that the quality of a media project does not guarantee the quality of a media product in a global sense — from the point of view of the intellectual development of society. The tendency of decreasing the quality of media products is revealed in detail and justified. Trends in the consumption of media products are considered: the media are becoming more and more entertaining; strengthening the primacy of the function of satisfying consumer requests before the function of education and upbringing; consumer expectations are simplified.

Keywords: media economics, media industry, media project, media design, project management, quality management, media

For citing: Plotnikov V. A., Shamina O. A. Media Project: Concept, Features, Aspects of Quality Management// Administrative consulting. 2022. N 9. P. 134–144.

Введение

Все чаще в современной социально-экономической и гуманитарной литературе можно встретить термин «медиапроект» [2; 18; 29], которое стремительно набирает популярность. Это, по мнению авторов, обусловлено двумя основными факторами:

- во-первых, в последние годы наблюдается положительная динамика роста рынка медиаиндустрии. Так, по оценкам PwC, в начале пандемии прогнозировалось сокращение глобального рынка развлечений и медиа на 5,6%, но по факту его объем в 2020 г. снизился на 3,8% до 2,0 трлн долл. по сравнению с 2,1 трлн долл. в 2019 г. Для сравнения, в год предыдущего глобального экономического кризиса (2009 г.) объем этого рынка уменьшился на 3%. В 2021 г. мировой рынок глобальной индустрии развлечений и медиа вырос на 7%, до 2,14 трлн долл. По оценкам, он продолжит расти на 5% ежегодно — до 2,6 трлн долл. в 2025 г. В этой связи, медиапроектов становится все больше, а сами они — более масштабными. Это, безусловно, требует научного осмысления;
- во-вторых, в связи с цифровизацией экономики и общества в целом [6; 10; 19], происходит активное техническое развитие медиаиндустрии. Основные драйверы ее роста сегодня — цифровые. В результате преобразуется процесс создания медиапродукта. Например, издание The Washington Post внедрило бота Heliograf для написания коротких заметок и новостей об Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро еще в 2016 г.¹ Боты-«журналисты» становятся все более и более востребованными. Также преобразуются процессы продвижения, распространения и потребления медиапродукта посредством анализа цифрового следа пользователей Интернета, на основании которого создаются стратегии привлечения внимания потребителей и повышения их лояльности.

В результате, в частности, появились так называемые «трансмедиа», которые предполагают развитие произведения одновременно на нескольких платформах, каждая из которых вносит свой уникальный вклад в повествование [28], требующие для реализации гораздо больших по объему бюджетов, применения технологий проектного управления. Техническое усложнение медиапродукта вследствие циф-

¹ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/09/19/10897628/bots_journalism.shtml (дата обращения: 20.03.2021).

ровизации усложняет управление его жизненным циклом. Для его формирования и конфигурирования требуется применение проектного подхода [26].

В связи с изложенным, целью авторского исследования является уточнение понятия «медиапроект», а также выявление его свойств и признаков, которые влияют на эффективность и качество реализации медиапроектов.

Медиапроект: понятие, особенности, классификация

Как известно, управление проектами возникло как ответ на проблему управления крупными проектами в строительной, авиационной, нефтегазовой и других отраслях [1; 11; 16; 20; 23]. Рассмотренные выше причины обуславливают актуальность применения проектного менеджмента также в медиаиндустрии. Тем не менее, различные исследователи расходятся во мнениях при определении самого понятия «медиапроект». Требуется его уточнение. В частности, рассмотрим понятие «медиапроект» и его отличия от «медиапродукта».

Сначала уточним понимание термина «проект». Согласно трактовке, приведенной в толковом словаре С.И. Ожегова, проект — «это разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма, устройства»¹. В ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» дается следующее определение: «Проект — комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений». В руководстве к своду знаний по управлению проектами РМВОК последнего, седьмого издания дается следующее определение: «Проект — временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата. Временный характер проектов определяет существование начала и конца работы проекта или ее фазы. Проекты могут существовать самостоятельно или в составе программы или портфеля». Как мы видим, известные трактовки «проекта» довольно близки между собой.

В свою очередь, «медиа», согласно трактовке современного толкового словаря русского языка Т.Ф. Ефремовой, это «начальная часть сложных слов, вносящая значение: имеющий отношение к средствам массовой информации, связанный с ними»². Это — «средства осуществления коммуникации между различными группами, индивидуумами и (или) доставки любых содержательных продуктов аудитории. Медиа многочисленны и включают в себя средства массовой информации, отдельные носители информации и данных (текст, аудио- и видеозаписи на любых носителях), коммуникационные системы общества (телефон, почта, компьютерные сети)» [17, с. 37].

Очевидно, что «медиапроект», в связи с вышеизложенным, можно определить путем механистического соединения трактовок «проекта» и «медиа». Но такое трактование, по нашему мнению, не будет удачным в силу его механистичности. Признают это и другие авторы. В частности, в научных публикациях «медиапроект» определяют следующим образом:

- «профессиональный коллективный блог в сети интернет культурной и социальной тематики, предоставляющий аудитории уникальный контент авторских программ, репортажей и видеосюжетов или площадку для ведения диалога с аудиторией по наиболее актуальным проблемам современного общества» [21, с. 50];
- «неповторимое мероприятие, каждое из которых создает свою уникальную вариацию процесса, с одной стороны, позволяющего реализовать любые творческие идеи, а с другой — обусловленного событиями, социумом и обстоятельствами жизни» [7];

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/sRbKg> (дата обращения: 20.03.2021).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276477/медиа> (дата обращения: 20.03.2021).

- «форма управления, которая может сделать деятельность в области медиа более гибкой, ориентированной на результат» [4];
- «новый информационный продукт или услуга, который конкурентоспособен и востребован у потребителей» [8];
- «разновидность социального проектирования в области медиа, представляющая собой творческую разработку, обладающая целеполаганием, задачами и характером проектируемых изменений, масштабом и конкретными сроками реализации; выполненная с использованием различных технологических платформ и направленная на достижение целей, имеющих важное социальное значение для развития общества» [12];
- «имеющий научное обоснование мультимедийный авторский или коллективный проект, который носит образовательный характер и завершается созданием полноценного медиапродукта» [13, с. 8];
- «проект в сфере деятельности средств массовой информации» [9].

Подобный перечень трактовок медиапроекта можно продолжить. Отметим, что вышеперечисленные (достаточно типичные) определения отражают только одну грань термина: медиапродукт не может быть только блогом или мероприятием, он не всегда носит инновационный характер и относится не только к средствам массовой информации, но и к другим сегментам медиаиндустрии; не может носить только образовательный характер, но и развлекательный; не всегда имеет социально важное значение, особенно в условиях рыночной экономики; формой управления его назвать также нельзя. То есть приведенные определения не вполне полны.

Наиболее подходящим, по нашему мнению, является определение, сформулированное Н. М. Белоусовой, основывающееся на трактовке РМВОК¹: медиапроект — временная структура, предназначенная для создания медиапродуктов, выполнения работ и оказания услуг в медиасфере, а также для создания новых и реорганизации существующих медиаорганизаций [3; 5].

Любой проект имеет три главных признака: цель, сроки и ресурсы. У проекта обязательно должна быть конечная конкретная измеримая цель, то есть то, во что преобразуются ресурсы с течением времени посредством выполнения комплекса работ. Сроки также являются неотъемлемым элементом, поскольку в противном случае речь будет идти просто о виде деятельности. Ресурсы, а точнее именно их ограниченность, побуждают к проектированию деятельности, к детальному планированию. Любой медиапроект, не имеющий всех трех признаков проекта, имеет опосредованное к проектам отношение и употребляется в значении, например, «вид бизнеса», не предусматривающий конечных сроков существования, а только цель и ресурсы.

Другое дело, что далеко не все медиапроекты нуждаются в использовании методов управления проектами (построение сетевого графика, графика Ганта, разработка бюджета и т. д.) ввиду их незначительного масштаба. В практике управления проектами, согласно американской классификации проектов, малыми являются те проекты, капиталовложения в которые составляют до 10 млн долл., и трудозатраты — до 50 тыс. человеко-часов [15]. Проекты также классифицируют следующим образом:

- по сложности: простые, организационно сложные, технически сложные, ресурсно-сложные и комплексно-сложные проекты;
- по уровню участников: отечественные, международные;
- по отношению к заказчику: внутренние, внешние;
- по инновационности замысла: традиционные, нетрадиционные.

Для медиапроектов должны быть добавлены дополнительные классификационные признаки, отражающие их специфику и особенности. Особенности медиапроектов

¹ Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК). 7-е изд. Project Management Institute, 2021. 277 с.

в целом (ведь они очень разные: от разработки сетевого СМИ до создания серии телепередач и т.д.) являются производными от особенностей медиаиндустрии. К ним мы относим [24]:

- медиапроекты могут быть ориентированы сразу на два рынка: на рынок товаров и на рынок услуг (производство товара — контента и продажа услуг — времени/места для рекламы);
- при разработке медиапроекта необходимо находить баланс между экономической целесообразностью и социальной миссией;
- результат медиапроекта — медиапродукт потребляется в свободное время, то есть в часы досуга;
- медиапродукт должен быть в какой-то степени развлекательным, ввиду воздействия экономики потребления;
- медиапроект планируется и реализуется в условиях: особого динамизма (высокой скорости обновления и распространения медиапродукта); высокой степени неопределенности внешней среды; медиаконвергентности (слияние технологий, прежде различных и разобщенных медиа, рынков).

На основании вышеизложенного предлагается ввести новый классификационный признак и виды медиапроектов, а именно «по сектору медиаиндустрии»: традиционный (на основании традиционных медиа), сетевой (на основании новых медиа), трансмедийный (на нескольких разных площадках). Развивая тему классификации медиапроектов, рассмотрим подход Л. П. Шестеркиной и А. Р. Марфицыной. Они дифференцируют медиапроекты по следующим признакам [27]:

- по целеполаганию, задачам и характеру проектируемых изменений: инновационные (внедрение новых разработок); реставрационные или поддерживающие (экология, культурное наследие и т.п.);
- по направлению деятельности: образовательные, научно-технические, культурные, патриотические, просветительские, развлекательные, краеведческие, политические;
- по особенностям финансирования: инвестиционные, спонсорские, кредитные, бюджетные и благотворительные проекты;
- по срокам реализации: краткосрочные (1–2 года); среднесрочные (3–5 лет); долгосрочные (10–15 лет);
- по масштабу: микропроекты, малые проекты и мегапроекты.

По нашему мнению, в данную классификацию по признаку «направление деятельности» следует добавить еще один вид медиапроектов — информирующие (например, медиапроект «создание новостной газеты»). Интересно, что в представленной классификации, по признаку «по направлению деятельности» виды медиапроектов (образовательные, научно-технические, культурные и так далее) скорее относятся к медиапродуктам, нежели к медиапроектам. Более того, в соответствии с особенностями медиаиндустрии превосходное качество медиапроекта не гарантирует такого же уровня качества для его медиапродукта. Таким образом, отдельный исследовательский интерес представляет изучение качественных характеристик медиапроектов и медиапродуктов.

Специфика управления качеством медиапроекта и медиапродукта

Существуют различные подходы и стандарты управления проектами и, соответственно, их качеством. Наиболее популярным является подход, описанный в руководстве РМВОК¹, согласно которому «управление качеством проекта включает в себя процессы, необходимые для применения политики организации в области

¹ *Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК)*. 6-е изд. Project Management Institute, 2017. 726 с.

качества относительно планирования, управления и контроля проекта, а также требований к качеству продукта с целью удовлетворения ожиданий заинтересованных сторон. Управление качеством проекта включает следующие процессы:

- планирование управления качеством — это процесс определения требований и/или стандартов качества для проекта и его поставляемых результатов, а также документирования того, каким образом проект будет демонстрировать соответствие требованиям и/или стандартам качества;
- управление качеством — это процесс преобразования плана управления качеством в исполнимые операции, относящиеся к качеству, которые внедряют в проект политики организации в области качества;
- контроль качества — это процесс мониторинга и документирования результатов выполнения операций по управлению качеством для оценки исполнения и обеспечения того, что выходы проекта полны, верны и соответствуют ожиданиям заказчика».

Итак, результатом медиапроекта является медиапродукт. При планировании медиапроекта, в этой связи, формулируются требования и/или стандарты к качеству медиапродукта. Впоследствии происходят управление качеством и контроль качества. Следовательно, качество медиапродукта обусловлено качеством медиапроекта. Однако исходя из выявленных нами ранее тенденций в потреблении медиапродукта [22] (рассмотрим их ниже подробнее) тезис о такой взаимообусловленности качества опровергается, как и мнение некоторых исследователей о том, что технические инновации, повлекшие за собой процесс слияния медиа (медиаконвергенции), что в результате выразилось в три современных тренда: «мультимедийность продукта», «гипертекстуальность» и «новые медиа» [14], повышают качество контента.

Следует отметить, что в данном случае под медиапродуктом мы понимаем контент, то есть это — содержание медиаплатформ, их информационная наполненность, например, тексты, графическая, звуковая, видеоинформация. Профессор А. И. Субетто рассматривал проблему качества информации как проблему ее сжатия. То есть качество текста тем выше, чем выше концентрация идей в нем и меньше повторений, вспомогательных объяснений и пр. На профессиональном сленге о тексте плохого качества могут сказать, что в нем много «воды», то есть информация в нем менее сжата. Следовательно, расширение технических возможностей передачи информации не повышает качество последней автоматически, но увеличивает презентабельность и привлекательность ее для потребителей.

С увеличением числа каналов распространения информации (мобильные приложения, сайты, блоги, рекламные сообщения, видеоролики и прочее) и развитием индустрии развлечений средствами массовой информации (СМИ) стало намного труднее привлекать и удерживать внимание медиапотребителей. В результате возникли две смежные тенденции в потреблении медиапродукта: СМИ становятся все более развлекательными; укрепление первичности функции удовлетворения запросов потребителей перед функцией просвещения и воспитания.

Самопросвещение, самовоспитание, культурное самообогащение неразрывно связаны с преодолением себя, с усилиями, с намерением стать лучше. Многим людям гораздо проще после тяжелого трудового дня посвятить свое свободное время чему-то, не требующему интеллектуальных затрат, более легкому, то есть в большей степени развлекательному. СМИ вынуждены отвечать на этот запрос аудитории. «Мозг работает так, что из экономии он выбирает те задачи, что проще. В медиасекторе это хорошо понимают, поэтому мы наблюдаем эскалацию примитивного контента»¹.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/01/23/821311-rochemu-lyudi-glupeyut> (дата обращения: 23.06.2020).

Вследствие вышеописанного, ожидания потребителей упрощаются (третья тенденция потребления медиапродукта). Это тесно связано с проявлением и развитием ряда тенденций:

- во-первых, как известно, мозг человека снабжен двумя системами-антагонистами. Одна из них отвечает за потребление информации, что сопровождается дофаминовым подкреплением, вторая — за мышление. Соответственно, человек в конкретный момент времени может либо думать, либо потреблять информацию. Причем, потребляя информацию, человек чувствует удовольствие и удовлетворение (в связи с выработкой дофамина)¹, что ведет к формированию зависимости. Следовательно, человек будет потреблять столько медиаинформации, на сколько у него есть возможность это делать, естественно, в ущерб мыслительной деятельности;
- во-вторых, растет уровень «интернет-погруженности». Так, по состоянию на первый квартал 2022 г. ежедневно люди проводят в интернете в среднем 6 часов и 53 минуты. В 1991 г., когда заработал первый сайт, интернетом пользовалось менее 4 млн чел. по всему миру. К апрелю 2022 г. этот показатель превысил 5 млрд чел. Это значит, что 63% всего населения мира уже в сети. В феврале 2022 г. самым посещаемым ресурсом стал видеохостинг YouTube. Также к числу самых посещаемых ресурсов относятся: Google, Facebook, Wikipedia, Pornhub, Twitter²;
- в-третьих, в результате вышеописанных процессов человек глупеет, то есть утрачивает навыки системного и аналитического мышления, следовательно, его, как потребителя информации, ожидания упрощаются. Так, например, согласно некоторым исследованиям³, существует прямая зависимость способности человека думать от того, где находится смартфон — рядом или далеко (есть ли возможность заглянуть в него). Когда смартфон рядом, это провоцирует желание взять его и искать необходимую информацию, что отражается на деятельности мозга. Наибольшая активность мозга наблюдалась в экспериментах у группы молодых людей без смартфона поблизости;
- в-четвертых, наблюдается массовая переориентация на digital-контент в ущерб принт-контенту [25]. Как, например, пишет авторитетное СМИ The Guardian, в последние годы многие бумажные фабрики закрылись из-за снижения спроса на их продукт, вызванного переходом читателей на интернет-ресурсы⁴.

Таким образом, несмотря на то что на выходе у медиапроекта по-прежнему имеется медиапродукт, соответствующий требованиям заказчика, глобально его качество снижается. И это представляет проблему, так как негативно влияет на конкурентоспособность медиаиндустрии. Решение этой проблемы требует проведения дальнейших исследований.

Заключение

Проектный подход к созданию медиапродукта становится все более популярным. Среди причин этого выделяется и рост рынка медиаиндустрии, и развитие цифровых технологий, а также сами условия рыночной экономики, поскольку во многих случаях экономически более выгодно оплатить конкретные работы по проекту, чем иметь постоянный штат сотрудников. Термину «медиапроект» даются разные опре-

¹ Все, что нужно знать о счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sYvfwuwZH8A> (дата обращения: 23.06.2020).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/social/413543-klyuchevye-cifry-i-trendy-v-razviti-interneta-po-dannym-za-pervyy-kvartal-2022-goda> (дата обращения: 23.06.2020).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/01/23/821311-pochemu-lyudi-glupeyut> (дата обращения: 23.06.2020).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15315911> (дата обращения: 23.06.2020).

деления, однако, с нашей точки зрения, при раскрытии этой дефиниции нужно опираться на общепринятые стандарты проектного менеджмента.

Медиапроект — это временная структура, предназначенная для создания медиапродуктов, выполнения работ и оказания услуг в медиасфере, а также для создания новых и реорганизации существующих медиаорганизаций. Как показал анализ литературных источников, любой проект имеет три главных признака: цель, сроки и ресурсы. При этом, для медиапроектов необходимо учитывать особенности медиаиндустрии: медиапроекты могут быть ориентированы сразу на два рынка; при разработке медиапроекта необходимо находить баланс между экономической целесообразностью и социальной миссией.

При описании медиапроектов нами предлагается ввести новый классификационный признак и виды медиапроектов, а именно: «по сектору медиаиндустрии»: традиционный (на основании традиционных медиа), сетевой (на основании новых медиа), трансмедийный (на нескольких разных площадках).

Анализ показал, что несмотря на то, что медиапродукт на выходе может соответствовать всем установленным в медиапроекте требованиям, фактически с точки зрения интеллектуального развития общества его качество снижается. Об этом говорят тенденции в потреблении медиапродукта: СМИ становятся все более развлекательными; наблюдается укрепление первичности функции удовлетворения запросов потребителя перед функцией просвещения и воспитания; ожидания потребителей упрощаются; происходит массовая переориентация на digital-контент в ущерб принт-контенту.

Литература

1. Амелина П. Ю., Плотников В. А. Методические подходы к управлению рисками девелоперских проектов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 4 (127). С. 170–173.
2. Базилян С. А. Коммуникативный анализ медиапроектов о культуре (на примере российского интернет-издания colta.ru) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 88–91.
3. Белоусова Н. М. Бизнес-план как основа создания и реализации медиапроекта // Медиаэкономика 21 века. 2019. № 1. С. 25–30.
4. Белоусова Н. М. Особенности управления медиапроектами в условиях современного медиарынка // Медиаэкономика 21 века. 2018. № 1. С. 92–98.
5. Белоусова Н. М. Оценка конкурентоспособности медиапроекта на разных стадиях его жизненного цикла // Медиаэкономика 21 века. 2018. № 3. С. 18–23.
6. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А., Степанова А. Р. Цифровая трансформация социально-экономических и производственных процессов на основе цифровой платформы интернета вещей // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 130–135.
7. Голубев Г. М., Фатова С. А., Сорвина Т. А. Особенности проектного управления в сфере медиа // Сб. научных трудов «Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России», посвященный Году российского кино / Санкт-Петербургский институт кино и телевидения. СПб., 2016. С. 168–175.
8. Дроздов Д. Н. Менеджмент медиапроектов как феномен образовательной деятельности // Матэрыялы ІV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.І. Наркевіча. «Слова ў кантэксце часу». Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 2019. С. 262–264.
9. Иванова Д. С. Медиапроекты как средство формирования информационной грамотности // Информатика и прикладная математика. 2019. № 25. С. 46–48.
10. Институциональная трансформация социально-экономических систем в условиях цифровизации: состояние, тренды, проблемы и перспективы: монография. Курск : Университетская книга, 2020. 294 с.
11. Карпова Г. А., Ткачев В. А., Долженко Д. Е. Кластерный подход в повышении эффективности управления межрегиональными туристскими проектами // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2 (110). С. 58–62.

12. *Марфицына А. Р.* Медиапроект как популярный формат аудиовизуальной журналистики // Матэрыялы 22-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Журналістыка — 2020: стан, праблемы і перспектывы». Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 2020. С. 266–270.
13. *Медиапроект* как выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «Журналистика» / Василенко Т. В., Дубовер Д. А., Ермолаева С. Ю. и др. М. : Московский государственный педагогический университет. 2016. 68 с.
14. *Молчанова О. И.* Медиаконвергенция как процесс интеграции медийных инноваций в сетевое сообщество // Информационное общество. 2018. № 3. С. 34–40.
15. *Немчин А. М., Овчинникова Н. М., Суслов Е. Ю., Суслов Ю. Е.* Функции управления проектами. СПб. : Изд-во СПбГИЭУ, 2006. 270 с.
16. *Офин В. П., Провоторов И. А.* Структурирование ГЧП-проектов транспортной инфраструктуры в рамках реализации мегапроектов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 72–76.
17. *Панасенко М.* Современное состояние медиаиндустрии // Вестник МГУП. 2013. № 4. С. 37–41.
18. *Первых Д. К.* Этнические культурно-просветительские медиапроекты и их роль в формировании информационной повестки Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 90–97.
19. *Плотников В. А.* Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 104–115.
20. *Цуркан М. В., Вертакова Ю. В.* Ретроспективный анализ развития проектного менеджмента в публичном управлении России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2020. № 3 (51). С. 40–49.
21. *Чеснова О. А.* Особенности управления проектами в медиасфере в условиях цифровизации общества // Петербургский экономический журнал. 2020. № 2. С. 46–51.
22. *Шамина О. А.* К вопросу о качестве медиапродукта и тенденциях его потребления // Научные исследования современных проблем развития России: цифровая трансформация экономики: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции молодых ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 15 февраля 2021 года. СПб., 2021. С. 452–456.
23. *Шамина О. А.* Организационно-экономический механизм управления: теоретические основы создания структуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Сер. «Экономика». 2014. № 2 (69). С. 200–204.
24. *Шамина О. А.* Формирование модели стратегического управления малыми предприятиями медиаиндустрии: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2020. 23 с.
25. *Шамина О. А., Шарাপова О. А.* Об оценке эффективности модели стратегического управления малыми предприятиями печатных средств массовой информации // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 245–249.
26. *Шаройко Ф. В., Чвякин В. А.* Эффективное управление медиапроектом на основе компетентностного подхода // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 1. С. 128–133.
27. *Шестеркина Л. П., Марфицына А. Р.* Проектная журналистика и современные тенденции журналистского образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 14. № 1. С. 40–48.
28. *Эль-Бакри Т. В.* Продюсирование. Кино, телевидение и видеопроекты в интернете. М. : Аспект Пресс, 2021. 336 с.
29. *Юдина Е. Ю.* Проект в медиапроекте: создание контента студенческого медиа // Медиасреда. 2022. № 1. С. 63–67.

Об авторах:

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Plotnikov_2000@mail.ru

Шамина Ольга Алексеевна, старший преподаватель кафедры рекламы Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; shamina_oa@inbox.ru

References

1. Amelina P.Yu., Plotnikov V.A. Methodological approaches to risk management of development projects // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-technicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Economicheskije nauki]. 2011. N 4 (127). P. 170–173 (in Rus).
2. Bazikyan S.A. Communicative analysis of media projects about culture (on the example of a Russian online publication colta.ru) // Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism. [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: filologiya. Jurnalistika] 2021. N 4. P. 88–91 (in Rus).
3. Belousova N.M. Business plan as a basis for creating and implementing a media project // Media economics of the 21st century [Mediaeconomika 21 veka]. 2019. N 1. P. 25–30 (in Rus).
4. Belousova N.M. Features of media project management in the conditions of the modern media market // Media economics of the 21st century [Mediaeconomika 21 veka]. 2018. N 1. P. 92–98 (in Rus).
5. Belousova N.M. Evaluation of the competitiveness of a media project at different stages of its life cycle // Media economics of the 21st century [Mediaeconomika 21 veka]. 2018. N 3. P. 18–23 (in Rus).
6. Vertakova Yu.V., Kryzhanovskaya O.A., Stepanova A.R. Digital transformation of socio-economic and production processes based on the digital platform of the Internet of Things // Bulletin of OrelGIET [Vestnik OrelGIET]. 2019. N 4 (50). P. 130–135 (in Rus).
7. Golubev G.M., Fatova S.A., Sorvina T.A. Features of project management in the field of media // Collection of scientific papers “Topical issues of the development of the film and television industry in modern Russia”, dedicated to the Year of Russian Cinema / St. Petersburg Institute of Cinema and Television. SPb., 2016. P. 168–175 (in Rus).
8. Drozdov D.N. Management of media projects as a phenomenon of educational activity // Materials of the IV International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the doctoral and philological science professor A.I. Narkevich. “Words in the context of time”. Minsk : Belarusian State University, 2019. P. 262–264 (in Rus).
9. Ivanova D.S. Media projects as a means of forming information literacy // Informatics and applied mathematics [Informatika i prikladnaya matematika]. 2019. N 25. P. 46–48. (in Rus).
10. Institutional transformation of socio-economic systems in the context of digitalization: state, trends, problems and prospects: monograph. Kursk : University Book, 2020. 294 p. (in Rus).
11. Karpova G.A., Tkachev V.A., Dolzhenko D.E. Cluster approach in improving the efficiency of management of interregional tourism projects // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 2 (110). P. 58–62 (in Rus).
12. Marfityna A.R. Media project as a popular format of audiovisual journalism // Materials of the 22nd International Practical Conference “Journalism 2020: state, problems and prospects”. Minsk : Belarusian State University, 2020. P. 266–270 (in Rus).
13. A media project as a bachelor’s final qualifying work in the field of Journalism / Vasilenko T.V., Dubover D.A., Ermolaeva S.Yu. and others. M. : Moscow State Pedagogical University, 2016. 68 p. (in Rus).
14. Molchanova O.I. Media convergence as a process of integration of media innovations into the network community // Information Society [Informacionnoe obschestvo]. 2018. N 3. P. 34–40 (in Rus).
15. Nemchin A.M., Ovchinnikova N.M., Suslov E.Yu., Suslov Yu.E. Project management functions. SPb. : Publishing House of SPbSUE, 2006. 270 p. (in Rus).
16. Ofin V.P., Provotorov I.A. Structuring of PPP projects of transport infrastructure within the framework of the implementation of megaprojects // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 3 (111). P. 72–76 (in Rus).
17. Panasenko M. The current state of the media industry // Bulletin of MGUP [Vestnik MGUP]. 2013. N 4. P. 37–41 (in Rus).
18. The first D.K. Ethnic cultural and educational media projects and their role in the formation of the information agenda of the Crimea // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. [Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki]. 2022. Vol. 8. N 2. P. 90–97 (in Rus).

19. Plotnikov V.A. Digitalization as a natural stage of the evolution of the economic system // The economic revival of Russia [Economicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2020. N 2 (64). P. 104–115 (in Rus).
20. Tsurkan M.V., Vertakova Yu.V. Retrospective analysis of the development of project management in public administration of Russia // Bulletin of Tver State University. Ser.: Economics and Management [Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravleniie]. 2020. N 3 (51). P. 40–49 (in Rus).
21. Chesnova O.A. Features of project management in the media sphere in the conditions of digitalization of society // St. Petersburg Economic Journal [Peterburgskij ekonomicheskij jurnal]. 2020. N 2. P. 46–51 (in Rus).
22. Shamina O.A. On the issue of the quality of media products and trends in its consumption // Scientific research of modern problems of development of Russia: digital transformation of the economy: a collection of scientific papers on the results of the international scientific and practical conference of young scientists of St. Petersburg State University of Economics. February 15, 2021. SPb., 2021. P. 452–456 (in Rus).
23. Shamina O.A. Organizational and economic mechanism of management: theoretical foundations of the creation of the structure // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. Ser. "Economics" [Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Ser. "Economika"]. 2014. N 2 (69). P. 200–204 (in Rus).
24. Shamina O.A. Formation of a model of strategic management of small enterprises of the media industry: dissertation *abstract*. SPb., 2020. 23 p. (in Rus).
25. Shamina O.A., Sharapova O.A. On evaluating the effectiveness of the model of strategic management of small enterprises of printed mass media // Journal of Legal and Economic Research [Jurnal pravovih i ekonomicheskikh issledovanij]. 2020. N 4. P. 245–249 (in Rus).
26. Sharoiko F.V., Chvyakin V.A. Effective management of a media project based on a competence-based approach // News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing [Izvestiya vishih uchebnyh zavedenij. Problemi poligrafii i izdatelskogo dela]. 2015. N 1. P. 128–133 (in Rus).
27. Shesterkina L.P., Marfitsyna A.R. Project journalism and modern trends in journalistic education // Scientific Notes of the Trans-Baikal State University [Uchenie zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2019. Vol. 14. N 1. P. 40–48 (in Rus).
28. El Bakri T.V. Producing. Cinema, television and video projects on the Internet. M. : Aspect Press, 2021. 336 p. (in Rus).
29. Yudina E.Y. Project in a media project: creating student media content // Media environment [Mediasreda]. 2022. N 1. P. 63–67 (in Rus).

About the authors:

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Plotnikov_2000@mail.ru

Olga A. Shamina, Senior Lecturer of the Advertising Department of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; shamina_oa@inbox.ru

Практика применения учебного занятия в форме «деловой игры» по отработке действий при установлении уровней террористической опасности

Клушин А. В.

Правительство Калининградской области, Калининград, Российская Федерация; griyvan@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье автором рассмотрены особенности проведения практического занятия в форме «деловой игры» по теме «Организация деятельности аппарата антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации при установлении уровней террористической опасности» по отработке практических действий сотрудников аппаратов антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации (АТК), органов исполнительной власти (ОИВ) и органов местного самоуправления (ОМСУ) при проведении указанных мероприятий. Отмечен ряд проблемных аспектов при организации ситуационного реагирования на местах, порядок действий сотрудников региональных ОИВ и ОМСУ, а также изложены пути их решения.

Особое внимание уделено актуальности применения «деловых игр» в учебно-методическом процессе подготовки кадров, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по профилактике терроризма¹. Отмечена их роль и положительный опыт применения в организации обучения и повышения квалификации сотрудников аппаратов антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации, ОИВ и ОМСУ на примере проведенных комплексных учений с ОИВ в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, Национальный антитеррористический комитет, профилактика терроризма, антитеррористическая комиссия, антитеррористическая защищенность, подготовка кадров

Для цитирования: Клушин А. В. Практика применения учебного занятия в форме «деловой игры» по отработке действий при установлении уровней террористической опасности // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 145–150.

Practice of Using a Training Session in the Form of a “Business Game” to Practice Actions When Establishing Levels of Terrorist Danger

Artem V. Klushin

Government of Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation; griyvan@yandex.ru

ABSTRACT

This article informs of training as a form of «business game» for functioning regional contra terrorist commission of Russian Federation, as well estimation the certain level of terroristic threat for personal and authorities supposed to manage such a case. Some difficulties are being marked and ways to solve similar are shown. These training was used as an example in several regions of Russia and was a rather successful.

Keywords: terrorism, security, National Antiterrorist Committee, prevention of terrorism, anti-terrorism commission, antiterrorist security, personnel training

¹[Электронный ресурс]. URL: https://nwb.rgup.ru/rimg/files/2021%20April/14.04.2021/sbornik_uchebnyh_materialov_protivodeystvie_terrorizmu_v_rossiyskoy_federacii.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

For citing: Klushin A. V. Practice of Using a Training Session in the Form of a “Business Game” to Practice Actions When Establishing Levels of Terrorist Danger // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 145–150.

Значимым этапом в деятельности по усовершенствованию антитеррористического законодательства Российской Федерации стало внедрение уровневой системы ситуационного реагирования на террористические угрозы¹.

Так, в соответствии с п. 5 ст. 5 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ² «О противодействии терроризму» в целях своевременного информирования населения о возникновении угрозы террористического акта и организации деятельности по противодействию его совершению могут устанавливаться уровни террористической опасности, предусматривающие принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства»³ определен порядок установления уровней террористической опасности и содержание вышеуказанных мер.

Под «уровнем террористической опасности» понимается степень угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства в результате террористической деятельности⁴.

Уровень террористической опасности характеризуется прежде всего реальностью возникшей террористической угрозы, реальной возможностью совершения террористического акта и уровнем последствий (ущерба), которые возникают для личности, общества и государства⁵ в результате террористической деятельности.

При этом установление уровней террористической опасности является одним из способов (этапов) ситуационного реагирования на возникшую угрозу совершения террористических актов, а также результатом проведения органами государственной власти и местного самоуправления мониторинга обстановки в регионе в области противодействия терроризму.

Кроме того, в ряд постановлений Правительства Российской Федерации, регламентирующих деятельность по обеспечению антитеррористической защищенности различных объектов (территорий), внесены изменения и дополнения в требования к их антитеррористической защищенности, предписывающих выполнение комплекса мер в зависимости от установленного уровня террористической опасности⁶, что

¹ Правовая политика России в сфере противодействия терроризму : учебное пособие [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=467200 (дата обращения: 20.03.2021).

² Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика : учебное пособие [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=471827 (дата обращения: 20.03.2021).

³ Далее — Порядок.

⁴ Понятие «террористической деятельности» определено в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

⁵ *Абросимова А. С., Савицкая К. С.* Терроризм как угроза международной безопасности: идеология и методы борьбы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41359295> (дата обращения: 20.03.2021).

⁶ П. 37 разд. VI Постановления от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)»; п. 28 разд. III Постановления от 2 августа 2019 г. № 1006 «Об утверждении требований к антитер-

обусловлено необходимостью выработки единого системного и комплексного использования политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых и специальных ресурсов противодействия терроризму, эффективности процедур минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма, соразмерности мер противодействия терроризму степени террористической опасности, а также повышении уровня информационной осведомленности гражданского населения о складывающейся¹ в регионе обстановке в сфере противодействия терроризму.

Для координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (далее — ТО ФОВИВ), органы исполнительной власти (далее — ОИВ) и органы местного самоуправления (далее — ОМСУ) по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений образованы антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации (далее — АТК). Впоследствии, в соответствии с ч. 4.1 ст. 5 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 82-ФЗ), сформированы АТК муниципальных образований (далее — АТК МО).

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) полномочия по участию в мероприятиях по профилактике терроризма внесены в положения ряда ОИВ и должностные обязанности их сотрудников.

Создание АТК и АТК МО, формирование их аппаратов, а также участие в мероприятиях по противодействию терроризму ОИВ, ОМСУ и их сотрудников выявило актуальность и необходимость подготовки соответствующих кадров, повышения профессиональной квалификации должностных лиц.

В целях получения практического опыта при проведении учебных сборов, организованных аппаратом Национального антитеррористического комитета

рористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)»; п. 26 разд. III Постановления от 14 апреля 2017 г. № 447 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов»; п. 31 разд. III Постановления от 7 ноября 2019 г. № 1421 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, его территориальных органов и подведомственных ему организаций, объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, формы паспорта безопасности этих объектов (территорий) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; п. 19 разд. III Постановления от 13 января 2017 г. № 8 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства здравоохранения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства здравоохранения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)»; п. 36 разд. IV Постановления от 19 октября 2017 г. № 1273 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)»; п. 28 разд. III Постановления от 11 февраля 2017 г. № 176 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) в сфере культуры и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)»; п. 28 разд. VI Постановления от 5 сентября 2019 г. № 1165 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) религиозных организаций и формы паспорта безопасности объектов (территорий) религиозных организаций».

¹ Гамидов Р. Т. Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27162653> (дата обращения: 20.03.2021).

(далее — НАК)¹, а также выработки на основании результатов анализа поступающей информации², в том числе в рамках мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму в субъекте Российской Федерации предложений (управленческих решений) и их документального оформления, разработки иных документов, относящихся к указанной сфере деятельности, программа учебных сборов была дополнена практическими занятиями в форме «деловых игр»³.

Основные задачи, которые ставились при разработке методических материалов и внедрении в учебный процесс «деловых игр», это прежде всего проверка уровня профессиональной подготовки сотрудников аппаратов АТК (АТК МО), систематизация и закрепление знаний, отработка практических навыков, касающихся анализа складывающейся в регионе оперативной ситуации и ее правовой оценки, организация взаимодействия с ТО ФОИВ, ОИВ и ОМСУ при решении различных задач в сфере профилактики терроризма, разработка и оформление соответствующих документов.

Так, в соответствии с решением Председателя НАК, Директора ФСБ России генерала армии А.В. Бортникова⁴ от 29 мая 2017 г., автором была подготовлена и в период с 13 по 14 июня 2017 г. впервые в Российской Федерации проведена тренировка по практической отработке АТК в Пермском крае порядка установления уровней террористической опасности на территории региона.

Тренировка организована и осуществлена в рамках проведения Публичным акционерным обществом «РусГидро» (далее — ПАО «РусГидро») в указанный период на базе «Воткинской ГЭС» (г. Чайковский Пермского края) научно-практического семинара-учения, посвященного совершенствованию эффективности антитеррористической защищенности объектов гидроэнергетики ПАО «РусГидро», а также показа ряда антитеррористических мероприятий.

В тренировке приняли участие сотрудники аппарата НАК, аппарата АТК в Пермском крае, аппарата оперативных штабов (далее — ОШ) в Пермском крае.

В соответствии с разработанным автором и утвержденным руководством аппарата НАК «Планом проведения тренировки с АТК в Пермском крае» в ходе мероприятия отработаны следующие вопросы:

1. Организация взаимодействия руководителей и сотрудников аппаратов АТК и ОШ в Пермском крае при установлении (изменении, отмене) уровней террористической опасности. Разработка ими необходимых документов.
2. Организация взаимодействия аппарата АТК с пресс-службой (подразделения программ содействия) УФСБ России по Пермскому краю, ИЦ НАК и подготовка информационных сообщений для населения и распространения их в СМИ. Разработка ими необходимых документов.

¹ Современная организация противодействия терроризму в РФ. Роль и место муниципальных образований в общегосударственной системе противодействия терроризму [Электронный ресурс]. URL: <https://dogmon.org/sbornik-itogovih-materialov.html?page=11> (дата обращения: 20.03.2021).

² Плотников В. В. Об организационных аспектах противодействия терроризму в муниципальных образованиях Московской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18345805> (дата обращения: 20.03.2021).

³ Клушин А. В. Применение деловых игр при подготовке сотрудников региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 158–161 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1673> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ Грачев С. И., Кирилов И. В. Терроризм как угроза современной политической ситуации и проблемы формирования антитеррористической политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28878912> (дата обращения: 20.03.2021).

3. Оценка качества подготовленных документов сотрудниками аппарата НАК.

В ходе анализа результатов тренировки выявлено, прежде всего, отсутствие у сотрудников аппаратов АТК и ОШ практических навыков в оценке и анализе поступающей информации, выработки на основании результатов анализа соответствующих решений Председателя Комиссии и их документальному оформлению, разработки иных документов, относящихся к данной тематике.

В связи с чем автором при подготовке учебных сборов сотрудников аппаратов АТК в субъектах Российской Федерации на базе Академии ФСБ России, а также сотрудников аппаратов АТК в Северо-Западном федеральном округе на базе Калининградского пограничного института (сентябрь–октябрь 2017 г.) на основе материалов тренировки с АТК в Пермском крае были разработаны материалы практического занятия в форме «деловой игры» по теме «Организация деятельности аппарата антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации при установлении уровней террористической опасности», а также доработаны методические рекомендации по вопросам реализации положений Порядка¹ установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851.

В качестве дополнительного (справочного) материала для большей наглядности автором использованы карты-схемы административно-территориального деления Пермского края с прилегающими субъектами Российской Федерации, а также соответствующего муниципального образования с указанием расположения «Воткинской ГЭС».

Внедрение нового формата практического занятия, а также тематика и методические материалы вызвали живой интерес у участников учебных сборов, способствовали получению именно практического опыта в организации деятельности по реализации «Порядка установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства», утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851.

Отдельно следует отметить, что складывающаяся в настоящее время, особенно в южных областях страны, оперативная обстановка, связанная, прежде всего, с проведением специальной военной операции на Украине и возможностью совершения украинскими радикальными структурами и диверсионно-разведывательными группами террористических (диверсионно-террористических) актов, требует от должностных лиц своевременного информирования населения о возможных террористических угрозах, усиления антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе² путем реализации мероприятий, предусмотренных в рамках установления уровней террористической опасности в соответствии с Порядком установления уровней террористической опасности и содержание указанных мер определены Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851³.

¹ Духно Н. А., Васильев Ф. П. Паспортизация объектов как способ установления стандартов безопасности и их обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24506511> (дата обращения: 20.03.2021).

² Нырко В. Г. Вопросы антитеррористической защищенности объектов с массовым пребыванием людей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22814641> (дата обращения: 20.03.2021).

³ С 11 апреля 2022 г. в граничащих с Украиной Белгородской, Брянской, Курской областях, в приграничных районах Воронежской области, на территории нескольких районов Краснодарского края и на севере Крыма установлен и продолжает действовать высокий («желтый») уровень террористической опасности.

Таким образом, включение практического занятия в форме «деловой игры» в учебно-методический процесс подготовки кадров, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по профилактике терроризма, а также преподавателей по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации «Вопросы профилактики терроризма», стало необходимостью, и отработка практических навыков должностных лиц по действиям при установлении уровней террористической опасности приобретает особую актуальность.

Об авторе:

Клушин Артем Валерьевич, начальник Отдела по обеспечению деятельности антитеррористической комиссии в Калининградской области Правительства Калининградской области — руководитель аппарата антитеррористической комиссии в Калининградской области (Калининград, Российская Федерация), капитан первого ранга запаса; griyvan@yandex.ru

About the author:

Artem V. Klushin, Head of Department of Ensuring Activity of the Anti-Terrorist Commission in the Kaliningrad Region the Governments of the Kaliningrad Region — The Chief of Staff of the Anti-Terrorist Commission in the Kaliningrad Region (Kaliningrad, Russian Federation), Captain First Rank (Reserve); griyvan@yandex.ru

Стратегическое управление факторами противодействия чрезвычайному периоду на региональном рынке недвижимости

Петрова П. М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; polina_petrovaa@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются национальные и региональные стратегические инструменты противодействия чрезвычайному периоду на рынке недвижимости. Под чрезвычайным периодом в работе понимается период необоснованного роста цен на рынке, характеризующийся избыточными инвестициями, обусловленными долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов. Целью исследования является определение наиболее эффективных стратегических инструментов противодействия чрезвычайному периоду на региональном рынке недвижимости. Теоретической основой статьи, в первую очередь, служит теория стратегии и методология стратегирования Иностранного члена РАН, д. э. н., профессора В. Л. Квинта. В качестве результата анализа возможных национальных и региональных стратегических решений, влияющих на рынок недвижимости в чрезвычайный период, были выделены наиболее эффективные инструменты на взгляд автора. Полученные в статье результаты исследования подчеркивают необходимость создания эффективных систем идентификации признаков возникновения чрезвычайного периода, а также оценки различных сценариев функционирования экономической системы в рассматриваемый чрезвычайный период и выхода из него.

Ключевые слова: чрезвычайный период, стратегирование, глобализация, стратегия выхода, стратегические приоритеты

Для цитирования: *Петрова П. М.* Стратегическое управление факторами противодействия чрезвычайному периоду на региональном рынке недвижимости // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 151–162.

Strategic management during the contingency period in the regional real estate market

Polina M. Petrova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; polina_petrovaa@mail.ru

ABSTRACT

This research article discusses national and regional strategic instruments to counteract the contingency period in the real estate market. A contingency period refers to a period of unreasonable price increases in the market, characterized by excessive investment due to long-term speculative expectations of investors. The aim of the study is to identify the most effective strategic means of counteracting various phases of the contingency period in the regional real estate market. The theoretical basis of the article is primarily strategy theory and strategizing methodology of Doctor of Economics, Professor V.L. Kvint. As a result of the analysis of possible national and regional strategic decisions affecting the real estate market during the contingency period, the most effective in the author's opinion were selected. The arguments presented in the article underscore the need to establish effective systems for identifying signs of the occurrence of the contingency period, as well as for evaluating different scenarios of the functioning of the economic system during that period and for exiting from it.

Keywords: contingency period, strategizing, globalization, exit strategy, strategic priorities

For citing: *Petrova P.M.* Strategic management during the contingency period in the real estate market // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 151–162.

Введение

На региональный рынок недвижимости оказывают влияние несколько направлений государственной стратегии, в том числе социальное, экономическое, технологическое. Однако роль социальной стратегии и ее воздействия на динамизм и характер изменения рынка жилья первостепенна, поскольку любые потрясения и шоки, касающиеся цен на жилье и его доступности, скажутся на социальной стабильности государства, материальном и эмоциональном благополучии населения. Целью исследования является определение наиболее эффективных, по мнению автора, национальных и региональных стратегических инструментов противодействия чрезвычайному периоду на его разных этапах. Феномен рассматривается в теории и на практике на примере разных стран, крупных регионов и городов, столкнувшихся с данным явлением. Актуальность исследования обусловлена тем, что стратегический тренд глобализации [5] повышает вероятность возникновения и способствует расширению рассматриваемого чрезвычайного периода в связи с активизацией международного движения капитала, развитием мировой финансовой системы. Стратегия призвана учитывать и систематизировать изменчивость условий, в которых находится объект стратегирования [13], повышая скорость выявления рассматриваемого феномена и позволяя «принимать эффективные скоординированные стратегические решения для его ликвидации» [4]. При этом важнейшим приоритетом в случае возникновения чрезвычайного периода является стратегическая экономическая безопасность и надежность для инвесторов, компаний, которые оказались вовлечены в чрезвычайный период на рынке недвижимости. В соответствии с методологией основоположника теории стратегирования академика В. Л. Квинта отраслевая и региональная стратегии интегрируются в национальную, тем временем, как последняя является частью международной и впоследствии глобальной стратегии [6; 7; 12]. То есть неэффективность региональной и отраслевой стратегий выражается в национальной и может напрямую отразиться на глобальном уровне, в зависимости от экономического влияния страны на международный рынок. Из этого также следует, что приоритет региона должен согласовываться с глобальными и национальными интересами для достижения положительного эффекта для всех сторон [9].

Теоретические основы

Теоретической основой статьи служит теория стратегии и методология стратегирования д. э. н. В. Л. Квинта. Важность согласованности региональных, национальных и глобальных интересов рассматривается в работах к. э. н. М. К. Алимуратова, д. э. н. И. В. Новиковой и д. э. н. В. Л. Квинта. Необходимость расширения механизмов мониторинга и предвидения изменения внешних условий, влияющих на разные аспекты жизни человека, анализируется в исследовании к. э. н. Н. И. Сасаева. Свой вклад в анализ факторов, вызывающих социальную напряженность в регионе, внесли к. э. н. В. И. Глотов, д. э. н. А. Р. Бахтизин, к. э. н. М. И. Волкова. Статья д. э. н. К. Л. Астапова включает в себя рассмотрение стратегического тренда отрыва финансового сектора от реального производства. Свой вклад в формирование задач эффективной финансовой системы внесла М. К. Хабекова. Необходимость формирования оптимальной стратегии государственного регулирования рынка рассматривается в работах Нобелевского лауреата Жана Тироля. Ч. Киндлбергер и Р. Алибер в своих исследованиях провели анализ эффективности монетарной политики в чрезвычайный период. Помимо этого, существенный вклад в анализ стратегических инструментов противодействия чрезвычайному периоду внесла к. э. н. Е. В. Чиркова. Необходимость рассмотрения определенных финансовых показателей, входящих в стратегический анализ, доказана в работах Н. А. Станик.

Результаты

Результаты исследования заключаются в определении после проведенного анализа таких национальных и региональных стратегических решений в условиях чрезвычайного периода на рынке недвижимости, которые могли бы способствовать стабилизации рынка в условиях новой нормальности с учетом фактора времени как детерминирующего.

Обсуждение

На период финансовой глобализации с 1980 по 2014 г. приходилось наиболее частое возникновение чрезвычайных периодов, характеризующихся избыточными инвестициями, обусловленными долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов, при постепенном увеличении их воздействия на экономики многих стран [22]. Данное явление наблюдалось в разных отраслях на фоне серьезного отрыва финансового сектора от реального производства [2]. В итоге последствия рисков и внутреннего государственного экономического влияния отражались и на другие страны, ведь система стратегии, согласно методологии академика В. Л. Квинта, включает в себя последовательную интеграцию стратегий разных уровней (рис. 1) [21].

Согласно исследованию В. И. Глотова, А. Р. Бахтизина и М. И. Волковой, социальная напряженность в регионах непосредственно связана в том числе с факторами, касающимися вопросов дохода населения и наличия жилья [3]. Таким образом, формирование национальных и региональных стратегических инструментов, которые могли бы, с одной стороны, минимизировать возникающие стратегические угрозы из-за наличия чрезвычайного периода на рынке недвижимости, а с другой,

© Dr. Vladimir Kvint, 2020

Рис. 1. Система стратегии
Fig. 1. Strategy system

Источник: составлено автором на основе [7, с. 48].

максимизировать эффективность реализации формирующихся возможностей, является важной и актуальной стратегической задачей.

Рассматриваемое явление можно представить в качестве долгосрочного цикла, который имеет несколько этапов развития (рис. 2). Первый этап обусловлен вероятностью возникновения чрезвычайного периода в момент появления новых рынков с ростом отдачи от капиталовложений или с развитием научно-технического прогресса. Данные процессы являются сигналом инвесторам о возможной доходности. Также данный этап может подкрепляться государственными стимулирующими рынком инструментами. Второй этап характеризуется ростом инвестиционных вложений вследствие повышения цен на актив вместе с увеличением объемов кредитования (на фоне спекулятивных мотивов инвесторов). Итак, первые два этапа подкрепляются увеличением кредитных объемов, а также ростом цен на финансовые активы. Реализуемые национальные и региональные стратегии должны способствовать созданию эффективных систем идентификации признаков возникновения чрезвычайного периода уже на данных этапах. Третий этап является точкой перегрева сектора, в который направляются спекулятивные инвестиции, и возникает уже одержимость инвесторов избавиться от денег с помощью вложения средств в неликвидные активы. На данном этапе также присоединяется производственный сектор экономики, и стремительными темпами увеличивается стоимость реальных активов. Четвертый этап иллюстрируется замедлением инвестиционного роста и стрессом инвесторов, который имеет саморазвивающийся характер и порождает инертную панику на рынке. На данных этапах необходима оценка различных сценариев функционирования экономической системы для минимизации влияния возникающих стратегических угроз. И пятый этап, окончание данного цикла — это выход из чрезвычайного периода, который может привести либо к резкому обвалу цен на актив, что усложнит характеристики чрезвычайного периода, либо, при реализации эффективной стратегии выхода, к постепенной стабилизации рынка, которая должна происходить, согласно методологии стратегирования профессора В.Л. Квинта, на трех уровнях [4]:

- «на глобальном уровне, на котором устраняются последствия и барьеры выхода из чрезвычайного периода;
- на национальном уровне, где формируется оценка посткризисных условий;
- на региональном уровне, на котором происходит адаптация объекта стратегирования к новой нормальности».

Большому влиянию при формировании рассматриваемого чрезвычайного периода поддается реальный сектор экономики, что ведет к высоким темпам его экономического развития. При таких обстоятельствах наблюдается избыточный инвестиционный рост на рынке, который становится в долгосрочной перспективе причиной потери благосостояния населения, поскольку следствием высоких, неконтролируемых темпов развития сектора является резкий рост цен на такие объекты, как недвижимость и земля [17]. Нобелевский лауреат Жан Тироль в своих работах рассматривает рыночную власть и государственный контроль над ней. Автор выделяет тот факт, что, если некоторые сектора экономики, в которых господствуют олигополия, не будут регулироваться государственными инструментами, которые должны быть тщательно адаптированы к условиям каждой конкретной отрасли, то следствием может стать нежелательный рост цен на рынке. Жан Тироль приходит к выводу о необходимости формирования оптимальной стратегии государственного регулирования рынка [26].

Рассмотрим стратегические угрозы, возникающие в чрезвычайный период для национальной и региональной экономик. Эффективные финансовые системы должны страховать инвесторов от риска ликвидности [16], при этом основной угрозой возникновения рассматриваемого периода является подрыв финансового сектора путем расширения кризиса ликвидности, роста процента по выплатам за кредит

Рис. 2. Этапы развития чрезвычайного периода
Fig. 2. Phases of the contingency period

Источник: составлено автором на основе выделения этапов развития чрезвычайного периода.

и преобладание на рынке негативных перспектив у инвесторов. Подходящим примером является Великая Депрессия 1929–1939 гг., которая показала ту самую саморазвивающуюся инертную спираль событий, когда малейшее падение цен акций вызвало внезапное снижение реального производства и стремительное падение фондового рынка [17]. Согласно правилам стратегического мышления профессора В. Л. Квинта, инерционное мышление, которое в данном примере продемонстрировали инвесторы, — главный враг стратегического мышления [21]. Во-вторых, если чрезвычайный период охватывает большую часть экономики региона и, возможно, в целом страны, возникают массовые банкротства участников реального и финансового секторов: банков, компаний, инвесторов, брокеров и т. д. И в-третьих, рассматривая вероятность неблагоприятного выхода из чрезвычайного периода, можно отметить, что в итоге это приводит к росту процентных ставок в экономике, а также падению инвестиций в нее.

Важнейшее место в урегулировании ситуации возникновения чрезвычайного периода на рынке недвижимости, обусловленного долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов, занимает государственная монетарная политика. Существуют различные сценарии функционирования экономической системы в этот период, инструменты которых можно разделить на два вида в зависимости от источника этого воздействия: федеральное и региональное. Под федеральным стратегическим воздействием понимаются инструменты влияния федеральных властей и Центрального банка, под региональными — инструменты региональных властей. Как было отмечено ранее, при формировании стратегического воздействия на экономику в чрезвычайный период необходимо учитывать тот факт, что стратегия более низкого уровня, то есть региональная, должна не противоречить и интегри-

роваться в стратегию более высокого уровня, то есть национальную, и учитывать ее интересы (рис. 1). Рассмотрим конкретные примеры инструментов возможных стратегических сценариев.

Во-первых, говоря о федеральных инструментах, воздействовать на процесс можно через ужесточение регулирования банковского сектора, *повышая процент нормы резервирования*. В данном случае Центральному банку необходимо найти тот оптимум, при котором, с одной стороны, будет обеспечена платежеспособность банка в чрезвычайный период, а с другой — не произойдет резкое снижение прибыльности при реализации стратегии выхода из чрезвычайного периода, поскольку увеличение резервной массы ведет к росту упущенных стратегических возможностей. Другой мерой может стать *требование расширения группы показателей для более достоверной оценки рисков*. На данный момент наиболее частым показателем, используемым для подобной оценки, является Value-At-risk, который по природе своей действительно отражает большой спектр рискового потенциала, однако, его использование многими финансовыми институтами способствует унификации мнений относительно формирования цены на рассматриваемый актив, что с определенной вероятностью может привести к возникновению чрезвычайного периода на рынке [17]. При формировании стратегии мнение большинства, в данном случае мнение финансовых институтов относительно стоимости актива, чаще всего ошибочно, что подтверждается правилом стратегического мышления В. Л. Квинта [21].

Согласно исследованию Ч. Киндлбергера и Р. Алибера, во время чрезвычайного периода, характеризующегося избыточными инвестициями, обусловленными долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов, вовлечены как минимум два рынка — к примеру, исторически чрезвычайный период на рынке недвижимости сопровождается кризисом на рынке акций [10]. То есть для более эффективного воздействия на период ввести федеральное регулирование возможно и на фондовом рынке, который поддается влиянию чрезвычайного периода на рынке жилья через волатильность стоимости ценных бумаг компаний, относящихся к строительной отрасли, либо к сфере недвижимости. Ярким примером такого регулирования является период Великой Депрессии, когда на фоне происходящего была создана Комиссия по ценным бумагам и биржам, которая, в свою очередь, принимала *минимальное требование по марже*. Так, изначально разрешенная доля заемных средств при покупке акций составляла 1/4 от общих, но впоследствии, при налаживании финансовой обстановки в стране, она была повышена до 1/2. Данный пример минимального требования относится к фондовому рынку, однако возможно применение *регулирования доли заемных средств* как в отношении покупки жилья, так и в отношении долговой нагрузки строительных компаний. Таким образом, идентификация признаков возникновения чрезвычайного периода необходима не только в сфере недвижимости, но и на рынке акций [15]. Для этого необходимо формирование системы идентификации явления, включающую мониторинг показателей обоих рынков. Развитие и расширение механизмов мониторинга и предвидения является актуальной задачей на сегодняшний день для минимизации негативного влияния чрезвычайного периода на разные аспекты жизни человека (материальные, эмоциональные и т. д.) [14].

Иной вариант сдерживания рынка, характеризующегося избыточными инвестициями, выражается через фискальный стратегический инструмент — *налоговую систему*, которая функционирует как на федеральном, так и на региональном уровнях. К примеру, в 2009 г. правительство Великобритании ввело «суперналог» на сверхбонусы инвестиционных банкиров [24]. Говоря о рынке недвижимости, можно отметить налог на доходы физических лиц на продажу квартир со сроком владения

менее пяти лет после ее покупки¹. Данный инструмент иллюстрирует мягкое рыночное ограничение и направлен на превентивное сдерживание спекулятивных стратегий на рынке недвижимости. Ярким его примером может стать рынок жилья в России, где продавец квартиры освобождается от уплаты налога на доходы физических лиц, если квартира продана по истечении пяти лет с момента ее приобретения. Также в истории чрезвычайных периодов на рынке недвижимости есть пример *требования Центрального банка по увеличению ипотечных ставок в регионе*, в котором наблюдается наиболее спекулятивная активность. Примером может послужить приказ ЦБ Китая местным банкам в Шанхае повысить ипотечную ставку [23]. Отмечая региональные инструменты воздействия, можно выделить и такой инструмент, как *принуждение местных банков к увеличению первичных платежных взносов по ипотеке*, которое наблюдалось в некоторых крупных регионах КНР в 2016 г. [25]. Помимо этого, несколько регионов Китая также имеют опыт введения *запрета на покупку жилья иногородними гражданами*, а также для тех, кто не ведет рабочую деятельность в регионе [20].

Рассмотрим такое стратегическое решение, как *воздействие в противоход*, иными словами, плавное повышение процентной ставки по мере роста стоимости недвижимости, а также увеличения инвестиций в данный сектор. Считается, что данный инструмент можно использовать только при наличии благоприятных к этому условий, таких как отсутствие явной угрозы резкого экономического краха и наличие высокой чувствительности стоимости активов к учетной ставке. Такая симметричная стратегия ЦБ, в которой он ужесточает проводимую монетарную политику при резком спекулятивном росте инвестиций в течение 2–3 этапов чрезвычайного периода и ослабляет ее во время депрессии на рынке, имеет непосредственное влияние на уровень рискованности поведения инвесторов, сдерживая инвестиционный поток. При этом, если чрезвычайный период успел перерасти в мировой тренд, то сдерживающие стратегические инструменты только одного ЦБ могут быть недостаточными, в таком случае необходима эффективная международная секторная стратегия (см. рис. 1), то есть кооперация стратегий Центральных банков экономически влиятельных стран². В целом мнение специалистов в смежных экономических, финансовых и политических областях практически единогласно — одного из основных инструментов Центрального банка, процентной ставки, недостаточно для корректировки тенденций чрезвычайного периода, необходимы и другие стратегические инструменты [17].

Рассмотрим возможный инструментарий противодействия чрезвычайному периоду монетарной политики на обозначенном ранее 4-м этапе — замедлении инвестиционного роста. Отслеживание момента возникновения рассматриваемого явления на рынке является непростой задачей, поэтому более дискуссионным остается вопрос противодействия на этапе снижения ажиотажа инвесторов. С одной стороны, существует мнение о том, что государство должно придерживаться *сценария пассивного созерцателя* процесса. При этом сразу же понятен контраргумент: все зависит от степени экономического развития региона, страны, а также ее влияния на мировой рынок. В такой развитой стране, как Соединенные Штаты, очень развит инвестиционный активизм³ среди населения [18; 19]. Подрыв его базы может привести к высоким рискам, выражающимся в тяжелых социальных волнениях.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

² Примером чрезвычайного периода, ставшим мировым трендом, является кризис 2008 г., начавшийся на рынке недвижимости США и повлиявший на возникновение глубокого экономического кризиса во многих странах.

³ Под «инвестиционным активизмом» в данном исследовании понимается высокая степень участия населения США в инвестиционных процессах на бирже.

Помимо рассмотренного подхода, также существует вариант *сглаживания воздействия чрезвычайного периода*, под которым подразумевается сдерживание обрушения ранее завышенных цен до их оптимального рыночного уровня. Инструментом в данном случае может послужить *эмиссия денег*, то есть при таком сценарии справедливые цены повысятся до высоких рыночных в связи с инфляцией в экономике. Однако при реализации такого сценария возникают свои минусы.

Во-первых, данное решение может оказаться неэффективным на фондовом рынке. При росте денежного предложения с высокой вероятностью произойдет и рост инфляции, что приведет к увеличению номинальной выручки многих компаний. Тем самым, это послужит сигналом инвесторам, что оценка роста цены акций компаний более обоснована, нежели их оценка при прежнем уровне инфляционных ожиданий. При таком сценарии повысится уровень рисковости инвесторов, которые купили такие акции, ведь им удалось более точно предсказать колебания на рынке, нежели более сдержанным, менее рискованным инвесторам. Следовательно, в дальнейшем они будут продолжать искать спекулятивные решения и повышать вероятность возникновения проблемы «морального риска»¹ [17]. В данном исследовании вопрос рисковости принятия инвестиционного решения касается как фондового рынка, где в качестве актива выступают акции компаний, относящихся к сфере строительства и недвижимости, так и самого рынка недвижимости, активом которого является жилье. Если внутренние факторы поддаются относительно достоверным оценкам, то внешние чаще имеют крайне неопределенные характеристики [1]. Возникновение чрезвычайного периода на рынке жилья является именно внешним фактором, оценить который инвестору сложно.

Итак, исследование показало, что наиболее эффективные стратегические решения носят превентивный характер и должны быть направлены на недопущение расширения рассматриваемого чрезвычайного периода. К примеру, для минимизации вероятности его возникновения на рынке недвижимости необходимо предоставление населению привлекательных инвестиционных альтернатив на разных типах рынков: банковском, фондовом и так далее. ЦБ необходимо с опасением использовать такой инструмент, как низкая процентная ставка, чтобы не допустить создание благоприятной обстановки для формирования данного периода на кредитном рынке, тем самым подкрепляя спекулятивные инвестиционные решения игроков. Если же предвидеть возникновение периода не удалось, резко ликвидировать его нецелесообразно и, более того, рискованно с точки зрения экономической и социальной стабильности в стране, поскольку:

- на начальных этапах существует вероятность ошибки диагностирования возникновения чрезвычайного периода;
- на сегодняшний день нет проверенного инструментария регулирования и воздействия на этот экономический феномен;
- искусственная его ликвидация подразумевает вмешательство государства в ценообразование актива в рыночной экономике. Даже в США при немалом количестве пережитых чрезвычайных периодов, характеризующихся долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов, специалисты все равно склоняются к мнению, что ЦБ должен заниматься таргетированием инфляции или экономического роста, но не вмешиваться в формирование цен на рынке [19];
- существует риск резкого экономического краха при неверном выборе стратегического сценария по скорости ликвидации чрезвычайного периода. При этом,

¹ На примере страхования: такая проблема возникает у субъектов, у которых после страхования происходит уменьшение стимулов к снижению рисков, т. е. поведение застрахованного агента становится более беспечным, нежели оно было до покупки страхового полиса.

негативные последствия могут появиться и при выборе противоположного варианта — отсрочки ликвидации чрезвычайного периода:

- в данном случае все так же нет проверенных и устойчивых стратегических инструментов воздействия государства;
- чаще всего главным инструментом данного решения является обеспечение государственного льготного финансирования участников на рынке, что безусловно ведет и в краткосрочной, и долгосрочной перспективах к негативным результатам;
- говоря о краткосрочной перспективе, подразумевается, что государство заранее не знает конечной точки нахождения денег, как именно рынок ими распорядится;
- под долгосрочными последствиями имеется в виду поощрение со стороны государства высокорискованного, спекулятивного поведения инвесторов на рынке;
- имеющийся мировой опыт относительно сдерживания рассматриваемого чрезвычайного периода продемонстрировал, что с высокой вероятностью последствием станет отсрочка возобновления экономического роста [11].

Заключение

Таким образом, для минимизации вероятности возникновения и расширения чрезвычайного периода на региональном рынке недвижимости, характеризующегося долгосрочными спекулятивными ожиданиями инвесторов, оптимально придерживаться такого превентивного стратегического решения, как воздействие через мягкое ограничение рынка. Данный подход подразумевает постепенное использование охлаждающих рынок инструментов, чтобы предотвратить поток избыточных инвестиций, не вводя резкие ликвидационные меры, поскольку могут возникнуть более опасные для экономики стратегические угрозы, нежели при сглаживании воздействия периода на рынок. Стоит отметить, что ограничительные меры могут быть как региональными, так и федеральными, поскольку основные стратегические инструменты, рассмотренные ранее, находятся в федеральном распоряжении. Также, для снижения вероятности возникновения избыточного инвестирования на рынке жилья существует необходимость создания благоприятных инвестиционных условий и на других рынках. При идентификации признаков возникновения чрезвычайного периода на начальном этапе одним из эффективных стратегических решений для снижения потока избыточных инвестиций может стать законодательное влияние на рынок, например, налогообложение спекулятивных продаж жилья до истечения определенного периода времени владения им. Так как после 3-го этапа рассматриваемого чрезвычайного периода на рынке преобладает инерционное поведение инвесторов, которое ведет за собой панику, определение однозначных инструментов противодействия остается сложным вопросом. При этом они должны определяться с учетом особенностей национальной и региональной экономик. Для повышения эффективности государственного влияния на рынок необходима синхронизация фискальных и ряда монетарных инструментов, определяющихся в зависимости от экономического развития региона или целой страны.

Выводы

Данное исследование показывает необходимость создания в национальной и региональной стратегиях приоритета готовности к возникновению чрезвычайного периода на рынке недвижимости. Подобная необходимость обусловлена важностью рынка жилья для социально-экономической стабильности в регионе и в самой стране. Если выявить признаки чрезвычайного периода на начальном этапе не удалось, то следующий этап — определение стратегического сценария функционирования

экономической системы, на котором рассматривается внедрение различных инструментов, имеющих наибольшее влияние на рынок в зависимости от степени развития и особенностей экономики. Региональная стратегия выхода из чрезвычайного периода на рынке недвижимости должна включать в себя возвращение рынка в оптимальное состояние с помощью стабилизации инструментов, повлиявших на чрезвычайный период. Так, к примеру, если, исходя из экономического развития страны, был выбран такой инструмент, как повышение ключевой ставки экономики, то в стратегии выхода предусматривается возврат процентной ставки до ее оптимального уровня. С помощью механизма национальной системы, включающего в себя мониторинг стратегических трендов [8], системы идентификации явления и использования стратегических федеральных и региональных инструментов, возникающее негативное влияние чрезвычайного периода возможно минимизировать.

Литература

1. Алимуратов М. К. Региональные стратегии как фактор снижения неопределенности при принятии промышленными предприятиями инвестиционных решений // Экономика промышленности. 2020. Т. 3, № 1. С. 4–17.
2. Астапов К. Л. Стратегия развития финансового рынка в условиях кризиса: анализ и рекомендации // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20, № 11. С. 2.
3. Глотов В. И., Бахтизин А. Р., Волкова М. И. Социальная напряженность в субъектах Российской Федерации. Анализ причин и последствий // Федерализм: Теория. Практика. История. 2019. № 4. С. 142–160.
4. Квинт В. Л. Абрис стратегии как новой междисциплинарной науки и ее роль в устойчивых условиях и в чрезвычайные периоды // Телеканал «Онлайн Дискуссионная площадка МГУ «Диалог о настоящем и будущем». 25.05.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://expert.msu.ru/strategy> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Квинт В. Л. Глобальный формирующийся рынок — влияние на стратегию России и стратегическое развитие российских компаний // Эффективное антикризисное управление. 2012. № 3 (72). С. 50–61.
6. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
7. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СЗИУ РАНХиГС. СПб., 2019. 132 с.
8. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Теория и практика взаимосвязи категорий «хорошая жизнь» и «качество жизни» // Экономика качества. 2013. № 3. С. 1–16.
9. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 900–909.
10. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы: мании, паники и крахи. СПб.: Издательский Дом «Питер», 2010. 544 с.
11. Нетунаев Е. Б. Феномен заразных финансовых пузырей // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 154–165.
12. Петрова П. М. Стратегические аспекты предотвращения формирования и воздействия негативных последствий «финансового пузыря» // Тезисы докладов участников III Международной научно-практической конференции. Сер. Экономическая и финансовая стратегия / науч. ред. В. Л. Квинта. 2020. М., 2020. С. 144–146.
13. Сасаев Н. И. Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 58–68.
14. Сасаев Н. И. Фундаментальная основа для формирования новой культуры стратегирования // Экономика промышленности. 2021. № 2. С. 153–163. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-2-153-163.
15. Станик Н. А. Кризисы на рынке ценных бумаг: характерные черты и методы ранней идентификации. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2013. 521 с.
16. Хабекова М. К. Стратегический анализ глобальных, региональных и отраслевых тенденций развития мировых финансовых систем в условиях технологической трансформации // Экономика промышленности. 2020. Т. 13, № 1. С. 67–77.

17. Чиркова Е. В. За и против регулирования финансовых пузырей монетарными методами // Корпоративные финансы. 2011. № 2. С. 24–32.
18. Activist Investors // Deloitte Activist Investors. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/finance/za_Activist_Investors_report.pdf (дата обращения: 26.09.2022).
19. Article by Jean-Claude Trichet, President of the European Central Bank in the Wall Street Journal. 24.02.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2005/html/sp050224.en.html> (accessed: 26.09.2022).
20. *Kenneth Rapoza*. China Cities Crack Down On Housing Again // Forbes. 30.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2017/03/30/china-cities-crack-down-on-housing-again/?sh=5bcf4fed4cb7> (дата обращения: 26.09.2022).
21. *Kvint V. L.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
22. *Medlen C.* The Bubble Machine: Relative Capital Valuation, Distributive Shares and Capital Gains // Journal of Economic Issues (JEI). 2007. March. N 1. P. 201–220.
23. PBOC asks Shanghai lenders to raise mortgage loan rates // Reuters. 24.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: reuters.com/article/china-realestate-idUSL1N2P001L (дата обращения: 26.09.2022).
24. *Peston R.* A bonus super-tax // BBC. 6.12.2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/thereporters/robertpeston/2009/12/a_bonus_super_tax.html
25. Shanghai rolls out tightening measures to cool home market // Reuters. 25.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-property/shanghai-rolls-out-tightening-measures-to-cool-home-market-idINKCN0WR06W> (дата обращения: 26.09.2022).
26. *Tirole J.* The Theory of Industrial Organization. Hamilton Printing, USA, 1994. 476 p.

Об авторе:

Петрова Полина Михайловна, ассистент и аспирант кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); polina_petrovaa@mail.ru

References

1. Alimuradov M. K. Regional strategies as an uncertainty reducing factor for investors // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 1. P. 4–17 (in Rus).
2. Astapov K. L. Financial market development strategy in crisis: Analysis and recommendations // Economic Analysis: Theory and Practice [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2021. Vol. 20. Is. 11. P. 2021–2052 (in Rus).
3. Glotov V. I., Bakhtizin A. R., Volkova M. I. Social tension in Russian regions. Analysis of causes and consequences // Federalism [Federalizm: Teoriya. Praktika. Istoriya]. 2019. N 4. P. 142–160 (in Rus).
4. Kvint V. L. Abris of Strategy as a new interdisciplinary science and its role in sustainable conditions and in emergencies // Channel «Online Discussion platform of MSU «Dialogue about the present and the future». 25.05.2020 [Electronic source]. URL: <https://expert.msu.ru/strategy> (accessed: 10.09.2022) (in Rus).
5. Kvint V. L. Global emerging market — influence on the strategy of Russia and strategic development of Russian companies // Effective crisis management [Efektivnoe antikrizisnoe upravlenie]. 2012. N 3 (72). P. 50–61 (in Rus).
6. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 170 p (in Rus).
7. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. Vol. 1. SPb. : NWIM RANEPa Publ., 2019. 132 p. (in Rus).
8. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Theory and practice of the relationship of the categories “good life” and “quality of life” // Economy of quality [Ekonomika kachestva]. 2013. N 3. P. 1–16 (in Rus).
9. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K. Coherence of global and national interests with regional strategic priorities // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2021. Vol. 27. N 11. P. 900–909 (in Rus).
10. Kindleberger C., Aliber R. World Financial Crises: Mania, Panic and Collapse. SPb. : Peter Publishing House, 2010. 544 p (in Rus).

11. Netunaev E. B. The phenomenon of contagious financial bubbles // Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2017. Vol. 21. N 6. P. 154–165 (in Rus).
12. Petrova P. M. Strategic aspects of preventing formation and the negative impact of the financial bubble // Abstracts of reports of participants of the III International scientific and practical conference. Ser. Economic and Financial Strategy / scientific ed. V. L. Kvint. 2020. M., 2020. P. 144–146 (in Rus).
13. Sasaev N. I. Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 9. P. 58–68 (in Rus).
14. Sasaev N. I. Fundamental basis for formation of new strategy culture // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2021. N 2. P. 153–163. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-2-153-163 (in Rus).
15. Stanik N. A. Crises on the Stock Market: Features and Methods of Early Identification. M. : Financial University under the Government of the Russian Federation, 2013. 521 p (in Rus).
16. Khabekova M. K. Strategic analysis of global, regional and industry trends in the development of global financial systems in a technological transformation // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2020. N 1. P. 67–77 (in Rus).
17. Chirkova E. V. For and against the regulation of financial bubbles by monetary methods // Corporate finance [Korporativnye finansy]. 2011. N 2. P. 24–32 (in Rus).
18. Activist Investors // Deloitte Activist Investors. 2018 [Electronic source]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/finance/za_Activist_Investors_report.pdf (accessed: 26.09.2022).
19. Article by Jean-Claude Trichet, President of the European Central Bank in the Wall Street Journal. 24.02.2005 [Electronic source]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2005/html/sp050224.en.html> (accessed: 26.09.2022).
20. Kenneth Rapoza. China Cities Crack Down On Housing Again // Forbes. 30.03.2017 [Electronic source]. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2017/03/30/china-cities-crack-down-on-housing-again/?sh=5bcf4fed4cb7>
21. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
22. Medlen C. The Bubble Machine: Relative Capital Valuation, Distributive Shares and Capital Gains // Journal of Economic Issues (JEI). 2007. March. N 1. P. 201–220
23. PBOC asks Shanghai lenders to raise mortgage loan rates // Reuters. 24.07.2021 [Electronic source]. URL: <https://www.reuters.com/article/china-realestate-idUSL1N2P001L> (accessed: 26.09.2022).
24. Peston R. A bonus super-tax // BBC. 6.12.2009 [Electronic source]. URL: https://www.bbc.co.uk/blogs/thereporters/robertpeston/2009/12/a_bonus_super_tax.html (accessed: 26.09.2022).
25. Shanghai rolls out tightening measures to cool home market // Reuters. 25.03.2016 [Electronic source]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-property/shanghai-rolls-out-tightening-measures-to-cool-home-market-idINKCN0WR06W> (accessed: 26.09.2022).
26. Tirole J. The Theory of Industrial Organization. Hamilton Printing, USA, 1994. 476 p.

About the author:

Polina M. Petrova, Assistant and Postgraduate Student of the Department of Economic and Financial Strategy in Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); polina_petrovaa@mail.ru

Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС

Лихтин А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; likhtin-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются ключевые аспекты и предпосылки реализации в СЗИУ РАНХиГС проекта «Цифровой муниципалитет». В статье проанализированы различные подходы к пониманию сущности процесса цифровой трансформации муниципалитета. Рассмотрены важные составляющие новой парадигмы муниципального управления. Определены основные проблемы цифровой трансформации муниципалитетов. Изучена роль цифрового диалога в развитии муниципалитета и его жителей. В рамках проведенного исследования предпринята попытка осмыслить роль цифровых технологий в совершенствовании управленческой деятельности, а также обоснована необходимость реализации проекта «Цифровой муниципалитет».

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, проект, цифровизация, цифровой муниципалитет

Для цитирования: Лихтин А. А. Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 163–173.

Key Aspects of the Implementation of the Digital Municipality Project at the North-Western Institute of Management of RANEPA

Anatoly A. Likhtin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; likhtin-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

This article discusses the key aspects and prerequisites for the implementation of the Digital Municipality project at the North-Western Institute of Management of the RANEPA. The article analyzes various approaches to understanding the essence of the process of digital transformation of the municipality. The important components of the new paradigm of municipal government are considered. The main problems of digital transformation of municipalities are identified. The role of digital dialogue in the development of the municipality and its inhabitants is studied. As part of the study, an attempt was made to comprehend the role of digital technologies in improving management activities, and the need to implement the Digital Municipality project was substantiated.

Keywords: digital economy, digital technologies, project, digitalization, digital municipality

For citing: Likhtin A. A. Key aspects of the implementation of the Digital Municipality project at the North-Western Institute of Management of RANEPA // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 163–173.

Введение

Цифровые технологии стремительно меняют привычные формы и методы ведения хозяйственной деятельности: меняются структура и принципы ведения бизнеса у отдельных компаний, меняются отрасли, экономика и управление городами и регионами, меняются общество и жизненное пространство. В связи с этим сегодня возникла реальная потребность в разработке и реализации новых моделей управления различных уровней — федерального, регионального, муниципального, — которые будут оптимизировать значительное количество процессов жизнедеятельности гражданина [10; 11].

Активное участие населения в повседневном процессе коммунального благоустройства и учет интересов населения в развитии территории, через современные инструменты взаимодействия, обязывают властные структуры заниматься развитием современных средств связи, информационных технологий, а также иметь возможность специалистам органов местных администраций муниципальных образований существенно изменять архитектуру взаимодействия с населением.

Государственное и муниципальное управление является важнейшим институтом цифровой экономики [15]. Соответственно, именно органы государственной власти и местного самоуправления становятся важнейшим драйвером тех изменений, которые значительно меняют архитектуру общественно-публичного взаимодействия. Перед экономикой страны в целом стоит задача формирования института цифрового муниципалитета [3; 14].

Согласно последним новеллам Конституции РФ (ст. 132, ч. 3), «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»¹. При этом следует отметить, что самостоятельный уровень публичной власти не может стать первичной ступенью государственного управления. Местная власть обретает новый импульс развития, который в духе требований времени должен базироваться на информационных технологиях.

Цель данного исследования заключается в анализе сущности цифровой трансформации муниципалитета на примере реализации проекта «Цифровой муниципалитет».

* * *

С развитием информационно-коммуникационных технологий стремительно меняется система общественно-публичных отношений. Граждане стали проявлять готовность участвовать не только в огромном количестве межличностных и других коммуникаций, но и в процессах принятия решений, оказывающих влияние на их жизнь и среду обитания. Е. А. Фролова, Е. Г. Щербань и др. отмечают в качестве основного тренда социального развития стремление граждан к осмысленному участию [14].

Специфика включения населения местного сообщества в управление своим местом обитания активно поддерживается всеми органами власти. В реализации политики дистанцирования, определенной треугольником распределения ответственности между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, акторам местного самоуправления выделено особое значение, благодаря их со-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.03.2022).

циальной близости к жителям конкретного муниципального образования и обладанием правом на грамотное вмешательство на территориальное развитие сугубо автохтонной общности.

В зарубежной науке управления перед местным сообществом ставятся задачи по регулированию распределения ответственности и разделению властей на составляющие публичных отношений. Так, Мануэль Кастельс видит в информационном равенстве подлинное участие населения в жизни общин и призыв к установлению и укреплению коммуникаций между лицами, принимающими решения и отдельным индивидом ради улучшения городской среды обитания [5]. С его точки зрения, существует прямая взаимосвязь между открытостью органами муниципального самоуправления и публичностью жителей местного сообщества, призывающих к ответственному управлению городским имуществом [16].

Примечательно, что органы федеральной власти не обходят стороной объективные вызовы современного развития общества. Так, в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ определены основные направления взаимодействия местных органов самоуправления с жителями подотчетных территориальных образований, находящихся в ведомственном ведении городского территориального управления.

Как определено и зафиксировано в Указе, в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, перед исполнительными органами власти намечены выполнимые и достигаемые точки развития, обуславливающие постепенную отдачу от введения взаимосвязанных действий по планомерному союзу между местным сообществом и вверенными в процессе разделения властей акторами муниципального управления.

Государственной программой «Цифровая экономика Российской Федерации»² были намечены реперные точки вхождения индустрии государственного и муниципального управления в информационную эпоху при ответственном взаимодействии органов власти и населения, определяющего публичную сферу своих социально-экономических отношений. Правительством Российской Федерации как федеральным органом исполнительной власти в рамках своих полномочий определены инструменты воздействия коммуникационных и информативных секторов городского управления среди жителей крупных и малых городов, а также мегаполисов, что, в свою очередь, направлено на повышение конкурентоспособности страны, качества жизни граждан и обеспечение экономического роста и национального суверенитета.

Региональные органы исполнительной власти не остались в стороне от реформирования грамотного управления, вверенного им по конституционному законодательству территорий субъектов Российской Федерации. В частности, Правительство Ленинградской области, предпринимая все возможные шаги для перехода к электронному взаимодействию между домохозяйствами, органами власти и бизнесом в рамках реализации государственной концепции построения цифровой экономики в РФ, предприняло попытку образовать рабочие группы по вопросам

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 20.03.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // Портал Правительства России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 20.03.2022).

разработки и реализации проекта «Цифровой муниципалитет» на территории Ленинградской области¹.

Среди актуальных целей системного использования цифровых технологий в управлении на уровне субъекта федерации определено создание цифрового пространства, подключенного к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории муниципальных образований Ленинградской области, создание имиджа Ленинградской области как передового цифрового региона, что, в свою очередь, позволит, с точки зрения Администрации субъекта Российской Федерации, повысить результативность использования муниципальной транспортной инфраструктуры и управления транспортными потоками; улучшить ведение оперативного и достоверного учета ресурсов; усилить надежность оказания коммунальных услуг населению путем применения цифровых технологий мониторинга, а также повысить качество диагностики управления; перевести результат эффективности транспортного и градостроительного планирования на новый уровень [14]. Представляется, что подобной новацией возможно достижение задач по своевременной ответственной актуализации ответов на своевременные запросы жителей региона от государственных и муниципальных служащих субъекта РФ, что в дальнейшем будет способствовать планомерному развитию аппарата государственной и муниципальной службы в рамках заявленной квалификации и служебных соответствий, с учетом требований современных трендов цифровой экономики к профессиональным навыкам, знаниям и компетенциям представителей муниципальной власти [10].

В отечественной науке термин «цифровой муниципалитет» имеет разнообразные, но достаточно сходные по смыслу значения. К примеру, как указывают К. А. Яценко и др., «„цифровой муниципалитет“ — это цифровая экосистема на уровне муниципалитетов, в которой в постоянном процессе взаимодействия находятся граждане, институты власти и другие агенты (бизнес, общественные организации и пр.)» [17]. Существует более распространенное в научной литературе определение «цифрового муниципалитета», данное Е. А. Фроловой, под которым понимается «предоставление муниципальных услуг в проактивном режиме; электронный документооборот; внедрение интегрированных цифровых платформ; управление муниципальными топливно-энергетическими, водными и транспортными ресурсами; вовлечение жителей в управление развитием муниципалитета» [9; 14].

С данным определением трудно согласиться, поскольку выставление особого акцента только лишь на предложение, или предоставление, продажу услуг, сужает образность муниципального управления, сегрегирует его до товара, нивелирует активность населения, что противоречит конституционному законодательству, согласно которому местное самоуправление, являясь одной из парадигм публичной власти, закрепленное как абсолют в Основном законе РФ, образует единую систему самоуправления и для эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, осуществляет коммуникационное взаимодействие с иными ветвями власти, определяемыми российским законодательством².

Активное использование цифровых технологий в местном управлении подразумевает внедрение новой управленческой парадигмы по взаимодействию с местными сообществами посредством формирования повышения эффективности механизмов

¹ Распоряжение Губернатора Ленинградской области от 13.04.2022 № 235-рг «Об образовании рабочей группы по вопросам разработки и реализации проекта «Цифровой муниципалитет» на территории Ленинградской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenobl.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

² Конституция Российской Федерации.

коммуникаций между жителями, населяющими муниципальную территорию, и органами самоуправления как акторов принятия решений.

Отсюда важность обмена информацией от подлинного источника власти в стране, от ее жителей, между муниципалитетом, органом муниципальной власти, между регионом и властью федерации, — необходима к учету при трансформации информационного общества и цифровизации общественных институтов.

Думается, что основная тенденция углубленного пользования и внедрения в культуру потребления цифрового контента предопределяет всеобщую информатизацию общества, что, в свою очередь, формирует перспективы развития информационного сообщества всей страны. Данное инновационное поветрие в перспективе станет основным фактором формирования системы цифровых муниципалитетов. И здесь А. В. Корюкаев [6; 7] намечает отправные точки электронного самоуправления:

- 1) осознание необходимости интенсификации внедрения электронного правительства в стране, неравномерность информатизации территории России;
- 2) культурные, социальные, политические и экономические различия регионов;
- 3) повышенное внимание к финансированию местного самоуправления в целях информатизации деятельности муниципальных органов, в том числе поддержки создания, развития и использования системы цифрового муниципалитета;
- 4) расширение участия граждан в предоставлении муниципальных услуг, рост требований к качеству обслуживания на муниципальном уровне;
- 5) снижение вмешательства центрального (регионального) правительства в процесс принятия решений на местном уровне.

В качестве особого кейса по реализации инструмента цифрового муниципалитета, как совокупности муниципального управления и развития инициативы и активности населения в делах местных сообществ посредством внедрения цифровых технологий на отдельной территории, можно далее рассмотреть технологию «Умный город», как пример информационного взаимодействия жителей по управлению городским пространством.

Проект «Умный город» базируется на 5 ключевых принципах: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности, в том числе сервисной составляющей городской среды [13].

Основной функционал проекта возложен на Минстрой России¹, при этом исполнителю органу власти в качестве перспективных задач обозначено сформировать эффективную систему управления городским хозяйством как определяющего критерия повышения конкурентоспособности на международном уровне для российского города, что в случае своей реализации создаст комфортные условия жизни людей, обеспеченных доступной средой и безопасностью [1; 8].

Это, в свою очередь, позволит упростить внедрение цифровых технологий в российских городах, а также позволит определить последовательность этапов цифровизации.

* * *

Безусловно, построение цифрового муниципалитета, предполагающее колоссальный потенциал развития, связано с необходимостью решения целого ряда проблем.

Следует обратить внимание на необходимость современного технического оснащения муниципалитетов. Решение данной задачи требует значительных

¹ Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373509/ (дата обращения: 20.03.2022).

ресурсов, которым многие муниципалитеты не располагают. Причиной является общее недостаточно высокое развитие финансово-экономической базы деятельности муниципальной власти. Это, по мнению А. В. Майорова, приводит к отставанию технической инфраструктуры, используемой в муниципальном управлении, от уровня технического прогресса, требований цифровой экономики и ожиданий граждан [10].

Достаточно серьезной остается проблема недостаточной цифровой грамотности. Эта проблема актуальна как для действующих муниципальных служащих, так и для потребителей (пользователей) муниципальных услуг. Данная проблема, помимо прочего, обусловлена противоречивостью влияния цифровизации на кадровый потенциал муниципалитетов. Развитие цифровых технологий способствует активному внедрению робототехники и технологий искусственного интеллекта, следствием чего становится снижение штатной численности государственных и муниципальных служащих и отмирание отдельных видов профессиональной деятельности. В то же время существует такая актуальная проблема, требующая своего решения, как построение каналов коммуникаций с жителями территорий муниципальных образований, по причинам отсутствия необходимых профессиональных навыков и компетенций, а иногда и знаний у представителей органов местного самоуправления для индивидуально-ориентированного предоставления своевременного ответа на запросы, что в комплексе не совсем соответствует современным требованиям и трендам цифровой экономики.

Профессиональные компетенции специалистов органов местного самоуправления, в частности, далеки от профессиональных стандартов. В истории местного самоуправления редки случаи, когда систематическое отсутствие достижения показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления (главы муниципального образования или местной администрации) стало причиной их отставки или общественного обсуждения.

Согласно мнению С. Г. Камолова и М. А. Махотенко, одной из общих проблем, которая касается не столько муниципального, сколько и регионального, и федерального уровней, является нормативное регулирование цифровизации, отсутствие единых стандартов при выборе ведомственных систем и многообразии технологий, недостаточная согласованность процессов цифровизации на федеральном и региональном уровнях, что, несомненно, сказывается и на работе муниципалитетов [4; 12].

Авторы Б. С. Васякин, Е. Г. Перепечкина, О. И. Лосенков указывают на проблему неготовности многофункциональных центров взаимодействовать в рамках электронного взаимодействия с ведомствами. Межведомственный барьер при существующем информационном обмене заставляет граждан Российской Федерации собирать и предоставлять необходимые документы самостоятельно. Это происходит потому, что разные отраслевые инстанции органов власти являются разноразмерными, имеют индивидуальное программное обеспечение и регулируются внутриведомственными нормативными документами [2].

Как отмечают А. В. Майоров и др., «на сегодняшний день отсутствует четкая методология и концептуальные основы формирования доверия к „цифровому“ государству. Вместе с этим, вне всяких сомнений, активное внедрение и использование цифровых технологий в систему муниципального управления как один из элементов формирования «цифровых муниципалитетов» будет способствовать повышению открытости деятельности органов муниципальной власти и расширению общественного контроля, что станет важным шагом на пути формирования доверия граждан к государству» [10].

Существует мнение различных ученых, к примеру, М. А. Махотенко, что многие достижения муниципальной цифровизации, которые можно наблюдать в настоящее время, приходятся в основном на долю крупных муниципальных образований, при

этом разрыв в сфере цифровизации между ними и прочими дотационными муниципалитетами, и в первую очередь небольшими сельскими поселениями, нарастает [12]. Соответственно, следует признать наличие проблемы отсутствия у муниципальной власти современных инструментов и механизмов решения управленческих проблем и задач.

Характеризуя уровень цифровизации муниципальной власти сегодня, можно констатировать, что он остается достаточно низким.

Проект «Цифровой муниципалитет»

В каждой организации, в каждом регионе есть свои удачные управленческие решения, которые позволили качественно продвинуться вперед на определенном этапе. И об этих практиках нужно рассказывать, нужно делать их достоянием общности. Проще всего это делать в рамках программ повышения квалификации, в которые вовлечены представители разных сфер и регионов.

Усиление интеграции систем государственного и муниципального управления выявляет проблемы взаимодействия систем и обозначает новые перспективы развития. Подобная интеграция позволит существенно минимизировать недовольство населения затягиванием решения проблем, концентрировать усилия всей вертикали власти и усилить ответственность глав муниципальных образований перед руководителем города.

На рисунке приводятся основные, базовые процессы управления, которые реализуются во всех отраслях управления, экономики и народного хозяйства.

Примером такой практики в СЗИУ РАНХиГС является проект «Цифровой муниципалитет», который в рамках создания новой системы организации власти на местах, в основу устройства которой будет заложен не территориальный принцип, а принцип привязки к населению, позволит систематизировать и цифровизировать систему управления муниципалитетом и вовлечь активное население участвовать в процессах муниципального управления.

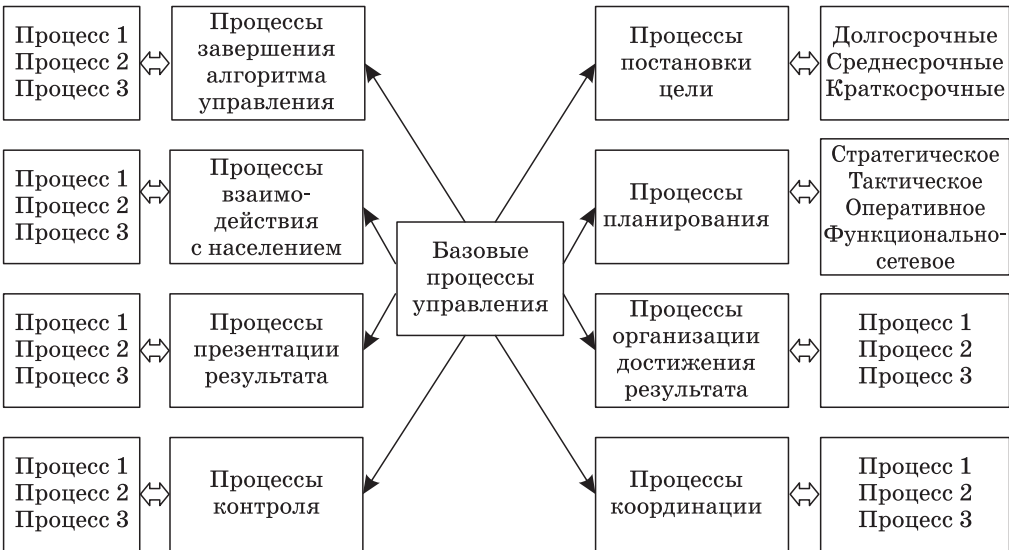

Рис. Базовые процессы управления
Fig. Basic management processes

Проект «Цифровой муниципалитет» в рамках модернизации системы местного самоуправления (МСУ) позволит:

- создать цифровую систему управления муниципалитетом;
- установить необходимые оперативные связи;
- сформировать оптимальную структуру хозяйственной деятельности;
- вовлечь население в процессы муниципального управления.

Задачи проекта:

- анализ проблем и запросов органов МСУ;
 - повышение уровня компетенций муниципальных служащих;
 - оптимизация процессов взаимодействия органов МСУ с жителями, а также внутренних процессов местной администрации;
 - разработка и внедрение проектов цифровой трансформации в муниципалитете.
- Модули проекта предусматривают решение ряда вопросов.

1. Создание «Симулятора административно-управленческих процессов местной администрации (муниципалитета)».
2. Персонализированное повышение квалификации муниципальных служащих.
3. Формирование цифровой матрицы МСУ (на основе использования инструментов BIG DATA).
4. Формирование цифровой матрицы территориального общественного самоуправления.

Эффективными инструментами для анализа и выработки конкретных рекомендаций по решению проблемных вопросов муниципальных территорий являются инструменты Big Data. Инструменты Big Data дают возможность сформировать карту обращений жителей муниципалитета по разному перечню вопросов: чистоты и порядка на территории, социальной обеспеченности, спортивного оборудования на территории, проведение спортивных и культурных мероприятий и многое другое, что входит в предметы ведения муниципалитета.

Социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет возможность для проведения исследований среди подписчиков (жителей муниципалитета и неравнодушных граждан) и сформировать некий образ социальной напряженности по проблемным вопросам территории. В процессе исследования формируется некий граф связей подписчиков сообщества и картина областей напряженностей, что является сигналом руководству муниципалитета для анализа и последующего решения проблемы.

Скорость протекания процессов информационных ресурсов позволяет минимизировать время обращения жителя муниципалитета в режиме: выявлена проблема и она уже на компьютере специалиста для анализа и принятия решения.

Таким вариантом решения может быть создание интеллектуального ассистента (чат-бота) по взаимодействию с гражданами. Посредством этого инструмента можно оперативно взаимодействовать по следующим вопросам:

- 1) запись на муниципальные услуги;
- 2) предложения по благоустройству округа;
- 3) трансляция заседаний муниципального совета;
- 4) формирование интерактивной карты муниципалитета;
- 5) эффективная коммуникация с жителями муниципалитета;
- 6) быстрая обратная связь от жителей округа;
- 7) создание персонального помощника жителя муниципалитета.

Аппарат руководства региональных и муниципальных органов власти, его структурные компоненты выступают основными пользователями системы цифрового муниципалитета. Используя информационные данные соответствующие актуальному моменту, имея оперативный доступ к готовым аналитическим и статистическим отчетам, сотрудники администраций органов власти как субъекта РФ, так и на

местном уровне, получают возможность актуализации сведений об объектах недвижимого имущества; возможность межведомственного взаимодействия в электронном виде, а также для удобного и быстрого поиска информации; оперативно-формирования и выдачи справок населению.

Таким образом, своевременное внедрение и потребление информационного контента как источника цифровых технологий в системе органов местного самоуправления на уровне муниципальных образований активизирует один из элементов «цифрового муниципалитета», что, в свою очередь, станет важным шагом на пути формирования доверия граждан к государству, поскольку расширит возможности общественного контроля и установит некую зону прозрачности в деятельности органов муниципальной власти.

Современное общество и государство должны иметь возможность для ведения непрерывного диалога, поскольку обеспечение эффективного взаимодействия с гражданами — важнейшая задача государства, которая позволит взглянуть на проблему более объективно.

Выводы

Цифровой муниципалитет должен стать частью цифровой экономики страны не только за счет повышения качества жизни населения, но и путем создания эффективной системы оценки качества профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих на основе информационно-коммуникационных технологий.

Очень важно в перспективе, чтобы муниципальные органы власти были встроены в вертикаль публичного управления и по всем ключевым процессам управления от постановки целей до организации эффективного взаимодействия с населением муниципалитета.

В современных условиях проект «Цифровой муниципалитет» может стать важнейшим инструментом построения эффективной коммуникации органов власти и граждан, развития гражданской инициативы и повышения роли местной власти в контексте реформы системы местного самоуправления.

Литература

1. Афанасьева Ю. С. Национальный проект «Умный город»: опыт и перспективы // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 4 (25). С. 29–34.
2. Васякин Б. С., Перепечкина Е. Г., Лосенков О. И. Организация предоставления муниципальной услуги как элемент аудита эффективности муниципалитетов // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 11. С. 145–157.
3. Зубарев В. Цифровой муниципалитет // Эксперт. 2017. 24 июля. № 30–33 (1039).
4. Камолов С. Г. Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне : дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М. : МГИМО, 2020. 405 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Корюкаев А. В. Особенности и проблемы внедрения системы «электронный муниципалитет» // Kant. 2016. № 4 (21). С. 122–125.
7. Корюкаев А. В. Теоретическое обоснование процессов информатизации управления предоставлением муниципальных услуг // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12–1 (77). С. 228–237.
8. Круглый стол на тему: «Цифровой муниципалитет: проблемы и перспективы законодательного обеспечения» // Местное право. 2021. № 3. С. 39–56.
9. Кузнециков А. В. Цифровой диалог как форма взаимодействия муниципалитета и его жителей // Региональные аспекты управления социально-экономическими процессами. Материалы XIV региональной научно-практической конференции учащейся молодежи. Чебоксары : 2021. С. 19–24.

10. Майоров А. В., Волкова А. М., Потапов А. Д. К методологии формирования «цифрового муниципалитета»: новая парадигма муниципального управления в условиях «цифровой экономики» // *Цифровая экономика и рынок труда будущего. Материалы всероссийской научной конференции.* СПб., 2019. С. 82–89.
11. Майоров А. В., Еремеев С. Г., Волкова А. М., Потапов А. Д. Цифровые технологии в управленческой деятельности: философско-антропологический и прикладной аспекты // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* 2019. № 1. С. 34–48.
12. Махотенко М. А. Некоторые аспекты цифровой трансформации муниципалитетов // *Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию.* 2020. № 2. С. 400–404.
13. Перепечкина Е. Г., Коломина П. В. Организация предоставления муниципальной услуги в цифровом формате как элемент аудита эффективности муниципалитетов // *Региональная специфика и российский опыт развития бизнеса и экономики. Материалы XII Международной научно-практической конференции.* 2021. С. 162–169.
14. Фролова Е. А., Щербань Е. Г. Цифровая экономика: муниципальный аспект // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* 2019. № 1 (75). С. 17–21.
15. Фугалевич Е. В. «Умный муниципалитет» как инструмент развития российской экономики // *Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование. сборник научных трудов по итогам IV национальной научно-практической конференции.* СПб., 2021. С. 173–176.
16. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М. : Логос, 2002. 224 с.
17. Яценко К. А., Чиркунова Е. К. МФЦ как развитие цифровой экономики в муниципалитете // *Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 3 т. Отв. ред. А. А. Горохов.* 2019. С. 421–423.

Об авторе:

Лихтин Анатолий Алексеевич, декан факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1 класса, кандидат экономических наук; likhtin-aa@ranepa.ru

References

1. Afanasyeva Yu. S. National project “Smart City”: experience and prospects // *Bulletin of the Institute of World Civilizations [Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii].* 2019. Vol. 10. N 4 (25). P. 29–34 (in Rus).
2. Vasyakin B. S., Perepechkina E. G., Losenkov O. I. Organization of the provision of municipal services as an element of the audit of the effectiveness of municipalities // *Problems of theory and practice of management [Problemy teorii i praktiki upravleniya].* 2021. N 11. P. 145–157 (in Rus).
3. Zubarev V. Digital municipality // *Expert [Ekspert].* 2017. July 24. N 30–33 (1039) (in Rus).
4. Kamolov S. G. High-tech paradigm of public administration at the regional level : *Doctoral Dissertation.* M. : MGIMO, 2020. 405 p (in Rus).
5. Castells M. *Information era: economy, society and culture / scientific ed.* O. I. Shkaratan. M., 2000. 608 p (in Rus).
6. Koryukaev A. V. Features and problems of implementing the “electronic municipality” system // *Kant.* 2016. N 4 (21). P. 122–125 (in Rus).
7. Koryukaev A. V. Theoretical substantiation of the processes of informatization of management of municipal services // *Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo].* 2016. N 12–1 (77). P. 228–237 (in Rus).
8. Round table on the topic: “Digital municipality: problems and prospects of legislative support” // *Local law [Mestnoe pravo].* 2021. N 3. P. 39–56 (in Rus).
9. Kuznechikov A. V. Digital dialogue as a form of interaction between the municipality and its residents // *Regional aspects of managing socio-economic processes. Materials of the XIV regional scientific-practical conference of student youth.* Cheboksary, 2021. P. 19–24 (in Rus).

10. Maiorov A.V., Volkova A.M., Potapov A.D. On the methodology for the formation of a “digital municipality”: a new paradigm of municipal management in the conditions of the “digital economy” // Digital economy and the labor market of the future. Materials of the All-Russian scientific conference. 2019. P. 82–89 (in Rus).
11. Maiorov A.V., Ereemeev S.G., Volkova A.M., Potapov A.D. Digital technologies in management activities: philosophical, anthropological and applied aspects // Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin [Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina]. 2019. N 1. P. 34–48 (in Rus).
12. Makhotenko M. A. Some aspects of the digital transformation of municipalities // Intellectual resources for regional development [Intellektual'nye resursy — regional'nomu razvitiyu]. 2020. N 2. P. 400–404 (in Rus).
13. Perepechkina E. G., Kolomina P.V. Organization of the provision of municipal services in digital format as an element of the audit of the effectiveness of municipalities // Regional specifics and Russian experience in business and economic development. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference. 2021. P. 162–169 (in Rus).
14. Frolova E. A., Shcherban E. G. Digital Economy: Municipal Aspect // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta]. 2019. N 1 (75). P. 17–21 (in Rus).
15. Fugalevich E.V. “Smart municipality” as a tool for the development of the Russian economy // Theory and practice of managing state functions and services. Tariff regulation. Collection of scientific papers based on the results of the IV national scientific and practical conference. SPb., 2021. P. 173–176 (in Rus).
16. Himanen P., Kastells M. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. M. : Logos, 2002. 224 p (in Rus).
17. Yatsenko K.A., Chirkunova E.K. MFC as the development of the digital economy in the municipality // Research of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development. Collection of scientific articles of the 9th All-Russian scientific-practical conference with international participation. In 3 volumes. Managing editor A.A. Gorokhov. 2019. P. 421–423 (in Rus).

About the author:

Anatoliy A. Likhtin, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Acting State Councilor of St. Petersburg 1 class, PhD in Economics; likhtin-aa@ranepa.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2022. № 9(165)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 10.09.2022.
Подписано к печати 28.09.2022.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,19. Тираж 50 экз.
Заказ № 9/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97